

«LES COSAQUES DE KUBAN»
10, rue des Cordelieres — PARIS XIII[e]

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 1 Изданіе непеpіодическое 1931 г.

ИЗДАТЕЛЬ: Общество Ревнителей Кубани
РЕДАКТОРЪ: Коллегія Кубанскихъ Казаковъ

Хоперцы

«LES COSAQUES DE KUBAN»

10, rue des Cordelieres — PARIS XIIIe

ИСТОРИКО - ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 1 Изданіе непеіодическое 1931 г.

ИЗДАТЕЛЬ: Общество Ревнителей Кубани

РЕДАКТОРЪ: Коллегія Кубанскихъ Казаковъ

Хоперцы

Настоящій номеръ выпущенъ при участіи Союза Кубанскихъ писателей и журналистовъ.

ЦѢНА НОМЕРА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ:

1. Во Франціи — 3 фр. 50 с.

   Выписывать отъ Правленія Общества.

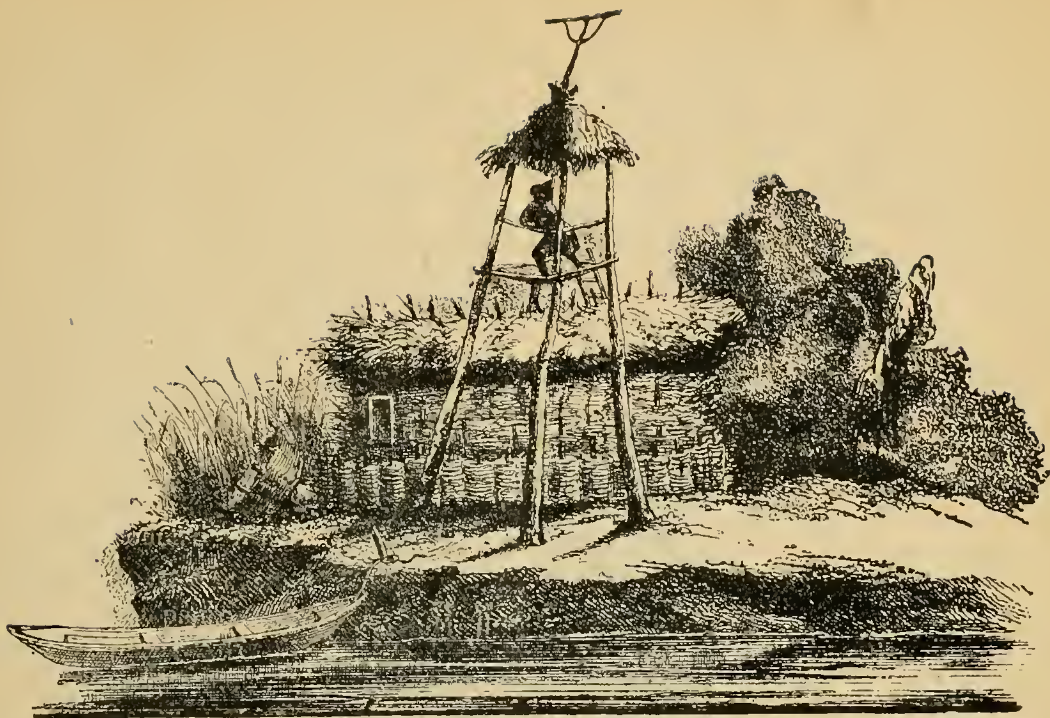
2. На Балканахъ — 5 динаръ

   Выписывать черезъ Кубанскую Канцелярію у полковника Соломахина — Belgrad. Nemanina, 20
   Изъ распроданныхъ на Балканахъ — 10% пойдетъ на постройку Кубанскаго дома въ Бѣлградѣ.

3. Въ Чехословакіи — 4 кроны

   Выписывать черезъ полковника Федорова
   Praha XIV. Nusle-Adoli. Jaromirova 456.

4. Для остальныхъ странъ — 20 центовъ — 5 фр.

ВОЙСКОВОЙ ПРАЗДНИКЪ

Гудитъ, разливается могучій гласъ полтысчипудоваго Войскового колокола; мощнымъ звукомъ наполняетъ онъ широкія улицы стольнаго города Кубани и далеко-далеко несется по ней — нашей матери многоводной раздольной, вѣщая нижнимъ станицамъ и закубанскимъ ауламъ о великомъ праздникѣ казачьей Кубани.

Звонъ умолкъ, умолкли мѣдные голоса всѣхъ Екатеринодарскихъ церквей и вновь завторили частымъ радостнымъ веселымъ перезвономъ, слѣдуя гласу колоколовъ Войскового собора.

Торжественные, благоговѣйные звуки блестящихъ трубъ Войскового хора трубачей, а за нимъ цѣлаго ряда иныхъ, наполнили молитвой «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ» ширкую Соборную площадь густо-густо усѣянную сомкнутыми рядами войсковыхъ частей, войсковыхъ учебныхъ заведеній и тысячъ разнаго народа, густой лавой заполнившаго улицы и переулки.

Изъ раскрытыхъ дверей Войскового Собора, блистая золотомъ въ теплыхъ лучахъ ласковаго октябрьскаго солнца Кубани, спускалась на площадь длинная, длинная вереница святостей и хоругвей, сопровождаемая всѣмъ столичнымъ духовенствомъ въ богатыхъ золотыхъ ризахъ.

На одинъ мигъ по звучной рѣзкой командѣ дрогнула вся масса войскъ и цѣлымъ лѣсомъ острыхъ штыковъ и блестящихъ лезвій шашекъ ощетинилась широкая площадь и обнажились тысячи головъ.

А вслѣдъ за тѣмъ, сладкимъ трепетомъ дрогнули казачьи сердца, тысячи взоровъ жадно приковались къ соборнымъ дверямъ — цѣлый лѣсъ бунчуковъ, значковъ и знаменъ — свидѣтелей старой неугасающей славы дѣдовской — Запорожской, Черноморской, Азовской, Бугской, Линейской, Кубанской — спускался по широкимъ ступенькамъ соборнымъ и вытягивался длинной длинной змѣйкой на Красную улицу.

Блестѣли на солнцѣ золотомъ и серебромъ несчетныя булавы, насѣки и перначи стариннаго казачества, въ рукахъ попарно врядъ идущихъ Атамановъ, со всей широкой Кубани въ этотъ день слетѣвшихся въ стольный градъ.

Рѣяли и развивались въ воздухѣ Войсковыя знамена, золотомъ и малиновымъ бархатомъ переливались многочисленныя регаліи — грамоты царей и царицъ, царскіе мундиры, а на чудесномъ бѣлоснѣжномъ арабѣ покачивались огромные серебряные котлы — литавры даръ царицы Екатерины Запорожскимъ — черноморцамъ.

Высокіе ряды могучихъ красавцевъ, гвардей-

цевъ - конвойцевъ шли за ними, а дальше самъ батько Атаманъ и высшіе чины Войска съ булавами, насѣками, перначами — знаками своей власти — шли медленно и торжественно передъ шпалерами войскъ, школъ и народа на **Войсковой Кругъ** къ священной землѣ, Крѣпостной площади, туда, гдѣ среди запорожскихъ куреней, еще такъ недавно возвышался обширный деревянный соборъ, чудо казачьей техники, безъ единаго гвоздика поставленный казаками.

Тамъ передъ нимъ отбывались Войсковыя Рады послѣднихъ запорожцевъ - черноморцевъ, туда тянулись ихъ старыя боевыя реликвіи и Войсковыя святости, и все славное Войско Кубанское, въ день своего великаго праздника Войскового помолиться Богу на священной землѣ и въ Війсковомъ Кругу обновить хоть тѣнь давно забытой Рады Казачьей.

А въ тотъ же день и часъ по всей широкой Кубани, по всѣмъ станицамъ и далеко за ея предѣлами, тамъ, гдѣ стояли оторванные отъ родной Земли Кубанскіе полки и батальоны, молились Богу и гордо шли парадомъ подъ своими знаменами Ея сыны.

Далеко, далеко въ глубокую сѣдину вѣковъ уходитъ торжество празднованія великаго Войскового Праздника.

Еще великій князь Владиміръ святой Кіевскій не былъ христіаниномъ и не расширилъ свою власть на азовско - черноморскіе берега, какъ тамъ сидѣла многочисленная Русь - казачья, войсковымъ обычаемъ вступившая въ 948 году на службу Византійскаго Императора противъ степныхъ наѣздниковъ, кочевниковъ и турокъ. Такъ разсказывала неписанная древняя молва-исторія, а за ней и донская о началѣ Войскъ казачьихъ.

Атаманъ Кубанскаго Казачьяго Войска Генералъ Науменко

Византію и византійскіе берега познала эта удалая, боевая Русь добытническая значительно раньше — «погибельный дѣлами и названіемъ народъ Русь» — опустошалъ берега малоазіатскіе, «на своихъ монокшлахъ по морю и землѣ плавала и Константинополь штурмовала», какъ говорилось въ посланіи Кіевскаго духовенства 1621 года о казачьихъ предкахъ донскихъ и запорожскихъ.

Въ тѣ сизыя отдаленныя времена и случилось событіе, почти на тысячу лѣтъ потомъ сильно врѣзавшееся въ память казачьихъ предковъ и нашихъ праотцовъ. Сначала это было языческое отношеніе къ небывалому чуду, устрашившему нашихъ предковъ; потомъ, съ принятіемъ ими христіанства, перешедшее въ празднованіе Покрова 1-го октября.

Въ тѣ отдаленныя времена Русь азовско-черноморская неожиданно осадила стѣны столицы Византійскаго государства. Защищать ее было некому; Императоръ съ войсками находился далеко въ походѣ противъ мусульманъ. Константинополь долженъ былъ пасть и сдѣлаться добычью Руси.

У населенія осталась одна надежда — на Бога. Послѣ усерднаго моленія патріархъ, взявъ Ризы Богоматери, пошелъ съ крестнымъ ходомъ по стѣнамъ Цариграда и съ молитвой погрузилъ ихъ въ воды Золотого Рога, въ которомъ сосредоточилась флотилія осаждавшихъ.

Произошло чудо — внезапно поднялась буря, разнесла и разметала суда Руси и устрашенные добычники, снявъ осаду, удалились безслѣдно. Константинополь былъ спасенъ. Греческая церковь установила въ этотъ день праздникъ Покрова Пресвятой Богородицы, а Русь языческая надолго запечатлѣла у себя страхъ передъ необъяснимой силой Всевышняго.

Минули столѣтія, въ то время у самихъ грековъ постепенно стирались слѣды празднованія чуда, въ особенности послѣ взятія Константинополя турками въ половинѣ 15-го ст., у потомковъ Руси азовско-черноморской, у казачества, праздникъ этотъ пріобрѣлъ одно изъ наиважнѣйшихъ значеній.

Богородица Дѣва стала покровительницей казачества. Свой Покровъ Она распространила нынѣ надъ казаками, содѣйствуя ихъ побѣдамъ; отсюда и праздникъ Покрова сталъ праздникомъ всего казачества вообще — отъ самого Запорожья черезъ Донъ, Яикъ, занявшаго степные просторы до бурнаго Терека и въ далекой Сибири.

Къ нему приурочились и историческо - казачьи событія: въ день Покрова казаки, вышедшіе подъ гор. Казань въ 1552 году съ Дона, Волги, Яика, Терека, учинили «розмыслъ», взорвали стѣны Казанскія и взяли городъ штурмомъ; подъ Покровъ, остатки донцовъ и запорожцевъ, взявшіе неприступную турецкую крѣпость Азовъ, отбили въ 1641 году громадную турецкую армію, снявшую внезапно осаду и ушедшую отъ Азова, такъ какъ 800 лѣтъ передъ тѣмъ ушла Русь отъ Цариграда.

Казакъ воюетъ, а жена дома горюетъ.

На Запорожьи и Дону, мы знаемъ, что день Покрова праздновался особенно торжественно. Къ этому дню казачество стекалось отовсюду къ своему главному городу. Стекалось оно и для того, чтобы закончить прошедшій хозяйственный годъ и подготовиться на годъ новый.

Въ день Покрова въ Сѣчи Запорожской отбывалась Рада, на которой складывали счеты передъ «товариствомъ» всѣ Войсковые чины; на Дону передъ Покровомъ, въ память Азовскаго сидѣнія, отбывались торжества на Монастырскомъ урочищѣ — мѣстѣ упокоенія сложившихъ свои головы за честь казачью защитниковъ Азова, а на Покровъ Войсковой Кругъ снималъ счета съ Войскового начальства. И на Запорожьи, и на Дону отбывалась въ это время обильная «войсковая трапеза» для всѣхъ присутствующихъ.

Въ Сѣчи Запорожской праздникъ этотъ былъ еще тѣмъ торжественнѣнъ, что онъ былъ престольнымъ праздникомъ главной Запорожской — Сѣчевой Покровской церкви. Покровъ на Запорожьи чтился особенно и въ честь его было посвящено очень много казачьихъ церквей.

Въ Сѣчевой церкви Войсковой запрестольный образъ представлялъ Богоматерь, осѣняющую омофоромъ своимъ колѣнопреклоненное Войско Запорожское.

Образъ этотъ ушелъ въ Задунайскую Сѣчь, послѣ эмиграціи казаковъ въ Турцію, въ связи съ разрушеніемъ Сѣчи и уничтоженіемъ Войска Запорожскаго Екатериной II, въ 1775 году; ушла туда же и традиція празднованія Покрова какъ Войскового Праздника; унесли ее туда не только Запорожскіе казаки, но и доно-волжскіе казаки-эмигранты 1680, 1708 г.г., образовавшіе на Кубани **Великое Войско Кубанское**, перешедшее потомъ въ Турцію.

Эти первые Кубанцы до послѣднихъ дней своего Войскового существованія праздновали Покровъ какъ Войсковой Праздникъ.

Эту же самую традицію перенесли на Кубань и послѣдующіе кубанцы — Войско вѣрныхъ казаковъ Кошу Запорожскаго, впослѣдствіи Черноморское и казаки Линейныхъ Войскъ — выходцы и переселенцы на Сѣверный Кавказъ изъ Войскъ Донского, Волжскаго и иныхъ; казаки Гребенскіе и Терскіе хранили Войсковой Праздникъ Покрова съ незапамятныхъ временъ.

Долгое, очень долгое время день Покрова былъ общеказачьимъ Войсковымъ Праздникомъ и для всей Кубани. Многовѣковая, тысячелѣтняя, традиція эта была нарушена только въ 1830-хъ годахъ. Въ этомъ году для казачества было введено новое Положеніе; тогда же императоръ Николай I назначилъ Войсковымъ Атаманомъ всѣхъ казачьихъ Войскъ своего сына наслѣдника цессаревича Александра Николаевича и день его тезоименитства — день св Александра Невскаго — 30-го августа былъ сдѣланъ Войсковымъ Праздникомъ казачьимъ; въ томъ числѣ и Кубани.

Всѣ торжества — церковныя и военныя, связанныя съ Войсковымъ Кругомъ — теперь уже блестящимъ парадомъ, съ выносомъ регалій и прочтеніемъ грамотъ были перенесены на этотъ день.

На Кубани онъ получилъ еще большую торжественность, когда въ Екатеринодарѣ былъ освященъ новый Войсковой Соборъ въ честь св. Александра Невскаго, взамѣнъ снесеннаго стараго собора первыхъ Черноморцевъ - Запорожцевъ. Не только въ самомъ Екатеринодарѣ — въ станицахъ войсковой праздникъ утратилъ свою задушевность, тѣсно связанную съ праздникомъ Покрова; онъ сталъ больше оффиціальнымъ праздникомъ тамъ, гдѣ одновременно не было храмового престольнаго праздника.

Внѣшняя сторона праздника продолжала же быть такою великолѣпною, какой она бывала и ранѣе.

Она еще болѣе стала великолѣпною, когда въ 1905 году произошло долгожданное событіе — родился наслѣдникъ цессаревичъ, къ которому, по старой уже традиціи, перешелъ титулъ Августѣйшаго Атамана всѣхъ казачьихъ Войскъ.

Должность эта, съ воцареніемъ императора Николая II, оставалась вакантной съ 1894 года — у царя не было сына, а у казаковъ Атамана — были только Наказные.

Невзгоды японской компаніи, революціи, смута, все какъ будто были забыты на время и день именинъ наслѣдника Алексія, по старой же традиціи, снова сталъ днемъ войскового праздника, со всѣми его торжествами.

Такъ праздновалось все время до начала 1917 года, когда волна разнузданной революціи повергла все и вся; растоптала и смела многое и многое, что уже стало дорогимъ для цѣлыхъ поколѣній.

Не стало царя, не стало и царственнаго Атамана; но Войсковой Праздникъ въ день св. Алексія митрополита Кіевскаго и всея Русіи, родомъ волынскаго боярина — украинца, остался въ нашемъ Войскѣ.

Мѣнялись традиціи, мѣнялись устои подъ громъ кровавой борьбы съ поработителями казачества.

Снова ожила мысль возобновить общій древнеказачій праздникъ всѣхъ Войскъ—Покрова пресв. Богородицы; но мысль эта осталась неосуществленною, на эмиграцію мы вышли со старымъ Войсковымъ праздникомъ 5-го октября.

Этотъ дорогой осколокъ блестящаго празднованія Войскомъ на далекой безконечно дорогой Родинѣ былъ одинаково дорогимъ всѣмъ казакамъ — эмигрантамъ; монархистъ, республиканецъ, вольный казакъ, единонедѣлимствующій или соборноукраинствующій кубанецъ сходились вмѣстѣ за трапезой этого дня, въ дружеской казачьей бесѣдѣ вспоминая былое славнаго Войска.

Не той козакъ шо зборовъ, а той — шо вывернувся.

Одни праздновали въ немъ блескъ Россійской Имперіи и славнаго казачества въ немъ, другіе — укаринца - митрополита, третьи — просто казачью традицію, принесенную съ далекой Кубани, а иные, какъ самостійники, сближали этотъ день съ старо-казачьимъ праздникомъ Покрова.

Европа, скорѣе цѣлый свѣтъ, заставляютъ насъ уже не придерживаться точно дня 5/18 октября. Мы больше празднуемъ свою традицію и приближаемъ ее къ другому великому древнеказачьему празднику Покрова.

Но какъ бы то нибыло, день этотъ, день Войскового Праздника, есть день радости всѣхъ насъ. Въ этотъ день мы собираемся всѣ вмѣстѣ, открываемъ наши сердца радостью, живемъ мыслями о родныхъ, Войскѣ и Кубани.

Этотъ день — это наша вторая Пасха, на который мы идемъ съ золотыми сердцами золотого пасхальнаго слова:

«Воскресенія»

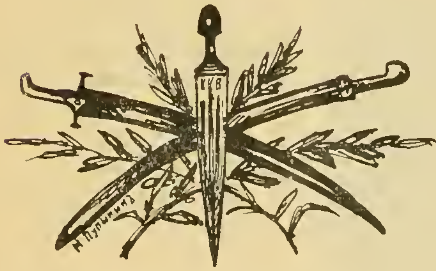
и на которомъ ни одному изъ Васъ, Доблестное Казачество, не будетъ поставлено виною, кто въ тѣяніяхъ своихъ ради

«Воскресенія Казачества» —

согрѣшилъ или заблудился, такъ какъ —

— Всѣ мы сыны Единой Матери - Кубани, всѣ мы дѣти Единой Семьи Казачьей!..

ПЛАСТУНЫ

Подъ пластунами въ наше время подразумѣваютъ казачью пѣхоту. Въ Великую войну и войну съ РСФСР были пластуны не только кубанскіе, но и донскіе, терскіе, были пластуны и у сибирскихъ казаковъ. Передъ войной только кубанская казачья пѣхота носила, да и то всего нѣсколько десятковъ лѣтъ, названіе пластуновъ.

Пластуны прославились по цѣлому свѣту; казачья пѣхота вообще славилась съ давнихъ давень. 500 лѣтъ тому назадъ, въ битвѣ войскъ литовско-польскихъ съ нѣмецкими крестоносцами, при Грюнвальдѣ, четыре казачьихъ полка рѣшили ее участь и положили предѣлъ движенію кровавыхъ тевтоновъ въ славянскія земли.

Отъ казаковъ и казачьей пѣхоты учились военному искусству и европейскіе воины..

Славный чешскій полоководецъ Янъ Жижка, служившій сначала въ Литвѣ, протекторатъ Великаго князя, котораго признавали и Днѣпровскіе казаки, перенялъ отъ казаковъ способъ пѣшаго боя изъ-за возовъ въ лагерѣ и съ возовъ при походѣ. Модернизировавъ казачьи возы, онъ эту тактику казачьей пѣхоты искусно примѣнялъ въ гуситскихъ войнахъ первой четверти 15-го столѣтія

Казачья пѣхота особенно славилась въ 16 — 17-омъ стол., въ войнахъ съ Польшей, Турціей и Крымомъ искусствомъ обороны въ укрѣпленномъ возами лагерѣ и боя возового на походѣ — это была скифская тактика ихъ отдаленныхъ предковъ.

Въ 16 — 17 ст. казачья пѣхота наводила страхъ и трепетъ своимъ дессантомъ на могущественную Турцію, передъ которой дрожалъ весь старый міръ. Взятіе Казани въ 1552 году, Азова въ 1637 и его славная оборона 1641 г. — все это дѣло казачьей пѣхоты.

Французскій военный писатель Бопланъ, близко знавшій казаковъ Запорожья, свидѣтельствовалъ въ половинѣ 17-го ст., что казачья пѣхота есть наилучшая въ мірѣ, а король польскій, Янъ Собѣсскій, безъ нея не рѣшался развить осаду турокъ подъ Вѣной. Въ концѣ 17-го ст. казачья пѣхота подъ той же Вѣной рѣшила участь боя и положила конецъ продвиженію турокъ на Западъ.

Въ войнахъ 18-го ст. перевѣсъ въ казачествѣ пріобрѣтаетъ конница, но Запорожская пѣхота еще покрываетъ себя неувядаемой славой въ войнахъ съ турками и пріобрѣтаетъ остаткамъ Запорожцевъ въ Россійской имперіи право на существованіе **Войскомъ Черноморскимъ.**

Тамъ, въ Запорожьи, и родились **«пластуны»** — отборнѣйшіе казаки, несшіе пѣшую или спѣшенную службу въ боевые дни, а въ мирное время ведшіе такой образъ жизни, который выковывалъ изъ нихъ цвѣтъ казачества.

Вотъ что о нихъ говоритъ Атаманъ Кухаренко, самъ видѣвшій старыхъ Запорожцевъ, въ разсказѣ «Пластуны»:

«Старые казаки - сичевики было разсказываютъ такъ: что у Запорожцевъ на Днѣпрѣ пѣхота сидѣла

Одынъ і у кашы загынешъ.

въ Сичи, а конные жили въ Великомъ Лугѣ, изъ-за хорошей пастьбы. Какъ пѣхотѣ такъ и конникамъ свободно разрѣшалось въ мирное время заниматься — кому рыболовствомъ, кому **«пластунствомъ»...**

Пластуны стрѣляли дикихъ звѣрей, которыхъ тогда въ днѣпровскихъ плавняхъ было вдоволь. Пластунами, говорятъ, назывались потому, что были «непосѣдами», все шатались по плавнямъ и такъ какъ больше имъ приходилось мѣсить грязь, чѣмъ ходить по сухому, сирѣчь «пластать», то и прозвались «пластунами».

атамана Власова, какъ о такихъ «искуссныхъ стрѣлкахъ, равныхъ которымъ нѣтъ въ мірѣ».

Колыбелью пластуновъ и тогда была пѣхота. Обративши вниманіе на ихъ стрѣлковыя качества, генералъ Власовъ распорядился, чтобы для дѣйствій противъ горцевъ были составлены особыя пластунскія команды изъ охотниковъ.

Въ 1832 году, при атаманѣ Заводовскомъ, были уже составлены «пластунскія команды» по три человѣка изъ пѣшихъ и конныхъ полковъ, знающихъ совершенно пластунское искусство, опытныхъ и храбрыхъ въ дѣлахъ съ непріятелемъ, при офице-

Группа г.г. офицеровъ 1-го Кубанскаго пластунскаго баталіона въ гор. Артвинѣ, въ 1891-омъ году.

Въ турецкой войнѣ 1789-91 г. «пластуны были и въ пѣхотѣ и въ конницѣ»... По переходѣ на Кубань, холостая сірома «охочая на звѣрей, разсыпалась по плавнямъ, и по запорожскому образцу — добычничала. При пластунахъ были охочіе хлопцы, при нихъ они и выростали, а научившись искусству и сами становились пластунами»... Кухаренко очень подробно описываетъ жизнь и пріемы пластуновъ того времени, но «если написать всѣ пластунскіе порядки, то была бы цѣлая книжка», — пишетъ онъ.

Пластуны на Черноморьи отдѣльныхъ войсковыхъ частей не составляли, попрежнему они были и въ пѣшихъ и конныхъ частяхъ.

Въ оффиціальной перепискѣ названіе «пластунъ» встрѣчается впервые въ 1824 г.. Узналъ о нихъ извѣстный генералъ, герой Кавказа Ермоловъ отъ

рахъ и урядникахъ, для кордонной охраны. Надобность въ нихъ миновала въ 1833 году и они были распущены по полкамъ.

Позже ихъ не разъ употребляли для развѣдки и какъ стрѣлковъ. Въ мирное время на охотѣ, приказомъ Войску отъ 5 іюня 1845 года пластунамъ было запрещено «стрѣлять на хрустъ», т.-е. на шумъ отъ подхода звѣря, такъ какъ часто бывали случаи, когда пластуны, при невѣрятной способности этихъ стрѣлковъ попадать въ предметъ невидимый глазомъ съ помощью одного привычнаго слуха, — убивали бродившихъ въ густыхъ плавняхъ товарищей.

Въ Кавказской войнѣ пластуны не разъ совершали выдающіяся дѣла, но на это смотрѣли какъ на дѣло обычное. Такими же они были и въ Сева-

---

Казакъ въ бѣдѣ не плачетъ.

стопольскую кампанію, гдѣ прославились особенно 2-й, 5-й и 8-й баталіоны, въ 1854-55 г.

Пластуны того времени были вполнѣ достойны своиъ запорожскихъ предковъ. Они одинаково удивляли какъ противника, такъ и русскихъ.

Вотъ какъ характеризуетъ пластуна того времени современникъ:

«Пластунъ — это обыкновенно дюжій, валкій на ходу казакъ, первообразно запорожскаго склада и закала: тяжелый на подъемъ и неутомимый, не знающій удержа послѣ подъема; при хотѣньи — бѣгущій на гору, при нехотѣньи — еле плетущійся подъ гору; ничего не обѣщающій внѣ дѣла и удивляющій неистощимымъ запасомъ и разнообразіемъ, безконечной тягучестью способностей въ дѣлѣ»... себѣ полное понятіе о походной наружности пластуна какова она есть».

Таковъ былъ пластунъ періода Кавказскихъ войнъ.

Въ 1842 году по штатамъ, пластунскія команды были во всѣхъ конныхъ и пѣшихъ частяхъ Черноморскаго Войска, а за нимъ и Линейнаго. По нашему это были команды развѣдчиковъ.

Со временемъ, пѣшіе первоочередные батальоны спеціально уже обучались пластунскому искусству и пѣшій казакъ Кубанскаго Войска сталъ синонимомъ пластуна.

Въ 1864 году окончилась Кавказская война; къ севастопольскимъ георгіевскимъ знаменамъ, Кубанскіе пластуны получили еще новыя награды, а въ 1870 году пѣшіе батальоны получили наименованіе **«пластунскихъ»**. Въ кампаніи 1877-78 г.г. Кубанская пѣхота показала себя такими же пластунами, какими были Черноморцы раньше, хотя теперь и Линія и Запорожье выставляли пѣшіе батальоны.

Это тяжеловатый и угловатый камень, которымъ неопытный зодчій можетъ пренебречь, но который, если его поворочать на всѣ стороны, можетъ угодить въ главу угла.

Сквозь сильный загаръ лица пробивается добродушіе, которое легко провести и вмѣстѣ суровая сила воли и убѣжденія. Умный взглядъ и навощенный, къ верху вздернутый усъ придаютъ лицу пластуна выраженіе стойкости и неустрашимости. Въ самомъ дѣлѣ — это лицо окуренное порохомъ, превращенное въ бронзу непогодами, какъ бы говоритъ вамъ: не бойсь, передъ опасностью — ни въ задъ, ни въ сторону! Когда вы съ нимъ идете въ опасномъ мѣстѣ или въ опасное дѣло — отъ его шага, отъ его взгляда и простыхъ словъ вѣетъ на васъ какимъ то спокойствіемъ, какимъ то забвеніемъ опасности.

Пластуны 2-го и 8-го баталіоновъ Черноморскаго Казачьяго Войска, отличившіеся при защитѣ Севастополя въ 1854 - 55 г.г.: 1. Марко Сопельнякъ. 2. Иванъ Кравченко. 3. Парамонъ Бѣлый. 4. Иванъ Чижъ. 5. Демьянъ Онищенко. 6. Тарасъ Сопельнякъ. 7. Порфирій Семакъ.

Черкеска отрепанная, покрытая разноцвѣтными, нерѣдко даже ,вслѣдствіе потеряннаго терпѣнія отъ починки, кожанными заплатами; папаха вытертая, порыжѣвшая, но въ удостовѣреніе беззаботной отваги — лихо заломленная на затылокъ; чевяки изъ кожи дикаго кабана, щетиною наружу — вотъ будничное убранство пластуна. Прибавьте къ этому сухарную сумку за плечами, добрый штуцеръ въ рукахъ, привинтной штуцерный тесакъ съ деревяннымъ набойникомъ спереди около пояса и висящая съ боковъ пояса такъ называемая «причиндалія»: пороховница, кулечница, отвертка, жирникъ, шило изъ рога дикаго козла, иногда котелокъ, иногда балалайка или даже скрипка — и вы составите

Раньше ихъ было только 3 — первоочередныхъ; въ Войскѣ Кубанскомъ уже — 6.

Пришла Японская кампанія и пластуны вновь украсили Войско отличіями; пришла — Великая война — они прогремѣли по цѣлому свѣту; спасали Кавказъ и честь Арміи въ Закавказьи, били прославленную германскую гвардію, удерживали знаменитую «фалангу Макензена» на р. Санѣ тогда,

когда ни россійская трагедія, ни вся армія не смогли остановить ея напора; были «ударными частями» еще императорской арміи, спасая положеніе фронта вездѣ и всюду и были непобѣдимыми «Кавказскими орлами» на фронтѣ Турецкомъ, подъ Сары-Камышемъ.

Пришла война за Казачью волю, и пластуны геройски бились съ красными ордами.

И вездѣ и всегда отъ стародавняго Грюнвальда начала 15-го ст. и до нашихъ дней— скромная, незамѣтная, невзрачная казачья пѣхота творила чудеса храбрости и поражала доблестью современниковъ.

Пасынки регулярной арміи — они были незамѣнимыми блестящими героями боевой жизни.

Тихо, скромно, спокойно, съ присущимъ ему вѣковѣчнымъ юморомъ, дѣлалъ пластунъ свое обычное пластунское дѣло, не ища «ни корысти ни славы», а Слава сама его находила.

Полковникъ Федоровъ.

РАЗЛИЛАСЬ ТЫ..

... Разлилась... Разливалась...

А теперь часто вижу ее — пересохшею... По всему ея широкому руслу — бугристые пески, изсохшіе корчаги... гдѣ-гдѣ плѣснивыя лужи...

Обвалились гордые «шпили». Съ корнемъ высохшимъ, конвульсивно изогнутымъ трупомъ, лежитъ наша —

«Многоводная»...

Надъ ней, тамъ и сямъ, низко склонились многоствольныя вербы... А и тѣ ужъ не плачутъ. Не шепчутъ молитвы Тупо смотрятъ въ бугристый песокъ, время отъ времени бороздя его голыми вѣтками... Словно молчаливая, безслезная мать, что «безучастными» руками прощупываетъ тѣло мертваго сына...

Ни пѣсенъ, ни смѣха, ни задорнаго ржанья коней, ни мычанья коровъ, ни фырканья барахтающейся въ водѣ дѣтворы казачьей...

Песокъ, корчаги, плѣснивыя лужи, да безкорыя вербы...

И ничто, ничто не откростъ чужому, неказачьему оку, какая жизнь здѣсь разливалась -

«Вдаль и вширь»...

Какія прекрасныя возможности стояли передъ казачьимъ —

Богатыремъ - народомъ!

Излилась въ бездонное море раздольная сила. Осиротѣла ковыльная степь. И безъ воли —

«Станица Вольная»...

. . . .

Слишкомъ щедра ты была, наша Родина! Безъ учета и счета богатствомъ своимъ разбрасывалась. За друга и недруга слала насъ —

«Въ смертый бой»...

И — о тебѣ, здѣсь нынѣ вспоминаючи, — съ усмѣшкой горькой признаемся:

— Увы, ни пользы намъ — ни тебѣ — Славы!..

Характерные типы Кубанскихъ казаковъ Кубанской Казачьей дивизіи въ Сербіи.

Разливалась... А отъ разливовъ твоихъ чесались за ухомъ — твои - же. Была — Вольная, а

Казаку конь себя дороже.

покорно несла дань — пока не обезкровилась, и отъ вѣкового богатыря не произошла въ — ничто.

Создала совершеннѣйшія въ мірѣ Свободу и Равенство, а истекла кровью, защищая совершеннѣйшіе въ мирѣ Деспотизмъ и Неравенство...

Ибо сыны твои тебя знали лишь —

«Изъ далекихъ странъ»...

И въ грозный часъ борьбы за самое Тебя — Тебя —

«Не отстояли»...

Не сумѣли: ибо не знали Тебя...

Не знали источниковъ Своихъ. Не знали, что многоводность Твоя не въ «милостивѣйшихъ грамотахъ», а въ самобытности устоевъ Твоихъ. Не въ мертвыхъ заливныхъ болотахъ, а въ живыхъ подземныхъ ключахъ, бьющихся изъ глубины вѣковъ

Родившаяся въ кристальныхъ льдахъ — съ кристально чистою душею, безпечнымъ смѣхомъ, будто силы Твои неизбывныя — кормила Ты своею грудью и друга и недруга. Принимала званныхъ и незванныхъ, пока —

Гости» не стали «хозяевами»,

А многоводность Твоя не правратилась въ плѣснивыя лужи...

Умеръ смѣхъ въ рассказаченныхъ станицахъ.. въ тундрахъ сгнила Казачья

Пѣснь - Молитва,

А остатки остатковъ твоихъ — развѣяны по всему свѣту... И Богъ знаетъ, соберутся ли когда подъ единымъ стягомъ:

— За родной отовскій Домъ»...

Ночь ли спустится надъ родимою степью; день ли ясный, безоблачный показываетъ мнѣ Тебя отъ Эльбруса до Маныча — неузнаваема —

Ты, Кубань, наша Родина!..

Странные, незнаемые люди — странное, незнаемое одѣяніе. —

Лишь тоска, что вѣщей птицей — чибисомъ кружится надъ Твоимъ просторомъ —

Моя, Ты, Родина...

Ибо ея изъ сердца безъ сердца — не выкинуть. Она приковала мой духъ къ Твоему широкому бездолью и тяжкими думами прокорчевываетъ путь къ Твоему — Воскресенію.

Разлилась... Разливалась...

Но не Ты насъ выплеснула изъ родныхъ станицъ! Не улюлюканьемъ и злобнымъ смѣхомъ провожала Ты насъ...

Мертвой стражею заняла Ты кремнистые утесы Побережья. Слезами съ кровью напоила подземные ручьи Свои...

А если мы Тебя «тогда» не отстояли —

Страждущее казачье семейство одной изъ горныхъ станицъ на Кубани въ 1927 году. Глава ея — отецъ и мужъ — за рубежомъ. Школяры, вѣрные казачьей традиціи — снялись при отцовскихъ кинжалахъ.

То не потому, —

Что — не хотѣли. —

Не смогли. Не сумѣли. Не знали.

И если Ты «тогда» «покорно»

Разливалась —

Теперь сумѣемъ втиснуть Тебя въ берега Твои.

Вл. Куртинъ.

Церковная жизнь на Кубани

со времени прибытія Запорожцевъ до послѣднихъ дней.

Когда Запорожцы изъ Буджацкихъ степей въ 1792-1793 г.г. переселились на Кубань и въ поискахъ мѣста, гдѣ бы можно и удобно было стать кошемъ, пришли и остановились въ Карасунскомъ куту, — то однимъ изъ первѣйшихъ дѣлъ, которыя они совершили, закладывая нынѣшній Екатеринодаръ, — было сооруженіе двухъ церквей: Екатериненской и Войскового Собора. Дубы, покрывавшіе въ то время оба берега Карасуна (ихъ остатки можно было видѣть до послѣднихъ дней въ садахъ Духовнаго и

Епархіальнаго училища и на Дубинкѣ), были вырублены и изъ нихъ же была сооружена Екатерининская церковь. *)

Иначе и трудно было представить ихъ начало жизни на новомъ мѣстѣ, у этихъ рыцарей и стражей св. Православной церкви, у которыхъ единственнымъ условіемъ принятія въ ихъ славное братство, «Сичь Запорожскую», была — вѣра въ Бога и Пресвятую Троицу и православное крестное знаменіе. И всѣ тѣ тридцать восемь куреней, которые были и въ Запорожьи, раскинулись по своимъ мѣстамъ, начинали свою жизнь съ сооруженія храма. Станицы позднѣйшаго возникновенія, начиная съ одновременной куренямъ Екатерининской, часто однимъ своимъ названіемъ говорили, что не мыслитъ казачество своей жизни безъ церкви и внѣ ея.

Въ тѣ же первые годы своего поселенія на Кубани были основаны Войскомъ два монастыря: Николаевскій и Маріе-Магдалинскій — женскій. И много лѣтъ въ первомъ монастырѣ, куда по старому запорожскому обычаю уходили старые воины, не могущіе уже по немощи старческой держать саблю въ ослабѣвшихъ рукахъ, —среди монастырской братіи и преобладалъ элементъ болѣе привыкшій въ своей жизни къ дыму пороховому, нежели кадильному. — Словомъ, въ концѣ 18-го вѣка на одной изъ окраинъ Россійской имперіи прочно осѣло нѣсколько десятковъ тысячъ людей исключительно глубокой религіозности, необычайной твердости въ вѣрѣ и преданности св. Православію. Тѣмъ не менѣе въ дѣлѣ организаціи этой стороны своей жизни казаки на Кубани были почти предоставлены самимъ себѣ. Въ церковно - административномъ отношеніи первое время своей жизни на новыхъ мѣстахъ Черноморское войско зависѣло отъ епископовъ Екатеринославскихъ, въ Екатеринодарѣ же было организовано (и то не сразу) Духовное Правленіе съ очень ограниченнымъ кругомъ дѣлъ. Войсковые протоіереи, въ силу такихъ обстоятельствъ, сразу пріобрѣли исключительно высокое положеніе въ церковно - религіозной жизни новаго края и отъ нихъ душевныхъ качествъ и добраго расположенія многое зависѣло въ дѣлѣ устроенія церковной жизни на Кубани. Попеченіемъ Божіимъ въ первые же десятилѣтія жизни казаковъ на Кубани былъ воздвигнутъ великій свѣтильникъ вѣры и просвѣщенія — приснопамятнымъ о. протоіереемъ Кирилломъ Россинскимъ. Упорядоченіе церковной жизни и особенно начало народнаго просвѣщенія на Кубани неразрывно связано съ его именемъ. При немъ, въ 1818 - 22 г.г. было открыто первое учебное заведеніе на Кубани — «Екатеринодарское духовное училище» (приходское и уѣздное), помѣщавшееся долго въ сторожкѣ Екатерининской церкви на сѣверо-западномъ углу Екатерининской площади (противъ теперешняго дома Бородина). Нѣсколько позднѣе имъ же открывается Войсковая Гимназія, и въ своемъ лицѣ о. К. Россинскій объединяетъ все церковное и просвѣтительное дѣло на Кубани. Онъ былъ предсѣдателемъ Духовнаго Правленія, Смотрителемъ духовныхъ училищъ, Директоромъ Войсковой Гимназіи и Войсковымъ Протоіереемъ. Равнаго ему по своей дѣятельности и значенію изъ послѣдующихъ Войсковыхъ протоіереевъ уже не было, но дѣло, начатое имъ, не погибло, и возросши — принесло многократный обильный плодъ.

*) Въ послѣдніе годы, послѣ освященія Екатерининскаго Собора, старая Екатерининская церковь была перенесена въ «Сады», въ сѣверной ихъ части, по направленію къ станицѣ Новотитаровской.

Кубанскій Войсковой Собор

в г. Екатеринодарѣ.

Отдаленность епархіальной власти отъ Черноморья представляла большія затрудненія для церковной жизни на Кубани. Бывали случаи, когда какой-нибудь «дьячекъ» Калайтанъ дважды въ лѣто долженъ былъ являться къ «Великому Господину, Высокопреосвященнѣйшему Іову, Архіепископу Екатеринославскому», — и, чтобы поощрить его ко второй поѣздкѣ, ему былъ обѣщанъ стихарь, неизвѣстно, впрочемъ, полученный ли имъ.

Многія сотни верстъ разстоянія, бездорожье того времени, дѣлали Кубань заброшенной и оторванной, а вслѣдствіе этого часто забываемой. Для устраненія этихъ неудобствъ въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія Черноморье въ церковномъ отношеніи было присоединено къ Астраханской епархіи, но нельзя сказать, чтобы это мѣропріятіе было особенно удачнымъ. Астрахань была болѣе отрѣзана отъ Кубани, чѣмъ далекій Екатеринославъ: 400 верстъ совершенной пустыни, безводныхъ калмыц-

До булавы, треба головы.

кихъ степей, особенно въ зимнюю пору булановъ и морозовъ дѣлали совершенно невозможнымъ сообщеніе Астрахани съ Екатеринодаромъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что астраханскіе архіереи сами просили объ отчисленіи отъ ихъ епархіи Черноморья, и въ скоромъ времени церкви и приходы Кубани были подчинены Донскимъ архіепископамъ, въ подчиненіи у которыхъ и были до образованія Кавказской епархіи.

Эта новая епархія обнимала собою громадное пространство: весь Сѣверный Кавказъ, отъ Каспійскаго моря до Чернаго, съ епархіальнымъ центромъ въ Ставрополѣ Кавказскомъ. Совершенно понятно, что Ставропольскіе архіереи, начиная съ перваго епископа Кавказскаго Θеофилакта и оканчивая архіепископомъ (умеръ въ санѣ митрополита, не зная объ этомъ, въ 1919 г.) Агаθодоромъ, всю свою дѣятельност ьнаправляли на близкій и знакомый имъ Ставрополь, часто совершенно забывая о заброшенномъ, далекомъ Екатеринодарѣ. Бывали случаи и явнаго небреженія церковными интересами и запросами Кубани. Еще по представленію, кажется, приснопамятнаго о. Кирилла Россинскаго было положено начало образованію такъ называемаго «Черноморскаго духовнаго учебнаго капитала», предназначавшагося, понятно, на устройство и содержаніе духовно - учебныхъ заведеній на Кубани. Къ 80-ымъ годамъ прошлаго столѣтія этотъ капиталъ возросъ до солидной суммы, далеко превышавшей 100.000 руб. Изъ этихъ денегъ дѣлались свободно позаимствованія на постройку епархіальнаго училища въ Ставрополѣ по тому вполнѣ справедливому соображенію, что это училище будетъ обслуживать и Кубань. Но когда Кубанское духовенство на съѣздѣ своемъ въ началѣ 80-хъ годовъ постановило употребить оставшіяся деньги этого капитала на постройку новаго зданія духовнаго училища (уголъ Котляревской и Екатерининской, рядомъ съ подворьемъ Лебяжьяго м—ря), — преосв. Германъ (Остцкій) рѣшительно воспротивился этому, и вопросъ благополучно разрѣшился уже при другомъ епископѣ.

Словомъ, въ церковномъ отношеніи Черноморье и Кубань все время были какъ бы заброшены и пренебрежены. Богатый край, населенный исключительнымъ по своей религіозности и церковности народомъ, былъ все время придаткомъ другихъ областей, иногда далеко уступавшихъ ему въ этомъ отношеніи.

Интересно отмѣтить, что на объединенномъ епархіальномъ съѣздѣ Кубани и Ставрополя на Церковный Московскій Соборъ 1917 года только препод. Ставропольской Дух. Семинаріи Я. Д. Сперанскій былъ отъ Ставрополя. Остальные четыре члена, два отъ духовенства и два отъ мірянъ (оба казаки) были Кубанцы. На Московскомъ Соборѣ было еще два Кубанца — представители Кавказской арміи.

Менѣе населенный и болѣе бѣдный Терекъ успѣлъ получить церковную самостоятельность въ концѣ прошлаго столѣтія. А многолюдная, богатая Кубань съ ея 450 приходами, 5 монастырями, богатѣйшими храмами и исконнымъ православнымъ населеніемъ не могла этого добиться до времени Ставропольскаго помѣстнаго Собора (май 1919 г.), когда полусамостоятельное Екатеринодарское викаріатство было окончательно выдѣлено въ самостоятельную епархію съ епископомъ Іоанномъ - Кубанскимъ и Екатеринодарскимъ — во главѣ.

Прошлое прошло. Впереди будущее. И если въ минувшемъ были ошибки и недостатки, тѣмъ болѣе должны беречься отъ нихъ тѣ, кому Богъ приведетъ вновь строить жизнь на Кубани. Для народа, утратившаго вѣру и все съ ней связанное, — нѣтъ свѣтлаго будущаго. И сколь силенъ въ своей религіозности, а вмѣстѣ съ этимъ во всякой жизненной борьбѣ, тотъ народъ, который всѣмъ существомъ своимъ связанъ черезъ церковь и ея установленія съ самой глубиной религіозной жизни. Обычнымъ и естественнымъ на Кубани было явленіе, когда славный казакъ самъ ли непосредственно, черезъ своихъ ли дѣтей становился въ ряды клира, — пріобщаясь тѣснѣйшимъ образомъ черезъ это къ Церкви, ея жизни и дѣятельности. И славный хорунжій Запорожскаго войска, переносившій на плечахъ пушку во время боя, на склонѣ дней своихъ, своими ослабѣвшими силами мирно служилъ церкви Божіей, подавалъ кадило священнику.

Скиданы, Канайтаны, Конограи, Шираи, Шкуро, Погуляевы, Николайченки, Кущи и мн. др. фамиліи говорятъ о неподдѣльности, о неразрывности духовенства отъ казачества на Кубани, напоминая лучшія прошлыя времена, когда Тупталы и Горленки давали свв. Димитріевъ и Іосафовъ.

Да благословитъ же Господь Богъ родную Кубань, послѣ прогнанія красной нечисти, процвѣтаніемъ вѣры и благочестія, красотою и благолѣпіемъ храмовъ Своихъ, чистотою и подвижничествомъ обителей подъ мудрымъ водительствомъ своихъ архіереевъ, епископовъ Кубанскихъ и Екатеринодарскихъ.

Ментона.

Протоіерей **Григорій Ломако.**

Нужда і законъ змиияе.

СТАВРОПОЛЬСКОЕ КАЗАЧЬЕ ЮНКЕРСКОЕ УЧИЛИЩЕ И ЕГО ЗНАЧЕНІЕ ДЛЯ КУБАНСКАГО ВОЙСКА

(Отрывокъ очерковъ «Наше прошлое»)

Для Кубанскаго и Терскаго Казачьихъ Войскъ, Ставропольское казачье юнкерское училище имѣло особое значеніе — оно помогло имъ избавиться отъ пополненія своихъ строевыхъ частей офицерами не изъ казаковъ.

Отличаясь прекрасными боевыми качествами, казачье офицерство, относительно параднаго и, вообще, внѣшняго лоска — во многомъ уступало армейскому. Въ то время, какъ послѣднее представляло собою совершенно отдѣльную касту въ арміи, связанную съ рядовымъ составомъ ея только общностью службы, — казачье офицерство было связано съ рядовымъ казачествомъ не только службой, но и общей частной жизнью въ станицахъ, гдѣ оно не пользовалось почти никакими привиллегіями. Этой общности офицерства съ рядовымъ казачествомъ много способствовали и родственныя отношенія. Зачастую въ одной семьѣ казака можно было встрѣтить сыновей офицеровъ и, наоборотъ, въ семьѣ офицера — сыновей, рядовыхъ казаковъ, или двухъ братьевъ, изъ которыхъ, одинъ былъ офицеромъ, другой оставался рядовымъ казакомъ всю жизнь. При этомъ нужно имѣть въ виду, что казачьи офицеры, за свою службу пенсіи не получали и сами должны были заботиться о пріобрѣтеніи средствъ для жизни послѣ отставки.. Взамѣнъ пенсіи они пользовались періодическими льготами для поддержанія своихъ хозяйствъ, когда приходилось работать дома наравнѣ съ прочими казаками. Само собой разумѣется, что при такихъ обстоятельствахъ, лайковыхъ перчатокъ на руки не натянешь и, привыкши танцевать на конѣ въ бою и съ вилами и граблями на льготѣ — особенной склонности къ бальнымъ танцамъ не получишь. Были, конечно, исключенія изъ этого, именно, въ лицѣ окончившихъ курсъ кадетскихъ корпусовъ или гимназій, но такихъ было очень и очень мало. Они какъ-то терялись въ общей массѣ. Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго, армейское офицерство, не отличавшееся и само особенно широкимъ кругозоромъ, относилось къ казачьимъ офицерамъ свысока, возбуждая къ себѣ непріязнь послѣдняго. Между тѣмъ кончилась Кавказская война, вся армія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, казачьи части перешли на мирное положеніе и центръ тяжести службы перевѣсился съ боевой дѣятельности на подготовку къ боевой службѣ въ мирномъ положеніи: — практику смѣнила теорія.

Начальство, всегда смотрѣвшее на казачество, какъ на второстепенное воинство — нашло полезнымъ допустить къ службѣ въ казачьихъ строевыхъ частяхъ и армейскихъ офицеровъ, какъ болѣе знакомыхъ съ субординаціей, въ которыхъ оно видѣло главную основу военнаго дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлось въ виду, этой мѣрой поднять престижъ казачьяго офицерства, и сблизить его съ армейскимъ.

Надежды эти не оправдались и привели даже, пожалуй, къ нежелательнымъ результатамъ.

Дѣло въ томъ, что въ казачьи части шелъ далеко не лучшій элементъ армейскаго офицерства, а тѣмъ, которымъ ничего больше не оставалось — либо выйти въ отставку, либо идти «въ казаки». Были, конечно, изъ этого исключенія, но они были очень и очень рѣдки. Своеобразно поняли эти армейскіе офицеры свободу казачества. Попавъ въ строевыя казачьи части, они прежде всего считали себя свободными отъ всѣхъ тѣхъ обязанностей, которыя налагала на нихъ прежняя служба. Небрежность, манкированіе службой, полное непониманіе и нежеланіе понять принятыхъ на себя обязанностей — были обыкновеннымъ явленіемъ среди нихъ. Кутежи и карточная игра, которая до того считалась среди казачества чуть не омерзительнымъ грѣхомъ — были обыкновеннымъ времяпрепровожденіемъ. Во всемъ чувствовалось полное разгильдяйство

А между тѣмъ, чуждое казачеству Войсковое начальство видѣло въ нихъ просвѣтителей казачества и старалось отличать ихъ, правда, по возможности, на высшія ступени служебной іерархіи. Ближайшее-же, зная это, остерегалось быть къ нимъ слишкомъ требовательнымъ. Это породило рознь между офицерами въ частяхъ, которая поддерживалась тѣмъ обстоятельствомъ, что офицеры, переведенные изъ арміи, сохраняли свой армейскій окладъ содержанія, который въ первое время былъ выше содержанія казачьихъ офицеровъ. Выходило такъ, что кто служилъ не за страхъ, а за совѣсть, расцѣнивался дешевле. Отсюда дѣлается понятной та нетерпимость казачьихъ офицеровъ ко всякаго рода пришельцамъ въ ихъ среду, которая не была изжита окончательно даже до послѣдняго времени.

тѣмъ болѣе, что пришельцы эти относились нѣсколько свысока къ казакамъ.

Не лучшія отношенія установились у этихъ офицеровъ и съ рядовымъ казачествомъ, несмотря на всѣ способы, употребляемые ими для пріобрѣтенія популярности, способы, доходящіе до панибратства. Попавъ въ среду совершенно имъ чуждую, они старались внѣдрить въ нее тѣ-же пріемы и тотъ духъ, которые были для нихъ привычны въ предыдущей ихъ службѣ, не считаясь съ тѣмъ направленіемъ, которое господствовало съ давнихъ поръ въ средѣ новоей ему обстановки, въ которой они являлись совершенно чужими людьми. Они приходили въ чужой монастырь со своимъ уставомъ. Прежде всего нужно отмѣтить ту рознь взглядовъ на службу, которая существовала между армейскими офицерами и казаками.

Въ арміи формализмъ имѣлъ преобладающее значеніе. Тамъ онъ оправдывался необходимостью спайки разнородныхъ элементовъ, попадавшихъ въ контингентъ ея пополненія. Его нужно было привести, что называется, къ одному знаменателю; при этомъ всякая мелочь, конечно, имѣла большое значеніе, какъ способъ подготовки къ согласованному дѣйствію массы. У казаковъ, съ малыхъ лѣтъ связанныхъ чувствомъ товарищества и взаимной выручки, такія подготовительныя требованія были совершенно излишни. Они давно имѣли свой общій знаменатель ,и считали всякую формальность «пустяковой», не имѣющей никакого значенія къ боевой подготовкѣ. Въ концѣ концовъ и само начальство пришло къ заключенію, что назначеніе регулярныхъ офицеровъ въ казачьи части не очень-то полезно, такъ какъ они «незнакомы съ бытомъ казачества» — фраза, ничего ,въ сущности, не выражающая и понимало вѣдь его и само начальство, въ большинствѣ чуждое казачеству, такъ какъ, несмотря на все это, — назначеніе регулярныхъ офицеровъ въ казачьи части продолжалось. Не имѣя другого фундамента для своего авторитета сред иказачества, офицеры эти опирались на свои чины и привиллегіи у начальства и доходили, иногда, до полнаго безобразія.

Рядовое казачество если этого всего и не понимало, то чувствовало и, конечно, не могло имѣть особенной симпатіи къ нимъ. Если каждая строевая часть имѣла свои традиціи, хранителями которыхъ являются офицеры полка, то казачьи части, кромѣ того, имѣютъ еще и свои войсковыя традиціи, хранителями которыхъ являются всѣ офицеры войска. Какими же хранителями традицій будутъ эти чуждые войску офицеры, въ большинствѣ относящіеся не только свысока, но часто и съ пренебреженіемъ къ самому Казачеству?!.

Въ общемъ итогѣ, результаты всего этого оказались весьма плачевные, а именно:

1. Престижъ казачьяго офицерства не только не былъ поднятъ, но скорѣе понизился, такъ какъ назначеніе въ казачьи части регулярныхъ офицеровъ, оставшихся почему либо неудобными въ арміи, служило оправданіемъ пренебрежительнаго отношенія къ казакамъ.

2. Внѣдреніе регулярнаго элемента въ казачью среду раскололо офицерство на двѣ части: привилегированныхъ — регулярныхъ, и обыкновенныхъ — казачьихъ.

3. Оторвало совершенно офицерство отъ рядового казачества, переставшаго чувствовать общность интересовъ.

4. Въ общемъ, — способствовало скорѣе ослабленію боевыхъ качествъ казачества, чѣмъ укрѣпленію ихъ.

Исправить все это выпало на долю Ставропольскаго казачьяго юнкерскаго училища и нужно сознать, что оно прекрасно справилось съ этой задачей, давъ рядъ выпусковъ чудныхъ строевыхъ офицеровъ по отзывамъ строевого начальства.

Расширить контингентъ комплектованія корпуса офицеровъ Кубанскаго и Терскаго казачьихъ Войскъ, замѣнивъ цензъ прохожденія въ строю цензомъ образовательнымъ, — Ставропольское училище дало возможность достичь офицерскаго чина и рядовому казачеству, что прежде было невозможно, помимо боевого отличія. Училище, такъ сказать, демократизировало корпусъ офицерства. Казалось бы, что эта мѣра должна была бы увеличить рознь между армейскимъ и казачьимъ офицерствомъ, но ввиду такой же реформы комплектованія перваго, она, наоборотъ сближала ихъ, такъ какъ и въ среду армейскихъ офицеровъ попадали молодые люди разныхъ классовъ, сословій и состоянія, которымъ нечѣмъ было особенно гордиться передъ казачествомъ. Этто былъ первый и существенный шагъ къ ихъ сближенію. Казачество широко воспользовалось предоставленными ему правами и во все время своего существованія — училище никогда не было въ не-комплектѣ своего штатнаго состава. Если первые абитургенты его были воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній, до имѣющихъ аттестатъ зрѣлости включительно, то уже со второго года начали появляться молодые люди самостоятельно подготовившіеся къ экзамену на права вольноопредѣляющагося 3-го разряда, дающихъ право на поступленіе въ училище. Число такихъ увеличивалось съ каждымъ годомъ. Пробывъ 7 лѣтъ въ Ставропольскомъ училищѣ въ качестжвѣ строевого офицера и преподавателя, по чистой совѣсти могу засвидѣтельствовать, что такого серьезнаго отношенія къ своему дѣлу, такого усердія и любви къ нему, какое обнаруживали юнкера этого училища, — трудно не только встрѣтить, но и вообразить, не будучи очевидцемъ. Чему его приписать? Быть можетъ сознаніе однихъ, что они хватаются за послѣдній сучекъ для спасенія своей будущей жизни; честолюбіе другихъ — надѣть офицерскіе эполеты, о которыхъ только видѣлось во снѣ, какъ недосягаемое достиженіе — судить не берусь, но фактъ остается фактомъ. Неудивительно, что училище, ежегодно

Помилуй, Господи, коня и меня.

собирая свѣдѣнія о своихъ питомцахъ, получало отъ строевого начальства наилучшія аттестаціи о нихъ и онѣ не были безсознательными, какъ я могъ удостовѣриться потомъ, встрѣчая ихъ впослѣдствіи на своемъ служебномъ пути. Были въ полкахъ офицеры и болѣе образованные, были «страдающіе большимъ лоскомъ», но истинными труженниками, на которыхъ держалась строевая часть, какъ послѣ оказалось и боевая, были именно бывшіе юнкера Ставропольскаго училища. Обладая такими высокими качествами, они скоро вытѣснили пришлый элементъ и подняли престижъ казачьяго офицера на такую высоту, что въ казачьи части не стѣсняясь начали выходить не только изъ военныхъ училищъ, но даже и изъ Пажескаго корпуса.

Это былъ единственный путь, по которому, не будучи казакомъ, можно было попасть на службу въ казачьи части. Но это уже не были тѣ, какъ ихъ называло казачество, «московскіе казаки», которые видѣли традиціи казачества въ неряшливости, разгильдяйствѣ и въ постоянныхъ кутежахъ съ пѣніемъ «Мраво Джавіе», нарочно обрывавшіе свои новыя черкески, чтобы «висѣли стряпья» и ѣвшіе руками, раздирая шашлыкъ, увѣряя, что такъ онъ гораздо вкуснѣе. Это были еще не установившіеся юноши, попавшіе прямо со школьной скамьи въ среду казаковъ не потому, что некуда дѣваться, а по своему желанію и легко поддающіеся вліянію той среды, куда они попали. Уступая въ практическомъ знаніи строя, они превосходили послѣднихъ во всестороннемъ знаніи военнаго дѣла и были даже желательными въ строевыхъ казачьихъ частяхъ.

Боевое крещеніе юнкера Ставропольскаго училища получили въ войну 1877-78 г.г. Къ этому времени въ конныхъ частяхъ Кубанскаго войска уже почти не было офицеровъ, назначенныхъ изъ арміи. Ихъ занимала молодежь, выпущенная изъ Ставропольскаго училища, и замѣнила съ честью.

Мнѣ лично суждено было услышать оцѣнку дѣйствій кубанцевъ въ турецкую войну 1877 года. По установившемуся обычаю, всѣ фельдфебеля шефскихъ ротъ Военныхъ училищъ вмѣстѣ со своими командирами ротъ и начальниками училищъ на первый день Пасхи приносили поздравленія Государю Императору.

Въ 1878 г. Пасха приходилась на 16 апрѣля. Въ этомъ году былъ ускоренный выпускъ и производство совершилось въ день Пасхи. Вслѣдствіе этого приказано было фельдфебелямъ явиться для поздравленія въ офицерскихъ мундирахъ къ заутрени на Высочайшій смотръ, а въ 11 часовъ дня для поздравленія въ Зимній дворецъ. Такъ какъ я былъ фельдфебелемъ шефской роты 3-го Александровскаго училища, то мнѣ пришлось стоять въ ряду предпослѣднимъ. За мною былъ только фельдфебель инженернаго училища, а вправо отъ меня фельдфебеля первыхъ двухъ училищъ, и за нами — наше начальство. Казакъ — фельдфебель шефной роты!.. Чуть ли не первый случай, какъ и то, что фельдфебеля представлялись въ офицерскихъ мун-

Школяры на Кубани въ одной изъ станицъ Войска въ 1910 году. Справа, въ 4-мъ ряду, въ бѣлой папахѣ, Сотникъ В. Г. Науменко — нынѣшній Кубанскій Войсковой Атаманъ.

Гдѣ не пожилъ казакъ, тамъ и расплодился.

дирахъ. Представленіе происходило въ билліардной. Государь, выйдя изъ кабинета, окинулъ взоромъ представляющихся, невольно пріостановился, увидя мой, рѣзко выдѣляющійся отъ прочихъ, мундиръ.

— «Ага! Кубанецъ!» воскликнулъ онъ и, затѣмъ, обращаясь къ присутствующимъ, прибавилъ: «А молодцами они показали себя въ эту войну». Послѣ чего началъ христосоваться съ праваго фланга.

Послѣдняя міровая война застала уже только остатки бывшихъ юнкеровъ Ставропольскаго училища, въ большинствѣ случаевъ на отвѣтственныхъ должностяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ достигли не только высшихъ чиновъ въ военной іерархіи, но и прошли курсъ академіи генеральнаго штаба.

Будущее дастъ оцѣнку ихъ доблести въ эту войну, такъ какъ въ настоящее время, благодаря общей разрухѣ, трудно подвести итогъ, но нѣкоторые факты, какъ напримѣръ взятіе первыхъ орудій противника сотней 1-го Линейнаго полка подъ командой, нынѣ полковника, Тихоцкаго, питомца Ставропольскаго училища, особое отличіе баталіона пластуновъ, которымъ командовалъ полковникъ Зиньковскій, также Ставрополецъ, за что оба были награждены высшей военной наградой — орденомъ Св. Георгія 4-й ст., а баталіонъ получилъ Георгіевское знамя. Наконецъ, блестящія дѣла Кубанской пластунской бригады, которой командовалъ генеральнаго штаба ген.-маіоръ, нынѣ ген.-лейт. И. Е. Гулыга — свидѣтельствуютъ, что таившаяся въ груди питомцевъ Ставропольскаго училища искра былыхъ доблестей старыхъ казаковъ, вспыхнула яркимъ пламенемъ, озарила сѣдыя знамена, свидѣтелей прежней славы и подвиговъ Кубанцевъ.

Не чужды оказались юнкера Ставропольскаго училища и литературному, собственно, военно-историческому труду своего Войска. Первый шагъ въ этомъ отношеніи былъ сдѣланъ нынѣ ген.-маіоромъ Толстовымъ, юнкеромъ выпуска 1879 года. Солидный и основательный трудъ его «Исторія Хоперскаго полка» — первый камень, вложенный въ фундаментъ Военной исторіи Кубанскаго Войска, которая до него не разрабатывалась, отдѣлываясь иногда только собираніемъ отдѣльныхъ эпизодовъ.

Генеральнаго штаба ген.-маіоръ Гулыга, юнкеръ Ставропольскаго училища выпуска 1878 года издалъ прекрасный трудъ, посвященный Наслѣднику Цесаревичу, «Исторія Полтавскаго полка Кубанскаго Казачьяго Войска», талантливо изложенная и роскошно издана. Отъ него же ожидается довольно цѣнный трудъ о дѣйствіяхъ пластунскихъ бригадъ въ міровую войну. Нужно ожидать, что это будетъ дѣйствительно дорогой вкладъ въ литературу по военной исторіи не только Кубанскаго войска, но и вообще по исторіи прошлой войны.

Юнкеръ Ставропольскаго училища болѣе позднихъ выпусковъ, нынѣ полковникъ Тихоцкій, первый кавалеръ св. Георгія 4-й степени Кубанскаго Войска и, если не ошибаюсь, всей Русской арміи прошлой войны, для ознакомленія сербовъ съ боевой дѣятельностью Кубанскихъ казаковъ, выпустилъ нѣсколько брошюръ на сербскомъ языкѣ о нѣкоторыхъ эпизодахъ дѣйствія 1-го Линейнаго полка Кубанскаго Войска, въ которомъ онъ служилъ, и готовитъ на русскомъ языкѣ трудъ о дѣйствіяхъ этого полка въ теченіе всей войны. Этотъ даровитый офицеръ не пропускаетъ случая, чтобы возможно шире популяризировать родное ему Войско, дѣлая доклады въ офицерскомъ собраніи и помѣщая ихъ въ мѣстной періодической печати.

Ему - же, этому «безпокойному» полковнику, принадлежитъ и мысль сгруппировать бывшихъ юнкеровъ Ставропольскаго училища здѣсь, за рубежомъ родины.

Выбравъ удобный моментъ, онъ сдѣлалъ кличъ и дружно откликнулись на его призывъ Ставропольцы, ряды которыхъ сильно порѣдѣли за время міровой и гражданской войны. Въ этомъ дружномъ откликѣ сказалась вся любовь къ своему старому, уже разоренному гнѣзду, изъ котораго вылетѣли молодые орлята. Въ немъ выразился старый завѣтъ казачьяго чувства товарищества и взаимной выручки, какъ основа всѣхъ доблестей. Но, казалось бы, что учрежденіе, принесшее Кубанскому и Терскому войскамъ неоцѣненныя услуги въ дѣлѣ подбора офицерскаго состава, и вселившее такую любовь къ себѣ, что и сейчасъ его питомцы съ любовью вспоминаютъ о немъ, должно бы пользоваться вниманіемъ со стороны этихъ войскъ, между тѣмъ тогдашніе Войсковые Начальники этихъ войскъ держали себя совершенно въ сторонѣ отъ училища, какъ будто оно рѣшительно не касалось ихъ. Я не знаю ни одного случая, чтобы Атаманы этихъ войскъ или ихъ начальники штабовъ посѣтили училище и поинтересовались постановкой дѣла въ немъ. По крайней мѣрѣ за всѣ семь лѣтъ моего пребыванія въ училищѣ только одинъ разъ посѣтилъ его начальникъ Войскового штаба Кубанскаго войска генеральнаго штаба полковникъ Залѣсскій и то, вѣроятно, только потому, что самъ онъ былъ кубанскій казакъ и назначался командиромъ Закаспійской казачьей бригады. Ему, конечно, интересно было ознакомиться съ тѣмъ учрежденіемъ, откуда онъ будетъ получать офицеровъ въ свою бригаду. Атаманы, видимо, считали это излишнимъ любопытствомъ для себя.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что когда пришло время о закрытіи окружныхъ юнкерскихъ училищъ, считавшимся временной мѣрой и переформированія нѣкоторыхъ изъ нихъ въ военныя училища, — Ставропольское училище было закрыто безъ всякаго протеста со стороны Наказныхъ Атамановъ Кубанскаго и Терскаго войскъ: — вѣдь они не знали ни самаго училища, ни его питомцевъ, ни степени ихъ подготовки. Для нихъ училище было — «шморгонская академія», а можетъ ли быть что-либо хорошее изъ такого учрежденія? Быть мо-

жетъ было бы иначе, если бы они видѣли, какъ на дѣлѣ поставлена была эта подготовка.

Какого не высокаго мнѣнія былъ атаманъ Кубанскаго войска о своихъ офицерахъ, могу указать на слѣдующій фактъ. Не помню только въ которомъ году, не то въ 1903, не то въ 1902 году, было рѣшено сформировать одинъ или два конныхъ полка изъ горцевъ Кубанской и Терской области. Возникъ вопросъ: какихъ офицеровъ назначить. Горцы просили казачьихъ. Были запрошены по этому поводу атаманы. Не знаю, что отвѣтилъ Терскій атаманъ, но Кубанскій, ген. штаба ген.-маіоръ Малама далъ такой отвѣтъ: «Считаю казачьихъ офицеровъ элементомъ непригоднымъ. Для этого было бы болѣе надежнымъ дать офицеровъ регулярной кавалеріи». Почему онъ считалъ казачьихъ офицеровъ «непригоднымъ элементомъ». — было извѣстно только ему одному, такъ какъ въ отвѣтѣ никакой мотивировки этого мнѣнія не было. По роду же службы, предполагаемые полки намѣревались причислить къ числу казачьихъ, удержавъ въ нихъ всѣ казачьи особенности и по строю, и главное, — по ѣздѣ. Въ видѣ опыта въ Терскомъ войскѣ былъ сформированъ Осетинскій дивизіонъ. Сколько туда вошло казачьихъ офицеровъ? — не знаю, но во главѣ его былъ поставленъ подполковникъ фонъ-Кубе. Вѣроятно, опытъ оказался удачнымъ, т. к. дивизіонъ этотъ былъ вскорѣ расформированъ. Въ этомъ примѣрѣ нельзя не видѣть того отрицательнаго отношенія къ своимъ офицерамъ наказныхъ атамановъ, чуждыхъ казачеству. Могли ли они способствовать поднятію престижа казачьихъ офицеровъ? И особенно странно было такое отношеніе со стороны генерала Маламы, который раньше былъ начальникомъ штаба Кубанскаго войска и которому были извѣстны отзывы дивизіонныхъ комиссій строевого начальства и ордера инспекторовъ Главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній.

Если съ теченіемъ времени взглядъ на казачьихъ офицеровъ во многомъ измѣнился къ лучшему, то этимъ мы обязаны всецѣло самимъ себѣ и тому учрежденію, въ которомъ они получили подготовку, а не какъ не старанію ихъ войскового начальства. Поддержки въ немъ они не встрѣтили.

Наказные атаманы, начальники войсковыхъ штабовъ, назначаемые со стороны, часто незнакомые ни съ бытомъ, ни съ законоположеніями казачества, въ большинствѣ случаевъ смотрѣли на свое назначеніе, какъ на переходную ступень для устройства своей карьеры, въ лучшемъ случаѣ смотрѣли совершенно безразлично на всякіе эксперименты, происходившіе въ подчиненныхъ ему казачьихъ войскахъ, или какъ на упражненіе въ своихъ административныхъ способностяхъ, мало считаясь съ интересами войска, и скорѣе въ ущербъ идеи казачества, считая его уже пережиткомъ прошлаго. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такомъ положеніи и вопросъ о существованіи Ставропольскаго училища, съ которымъ они рѣшительно не были знакомы, мало интересовалъ ихъ и съ легкимъ сердцемъ они допустили его закрытіе. Удержать его было очень легко, такъ какъ содержаніе его казнѣ ничего не стоило. Три четверти бюджета ложилось на Кубанскую войсковую казну, а четверть — на Терскую.

Штатный составъ офицеровъ строевыхъ казачьихъ частей былъ еще далеко не полонъ. Правда, части первой очереди могли быть укомплектованы до полнаго штата, но во 2-й очереди, за вычетомъ должностныхъ лицъ штаба полка, на сотню приходилось только по одному офицеру, а для 3-й очереди — запаса, можно сказать, никакого, ибо десятка два или три состоящихъ по войску, включая въ нихъ и отставныхъ, годныхъ къ призыву, нельзя считать запасомъ для 33 полковъ Кубанскаго Войска. Такъ обстояло дѣло въ 1891 году, когда я завѣдывалъ мобилизаціоннымъ отдѣленіемъ Кубанскаго войскового штаба. Не думаю, чтобы въ теченіе 4—5 лѣтъ, оставшихся до закрытія училища, дѣло значительно измѣнилось. Между тѣмъ, главной причиной закрытія Ставропольскаго училища было указано заполненіе штатовъ офицеровъ строевыхъ частей войска. Но главная причина была не въ этомъ, о чемъ я скажу въ слѣдующемъ очеркѣ Ставропольскаго училища.

Генеральнаго Штаба,

Генералъ-Лейтенантъ Кокунько.

1-й Кавказскій полкъ

Въ 1881 году, **двѣ сотни Кавказскаго полка, Кубанскаго Казачьяго Войска, въ раіонѣ крѣпости Кушка,** конной атакой опрокинули послѣднюю сопротивляющуюся конную группу воинственныхъ туркменъ и афганцевъ и этимъ завершили окончательное покореніе русскому оружію полудикаго Туркестанскаго края. Съ этого года, весь полкъ, перекинутый изъ Закавказья, былъ сосредоточенъ въ Туркестанѣ и оставался въ немъ безсмѣнно вплоть до Великой войны 1914 года, занимая отдѣльными сотнями далекіе пограничные рубежи — далекую южную границу Русскаго государства.

Передъ войною полкъ занималъ: Двѣ сотни со

штабомъ полка въ г. Мервѣ. Двѣ сотни въ крѣпости Кушка (самый южный пунктъ Россіи). Одна сотня въ урочище Тахта - базаръ и одна сотня на посту Пуль - и - Хатумъ (по казачьи «пали - хатунь»), гдѣ весь постъ составляли — казарма для сотни съ офицерскими пристройками, да сотенная конюшня. Вотъ и все. А кругомъ, на десятки верстъ — мелкіе посты пограничной стражи да жгучій песокъ...

Съ 1-мъ Таманскимъ полкомъ, 4-ю Кубанскою Казачьею батареею и Туркменскимъ коннымъ дивизіономъ — 1-й Кавказскій полкъ составлялъ «Отдѣльную Закаспійскую Казачью бригаду», въ составѣ которой и выступилъ на Кавказскій фронтъ. Туркменскій дивизіонъ, чтобы не воевать противъ своихъ же единовѣрцевъ — отправленъ былъ на Западный фронтъ

По мобилизаціи, полкъ впервые собрался въ г. Мервѣ и 25-го августа выступилъ на Кавказъ, пробывъ безсмѣнно въ Туркестанѣ 33 года.

Прорѣзавъ пароходами Каспійское море — затѣмъ черезъ Баку-Тифлисъ — 2-го сентября полкъ перешелъ русско-турецкую границу у с. Шахтахты (возлѣ Джульфы) и 8-го сентября, всею бригадою, сосредоточился въ г. Маку (центръ Макинскаго ханства), войдя въ составъ Макинскаго отряда. Полкъ возглавлялъ Терскаго Войска Полковникъ Д. А. Мигузовъ. По объявленіи Турціей военныхъ дѣйствій противъ Россіи — 19-го октрября полкъ, съ боемъ, перешелъ Персидско - Турецкую границу у села Базыргянъ (южнѣе и въ непосредственной близости горы Араратъ) и занялъ рядъ курдинскихъ селъ. 22-го октября полкъ занялъ крѣпость Баязетъ, войдя въ непосредственную связь съ авангардомъ Эриванскаго отряда генерала Абаціева (2-я пластунская бригада Генерала Гулыги и сотня 3-го Кавказскаго полка), наступавшаго со стороны Игдыря. Развивая движеніе — полкъ прошелъ долиною черезъ пункты Діадинъ, Ташлы-чай-Суфла и къ ноябрю мѣсяцу былъ оттянутъ обратно къ Баязету, занявъ село Диза, что къ югу отъ него и передъ Топоризскимъ переваломъ, лежащаго у самаго истока библейской рѣки Ефрата.

Угроза паденія Сары-Камыша вызвала спѣшную переброску полка въ этомъ направленіи по государственной территоріи, но дойдя до Александрополя — полкъ былъ вновь возвращенъ въ с. Диза, такъ какъ турки были разбиты и плѣнены.

На усиленіе авангарда Эриванскаго отряда — полкъ, въ январѣ мѣсяцѣ 1915 года, вошелъ въ Алашкертскую долину, остановился въ ней и своими разъѣздами проходилъ знаменитый Даярскій проходъ (коварное ущелье), соединяясь съ Кубанскими полками, дѣйствовавшими со стороны Сары-Камыша. Въ мартѣ мѣсяцѣ того же года — полкъ вновь былъ оттянутъ къ Баязету (село Мысунъ) и въ концѣ апрѣля, войдя въ составъ Араратскаго отряда (Закаспійскаяа Казачья бригада, Кавказская Конно-горная батарея и Армянскія національныя дружины — Дро, Амазаспъ, Кери) и, — когда въ долинахъ росла трава и цвѣли фруктовыя деревья, — онъ, рубя снѣжные завалы на подоблачной высотѣ — занялъ и прошелъ знаменитый Топоризскій перевалъ, а спустившись въ дикую, плѣнительную своею первобытностью, травами и родниками, долину Аббага — разметалъ курдовъ. 23-го апрѣля у с. Саукъ-су («холодная вода») впервые одна сотня полка (3-я, Подъесаула Маневскаго) была брошена въ конную атаку на курдовъ. Послѣдніе ее не приняли и разсѣялись въ горныхъ скважинахъ. Продвигаясь вглубь Турецкой Арменіи — полкъ прошелъ 20-ти верстное Бегри-Калинское ущелье и 6-го мая 1915 года занялъ городъ Ванъ. На перерѣзъ войскамъ Халилъ-бея, разбитымъ и отступавшимъ отъ г. Сарая — полкъ былъ брошенъ далѣе на югъ. 17-го мая у с. Косрикъ, столкнувшись съ правою колонною Халилъ-бейскихъ войскъ — полкъ велъ упорный дневной бой съ ними и къ ночи занялъ село.

Въ іюнѣ полкъ достигъ горныхъ кряжей у с. Сикунисъ, гдѣ уже начинался раіонъ православныхъ айсоровъ и сильнымъ разъѣздомъ въ 30 коней хорунжаго Елисѣева — достигъ Акъ-Булаха («бѣлый родникъ») — истока 2-ой библейской рѣки — Тигра и въ кристальной чистотѣ его истока — напоилъ своихъ коней.

Ушедшій изъ-подъ Сарая, Халилъ-бей сосредоточилъ свои силы у Битлиса и рѣзкимъ кулакомъ ударилъ въ направленіи на Кара-Килису («черная церковь»), что въ Алашкертской долинѣ, занялъ ее и своими разъздами достигнулъ даже русской государственной границы и полкъ, очищая лѣвый флангъ русскаго расположенія — вновь отошелъ къ Баязету по старымъ своимъ побѣдоноснымъ маршрутамъ. Видя успѣхъ — въ глубокомъ тылу, на склонахъ Большого Арарата, зашевелились неугомонные кочевники - курды. Для усмиренія — туда были брошены двѣ сотни полка (3 и 6-я). 23-го августа, на склонахъ Большого Арарата, у с. Шейхъ-Али, 3-я сотня попала въ засаду и понесла замѣтный уронъ: смертельно раненъ Командиръ сотни, Подъесаулъ Лытиковъ и убитъ вахм. сотни, знаменитый джигитъ, Подхорунжій И. М. Дубина. Съ цѣлымъ десяткомъ раненыхъ казаковъ сотня спустилась внизъ. Въ слѣдующіе дни — курды были покараны жестоко.

Вновь продвигаясь въ Алашкертскую долину и съ сосредоточенными русскими войсками — полкъ оттѣснилъ турокъ къ озеру Ванъ, занявъ г. Мелязгертъ, а 2 сотни, обогнувъ озеро съ востока — вторично вошли въ г. Ванъ. Цвѣтущій богатствомъ, зеленью и многонаселенностью — городъ Ванъ былъ почти полностью разрушенъ ужъ теперь. Вначалѣ армяне сожгли всю турецкую половину города, а турки, занявъ его вновь — сожгли потомъ армянскую часть и отъ поистинѣ прекраснаго райскаго города — остались одни обуглившіеся развалины...

То и конь, что треноги рветъ.

Черное
Море
Россія
Турція
Армения
Персія
Батумъ
Трапезундъ
Ризе
Ардаганъ
Александрополь
Карсъ
Сара Камышъ
Кагызманъ
Эривань
Аракса
Эрзерумъ
Хасанъ Кала
Мема Хатумъ
Эрзинджанъ
Кемахъ
Кара Су
Байбуртъ
Ольты
Кара Килиса
Алашкертъ
Мелязгертъ
Баязетъ
Дiадинъ
Макy
Мушъ
Битлисъ
Евфратъ
Озеро Ванъ
Ванъ
Башкала
Кавказскій фронтъ
Боевое движеніе 1го Кавказскаго Полка
Куб. Каз. Войска
1914 – 1917
Масштабъ
[20в - 1см]

Вновь раскинувъ сотни на десятки верстъ — штабъ полка съ 2-мя сотнями съ августа по декабрь 1915 года оставался въ селѣ Санжанъ. Въ этомъ селѣ и появилась впервые Кубанская плачь-молитва — «Ты, Кубань, Ты наша Родина», ставшая впослѣдствіи Войсковымъ гимномъ. Здѣсь бригада, со влитіем въ нее третьеочередныхъ полковъ — Линейнаго, Екатеринодарскаго и 6-й Кубанской Казачьей батареи — развернулась въ 5-ю Кавказскую Казачью дивизію.

Истрепанный и надорванный боями и походами — полкъ былъ оттянутъ черезъ Кагызманъ и Карсъ въ молоканское село Романовку въ послѣднихъ числахъ декабря мѣсяца 1915 года, но простоявъ всего нѣсколько дней — былъ спѣшно переброшенъ черезъ г. Ольты опять въ Турцію, въ г. Идъ и вошелъ въ составъ своего 2-го Турестанскаго корпуса.

Группа г.г. офицеровъ и казаковъ 3-й и 5-й сотенъ 1-го Кавказскаго полка въ Турціи, въ с. Санжанъ, въ 1915 г., въ день Войскового праздника. Въ черкескахъ слѣва на право: Есаулъ Успенскій (братъ умершаго Войскового Атамана), **Хорунжій Елисѣевъ, Сотникъ Дьячевскій** (умеръ въ Соловкахъ) **и Корнетъ Чумаковъ.** † (Снимокъ найденъ во французскомъ журналѣ за 1915 годъ).

Послѣ взятія форта Тюбекъ, запиравшаго выходъ въ Эрзерумскую долину — полкъ обходною конною колоною (Закаспійская и Сибирская казачьи бригады) спобствовалъ взятію крѣпости Эрзерумъ, павшаго 4-го февраля 1916 года. Не заходя въ Эрзерумъ — полкъ рывками прошелъ до г. Мема-Хатумъ, недоходя котораго, конною атакою въ одинъ конь у с. Тузла, отрѣзалъ отступающую колону турокъ и плѣнилъ ее съ 2-мя орудіями. За эту атаку, командиръ головной 1-й сотни подъесаулъ Алферовъ, казакъ станицы Урупской, былъ награжденъ офицерскимъ Георгіевскимъ крестомъ.

Изъ Мема-Хатума полкъ былъ оттянутъ на заслуженный отдыхъ къ Сары-Камышу, куда и прибылъ къ маю мѣсяцу. Дальнѣйшее наступленіе русскихъ войскъ въ глубь Турціи вызвали на фронтъ вновь Кавказцевъ, и онъ подошелъ къ Эрзеруму. Здѣсь къ нему прибылъ новый командиръ полка, знаменитый Полковникъ Эль-Мурза Асламбековичъ Мистуловъ, казакъ изъ осетинъ - мусульманъ Терскаго Войска, который, слѣзая съ сѣдла только на ночь — конными бросками-атаками, вторично занялъ Мема-Хатумъ 28-го іюня и пересѣкши рядъ горныхъ кряжей и долинъ — 10-го іюля занялъ узловой центръ шоссейныхъ дорогъ — Ханъ-Дараси. Спустившись къ югу и соединившись вновь съ безумно - доблестной и неутомимой бригадой Сибирскихъ казаковъ — перерѣзалъ шоссе Эрзинджанъ - Сивасъ и 17-го іюля 1916 года занялъ г. Эрзинджанъ. 2 сотни полка (1-я и 4-я), брошенныя на западъ — заняли небольшой городокъ Кемахъ, что въ 60 верстахъ отъ Эрзинджана. Это былъ послѣдній и самый дальній пунктъ, гдѣ были русскія войска въ Турціи. Весь августъ и часть сентября полкъ простоялъ возлѣ Эрзерума, смогшій выдѣлить только 2 сборныхъ сотни на мало-мальски приличныхъ лошадяхъ на югъ, въ село Кигн и къ октябрю мѣсяцу, полкъ въ полномъ своемъ истощеніи и надорванности конскимъ составомъ — обезсиленный и обтрепанный — оттянутъ былъ вновь къ Карсу, расквартировавшись по молоканскимъ селамъ, имѣя штабъ полка съ 4-мя сотнями въ с. Влади-Карсъ. Здѣсь его и застала революція. Доблестный Мистуловъ за нѣсколько мѣсяцевъ привелъ полкъ въ блестящій и омоложенный видъ и, получивъ высшее назначеніе — выѣхалъ на Западный фронтъ.

Полкъ вр. принялъ его помощникъ — Войсковой Старшина Калугинъ. Революціонное начало пѣхотныхъ частей въ Сары-Камышѣ «ударило» полкъ по его основѣ: солдатами былъ арестованъ самъ Командующій полкомъ, 3 командира сотни и 3 младшихъ офицера. Казаки, въ своей робкой безпомощности передъ разбушевавшейся солдатской стихіей — не отстояли своихъ офицеровъ... Неискушеные въ политикѣ — они были словно дѣти средь моря волнъ, въ своей маленькой полковой казачьей ладьѣ.. и вихрь разрушенія, налетѣвъ на нихъ шкваломъ — поколебалъ и ихъ... Присяга Вр. Правительству предъ полковымъ штандартомъ — уже ни говорила ни сердцу ни уму каждому изъ нихъ... Полкъ раскисалъ...

Въ первыхъ числахъ мая 1917 года вся дивизія неожиданно была переброшена въ Финляндію, совершивъ отъ Царицына до Рыбинска водный путь по Волгѣ. Въ іюнѣ полкъ былъ подъ Двинскомъ, но не противъ нѣмцевъ, а разоружалъ свои же большевизанствующіе пѣхотные полки, и въ іюлѣ — вновь вошелъ въ Финляндію. Волна развала арміи катилась и катилась и 21-го декабря 1917 года полкъ первымъ своимъ эшелономъ прибылъ на

Казака видно здалека.

Кубань, въ родные края, закончивъ свой долгій и, какъ оказалось, ненужный путь войны...

Трубачъ 2-й сотни урядникъ Ильинъ, передъ строемъ 20-ти казаковъ, выстроенныхъ верхами противъ церкви на площади станицы Кавказской, скучно и одиноко протрубилъ «подъ - штандарты». Командиръ 2-й сотни грустно и одиноко внесъ свою полковую святыню, своей Георгіевскій штандартъ въ станичную церковь, прикрѣпилъ его у пѣвческаго клироса, и склонился передъ нимъ въ послѣдній разъ... Скучно и одиноко, съ пустотою въ душѣ, разъѣхались казаки по своимъ станицамъ... Что будетъ дальше — никто, конечно, тогда толкомъ ничего и не зналъ.

25-го февраля въ Кавказскомъ полковомъ округѣ укрѣпилась власть совѣтовъ и полку приказано демобилизоваться и сдать оружіе. Ужъ отрезвленные анархіей въ станицахъ — казаки не расходились и на грозный ультиматумъ отдѣльскаго комиссара Одарюка — «сдать оружіе и разойтись» — 19-го марта возстали противъ красной власти, но 23-го марта были уже разбиты и въ жуткой растерянности — сдались и сложили оружіе. Главныхъ зачинщиковъ изъ видныхъ стариковъ станицы Кавказской — красные въ тотъ же день разстрѣляли...

Въ этотъ день, 23-го марта 1919 года, фактически прекратилось вѣковое существованіе полка, начавшееся 14-го октября 1803 года. Но... исторія такъ рѣзко не кончается. Мобилизованные краснымъ командованіемъ пять присягъ молодыхъ казаковъ, не желая драться противъ своихъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1918 года, ночью оставили лагерь на р. Челбасы и степями пробились въ Донскую область, гдѣ крѣпилась Русская добровольческая армія и Кубанскій Войсковой центръ со своими полками. Изъ этихъ казаковъ тамъ же и сразу же былъ составленъ 1-й Кавказскій полкъ, который, черезъ Ставрополь, Сальскія и Астраханскія степи, въ дивизіи историческаго Бабіева, дошелъ до Царицына, участвовалъ во взятіи его и переброшенный на паромахъ за Волгу, въ направленіи къ Уральскому Войску — лилъ кровь и тамъ въ степныхъ бурунахъ... Рѣки крови и слезъ Казачьяго народа за освобожденіе поруганной страны Великой — не оправдали ихъ надеждъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1920 года, Кавказская бригада (1-й и 2-й полки) со всею Кубанскою Арміею, испила полностью и до дна трагедію родного Войска: Тщетно казаки ждали пароходовъ изъ Крыма, вглядываясь въ синеву морской дали... Ихъ они такъ и не дождались и оба полка, со всѣмъ офицерскимъ составомъ, въ рядахъ мученически зародившейся молодой Кубанской Казачьей Арміи — капитулировали передъ красными... А ихъ полковой штандартъ, полученный 13-го актября 1878 года за взятіе Девебойненской позиціи у крѣпости Эрзерумъ въ 1877 году — еще 3-го марта у окраины станицы Пашковской, слѣдуя съ обозомъ — былъ выхваченъ налетѣвшей конницей красныхъ и съ кощунственной руганью — брошенъ въ канаву...

Кавказскій полкъ вышелъ изъ Екатеринославскааго Казачьяго Войска, сформировавшись на слободской Украинѣ въ 1788 году для войны противъ турокъ, но 5-го іюня 1796 года Екатеринославское Войско было уже упразднено. Казаки, не пожелавшіе стать крестьянами, подали прошеніе въ государственный сенатъ о сохраненіи за собою своего Казачьяго положенія и съ переселеніемъ ихъ на Кубань. Главою этого движенія былъ казакъ Козьма Рудовъ. 16-го октября 1801 года Императоръ Александръ І-й утвердилъ это ходатайство и осенью 1802 года полкъ на собственный счетъ, съ пожитками и семьями переселился на Кубань, раскинувшись по рѣкѣ между Черноморскимъ Войскомъ и Кубанскимъ полкомъ, образовавъ собою 4 станицы возлѣ уже существовавшихъ тамъ редутовъ, поселившись:

у	Ладожской	232 семьи
у	Тифлисской	181 »
у	Казанской	223 »
у	Темнузбекской	226 »

а всего 3.277 душъ м. пола,

назвавъ свои станицы этими же именами и образовавъ собою пяти-сотенный конный полкъ — «Кавказскій». Годныхъ къ службѣ оказалось 1.106 казаковъ, престарѣлыхъ — 586 и малолѣтнихъ — 1.505. Въ 1804 году изъ Харьковской губерніи было переселено еще 311 душъ м. п. и поселили Воронежскую станицу. Она выставила отъ себя 5 сотню, т.-е. каждая станица выставила отъ себя конную сотню казаковъ.

14-го октября 1803 года, инспекторъ Кавказской кавалеріи, генералъ - лейтенантъ Шепелевъ донесъ Командующему войсками въ Грузіи, князю Циціанову, что Кавказскій полкъ принялъ свое формальное существованіе и, по своему казачьему обыкновенію, въ его присутствіи, выбралъ среди себя офицеровъ. Первымъ командиромъ полка былъ избранъ старикъ есаулъ Гречишкинъ. Въ каждой сотнѣ были избраны: одинъ сотникъ, два квартирмистра и два хорунжихъ. Каждый казакъ долженъ былъ имѣть: 2 лошади (верховую и вьючную), ружье, пику, пистолетъ и шашку. За порохомъ и свинцомъ немедленно были командированы пріемщики въ крѣпость Георіевскъ (Терск. обл.). Штабъ-квартира полка помѣстилась въ станицѣ Тифлисской. Есаулъ Гречишкинъ былъ старикъ и совершенно неграмотный, почему, несмотря на его заслуги и авторитетъ, въ скоромъ времени его звмѣнилъ уже по назначенію — Волгскаго Войска Войсковой Старшина Усковъ и еще были присланы старшины изъ Хоперскаго и Кубанскаго полковъ, уже давно укоренившихся на этой линіи. Гречишкинъ былъ назначенъ полковымъ Есауломъ.

Когда проведена была желѣзно - дорожная линія Новороссійскъ — Кавказская — благодарное потом-

Хорошъ человѣкъ, да не казакъ.

ство Кавказцевъ увѣковѣчило память своего перваго Командира Есаула Гречишкина, назвавъ желѣзнодорожную станцію у станицы Тифлисской — «Гречишкино».

Съ этого года и началась новая боевая эра казаковъ Кавказскаго полкового округа, полна лишеній и невзгодъ безъ конца сдабриваемыхъ кровью и слезами... Достаточно сказать, что станицы раскинулись у самой Кубани, на ея правомъ берегу, служащей границей между ними и воинственными горцами и были обнесены валомъ, и имѣли выходныя ворота, которыя на ночь запирались и населеніе выѣзжало въ степь на работу одновременно, ночевать тамъ не могло, такъ какъ рыскающіе черкосы забирали все въ плѣнъ и даже ночуя въ станицахъ — повозками забаррикадировали главную улицу у воротъ, на случай прорыва черкесовъ черезъ нихъ. Вся жизнь складывалась на манеръ военнаго поселенія, подчинено строевому начальству и когда даже выѣздъ въ поле иль за водою на Кубань — дѣлался по сигнальной трубѣ и порою — подъ эскортомъ конныхъ казаковъ. А о томъ, что казакъ работалъ въ полѣ иль въ своемъ виноградникѣ, имѣя заряженную берданку подъ рукою — такъ это было естественное явленіе!..

Запорожская сторожевая вышка въ степи. (Прототипъ Кубанской вышки временъ Кавк. войны съ горцами).

Въ этихъ станицахъ до сихъ поръ есть казаки, своимъ внѣшнимъ видомъ похожіе на черкесовъ. Это все результатъ долгаго нахожденія въ плѣну у нихъ, гдѣ казакъ изъ плѣнника постепенно превращался въ мѣстнаго жителя аула, женившись потомъ на черкешенкѣ и когда было полное съ ними замиреніе — вдругъ возвращался домой, да еще съ цѣлымъ семействомъ очеркешенныхъ казачатъ отъ черкешенки матери и котораго въ станицѣ давно уже считали погибшимъ.

Въ борьбѣ съ черкесами — кровь, разореніе жилищъ, поджегъ имущества, угонъ скота, увозъ полезныхъ плѣнныхъ — былъ узаконеннымъ финаломъ набѣговъ съ обѣихъ сторонъ. Пощады, милосердія — не было. Сотникъ Гречишкинъ, съ 50тью казаками, выброшенный на развѣдку къ Зеленчуку въ 1829-омъ году и, попавши въ засаду къ своему же кунаку (пріятелю) Джембулату Айтекову — былъ полностью имъ уничтоженъ, да такъ что въ изрубленныхъ тѣлахъ нельзя было никого и опознать, почему ихъ и похоронили въ общей могилѣ, сложивъ вмѣстѣ отрубленныя головы, руки, ноги...

То они встрѣтились — въ бою. — Таковъ законъ борьбы тогдашней — быть или не быть. А плѣнъ — позоръ и рабство.

Кромѣ порубежной войны съ горцами полкъ, въ полномъ своемъ составѣ участвовалъ въ экспедиціи въ 1809 году на Большой Зеленчукъ и въ 1810 г. — на Курджипсъ, что за г. Майкопомъ и самое дѣятельное участіе принялъ при покореніи Западнаго Кавказа.

Въ 1813 году изъ пяти-сотеннаго, полкъ развернулся въ восьмисотенный.

Въ 1816 году станица Усть-Лабинская была изъ Кубанскаго (донскіе казаки) перечислена въ Кавказскій полкъ, а Темижбекская — въ Кубанскій.

Въ 1831 году была введена форма одежды по образцу черкесской.

Въ 1832 году всѣ полки Кавказской линіи сведены были въ Кавказское линейное Казачье Войско, куда вошли и Кавказцы.

Начиная съ 1794 года, подъ оплотомъ заселенія Кавказской линіи казачьими станицами — сѣвернѣе ихъ, прельщаемые вольными землями, селились мелкія крестьянскія села, которыя, разросшись, — въ 1833 году, для усиленія казачьихъ полковъ, были обращены въ станицы и переведены на казачье положеніе. Въ наше время бывшихъ крестьянъ не узнать. За 75 лѣтъ они настолько ассимилировались, что наѣздники изъ нихъ выходили сплошь и рядомъ, и казачій край для нихъ сталъ также дорогъ, какъ и всѣмъ. Они въ немъ обрѣли свою новую родину — казачью отчизну.

Въ послѣдніе годы существованія полка — его комплектовали станицы, составляя Кавказскій полковой округъ: Тифлисская, Казанская, Кавказская, Темижбекская, Расшеватская, Дмитрієвская, Ильинская,

Успенская, Новолокинская, Новопокровская, Терновская, Тихорѣцкая, Архангельская, Ново-Хоперская, Ново-Алексѣевская.

Окружная (и отдѣльская) станица была Кавказская, гдѣ расквартированы были — управленіе отдѣла и штабы льготныхъ полковъ и баталіоновъ, и былъ военный арсеналъ въ крѣпости временъ Суворова. Кавказская поселена одна изъ первыхъ станицъ на Кубани въ 1792 г., донскими казаками — старовѣрами и возлѣ которой произошли событія — бунтъ 3-хъ Донскихъ полковъ, не желавшихъ послѣ службы селиться на новыхъ мѣстахъ. Ихъ все же поселили.

Въ 1845 году полкъ, развернувшись, составилъ первую бригаду (1-й и 2-й Кавказскіе полки) Кавказскаго линейнаго казачьяго Войска. Въ 1861 г., 6 бригадъ Линейнаго войска — въ порядкѣ номеровъ — Кавказская, Лабинская, Урупская, Кубанская, Ставропольская и Хоперская — были соединены съ Черноморскимъ казачьимъ Войскомъ и образовали единое Кубанское Казачье Войско. Ввиду новаго войскового формированія, Кавказскій полкъ былъ названъ «11-ый»» конный полкъ Кубанскаго казачьяго Войска, такъ какъ Черноморское Войско имѣло полки нумерные, числомъ 10-ть, и онъ какъ ближайшій, зачисленъ одиннадцатымъ.

Въ 1870 году, вновь ввиду новаго Войскового переформированія, онъ названъ былъ «Кавказскимъ».

Въ 1882 году, какъ и всѣ полки Войска — Кавказскій полкъ составилъ 3 очереди.

Въ 1894 году по новому Положенію въ Войскѣ, названъ « 1-мъ Кавказскимъ».

Въ 1910 году полкъ получилъ шефство и сталъ называться: «1-й Кавказскій Намѣстника Екатеринославскаго, Генералъ - Фельдмаршала Князя Потемкина-Таврическаго полкъ Кубанскаго Казачьяго Войска».

Полкъ имѣлъ награды:

1. Георгіевскій полковой штандартъ — за отличія въ Турецкую войну и въ дѣлахъ противъ горцевъ 1828—29 г.г. и при покореніи Западнаго Кавказа въ 1864-мъ году и за отличія при взятіи Деве-Бойну (фортъ у крѣпости Эрзерума) 23-го октября 1877 года.

Штандартъ пожалованъ 13-го октября 1878 года.

2. 12-ть Георгіевскихъ серебрянныхъ трубъ — «за отличія въ Турецкую войну 1877-78 г.г.».

Трубы пожалованы вмѣстѣ со штандартомъ 13 октября 1878 года.

3. Знаки отличія на папахи первой полусотнѣ 1-ой сотни съ надписью «за отличія въ 1854 г.».

Пожалованы 30-го августа 1856 года.

4. Знаки отличія на папахи остальнымъ сотнямъ, съ надписью «за отличія при покореніи Западнаго Кавказа въ 1864 году».

Пожалованы 20-го іюля 1865 года.

5. Бѣлая тесьма на воротники парадныхъ бешметовъ и рукава черкесокъ.

Пожаловано 6-го декабря 1908 года.

Но, — все это осталось «тамъ»...

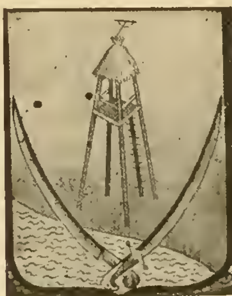
Время идетъ. Исторія всегда имѣетъ свою непрерываемую цѣпь событій. И оно готовитъ новую эру въ жизни Казачества, въ которой, въ новыхъ фазисахъ и въ новыхъ техническихъ варіантахъ возродится вновь Кавказскій полкъ нашего родного Кубанскаго Казачьяго Войска.. Надо только работать и быть всегда готовымъ къ событіямъ — всегда готовымъ!..

Полковникъ Елисѣевъ.

Гдѣ чортъ не сможетъ — туда казака пошлетъ.

ПОДВИГИ ДѢДОВЪ

...«Воно хочь, бачиш, і не гарне,
Як кажуть то нелегулярне
Та до війны, самый злий гад».

Котляревскій.

Былъ я уже юношей, когда между моей станицей и Староминской, на только что построенной желѣзной дорогѣ, желѣзнодорожный разъѣздъ былъ названъ «Сотникъ Горбатко»; и вотъ тогда воскресли въ памяти разсказы дѣда о борьбѣ съ черкесами. Самъ дѣдъ участвовалъ въ этой борьбѣ, имѣлъ Георгіевскій крестъ, никогда не болѣлъ, умеръ глубокимъ, но еще крѣпкимъ старикомъ. Онъ былъ настоящимъ пластуномъ: неподражательно вылъ по волчьи, пѣлъ по пѣтушиному; въ мѣстныхъ плавняхъ зналъ всѣ «манівці» (дорожки), никогда съ охоты, или рыбной ловли не возвращался съ пустыми руками. До самой смерти самъ себѣ «морщил» (дѣлалъ) постолы и послѣдніе годы жизни посвятилъ рыболовству.

При его разсказахъ о борьбѣ съ черкесами болѣзненно сжималось дѣтское сердце, хотя его разсказы часто служили и «деспозиціей» для устройства «игры въ черкесовъ».

— Прозоря, що жеве на солоні, говорилъ дѣдъ спокойнымъ голосомъ, — Вівчарь, що на Берегові улиці, Волошинъ, що на новіхъ планахъ...» — и такъ далѣе, перечисляя всѣхъ станичниковъ, павшихъ на постахъ по рѣкѣ Кубани. Говорилъ онъ и о казакахъ другихъ станицъ и никогда, конечно, не забывалъ упомянуть о геройской смерти начальника пластуновъ сотника Горбатко и его жены Марины. *)

— Усі погинулы, якъ настоящи козаки, а бусурманамъ ни здались, — заканчивалъ обычно свой разсказъ дѣдъ.

*) На самомъ дѣлѣ она была Марывна, что установлено документально.

Въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда русское правительство напрягало всѣ усилія къ укрѣпленію своего владычества, главнымъ образомъ, на берегахъ Чернаго моря, старалось использовать прекрасный боевой матеріалъ, какими были казаки. Осуществленію этого плана, т.-е. закрѣпленію юга за Россіей, весьма въ чувствительной мѣрѣ мѣшали горскія племена, населявшія Закубанье. Эти гордые и отважные рыцари никакъ не хотѣли поступиться своей землей, признать надъ собой власть «гяуровъ», но подъ конецъ, какъ всѣмъ извѣстно, они покорились Россійскому правительству.

На долю Кубанскаго казачества въ борьбѣ Россіи съ горцами выпала исключительная задача, и казаки выполнили ее блестяще, въ силу своей врожденной храбрости, а также въ силу жившей еще Запорожской идеи: — борьба съ басурманами, а горцы, какъ магометане, были для казаковъ басурмане, или просто «нивіра».

Вся Кубань представляла тогда изъ себя область, находящуюся на военномъ положеніи. Въ любую минуту все мужское населеніе, свободное отъ кордонной службы, могло было быть призвано подъ ружье. Такое положеніе по тому времени было почти нормальнымъ, хотя долголѣтняя боевая жизнь казачества отразилась впослѣдствіи на его экономической жизни. Оно было въ хвостѣ тѣхъ, кто во время самой борьбы торговалъ или «майстровалъ».

Кубанское казачество несло тяжесть борьбы на своихъ плечахъ одно, такъ какъ въ тѣ годы процентъ неказачьяго населенія едва доходилъ до 5, да и тѣ были: либо ремесленники, либо торговцы. *)

Ясно, что черкесы, жившіе съ казаками въ теченіи полувѣка довольно мирно, не могли простить имъ активнаго, а можетъ быть и главнаго участія въ борьбѣ по завоеванію Закубанья.

Борьба-борьба, а жизнь потребовала своего. За спиной кордоновъ и пикетовъ протекала, въ относительно спокойныхъ условіяхъ, жизнь Кубани, жизнь отцовъ, матерей, женъ и дѣтей, зорко охраняемая казаками, не допускавшими горцевъ дѣлать набѣги на станицы.

Почти какъ правило — сторожевую службу несли пластуны, ибо другимъ врядъ ли былъ бы подъ силу справиться съ такими смѣлыми и отважными воинами, какими были черкесы. Пластунъ тогда и пластунъ теперь — два совершенно разныхъ поня-

*) Тогда, по свидѣтельству И. Попко, по Кубани много ходило «Коробейниковъ».

См. Ист. Черном. Войска И. Попко.

Учи казачьяго сына на коня садиться, да съ татарами биться!..

тія. Пластунъ теперь — пѣшій казакъ, надъ которымъ вѣчно (правда, не зло) подтруниваютъ. Пластунъ тогда — это не только пѣшій казакъ, но это казакъ, одаренный всѣми качествами идеальнаго развѣдчика - лазутчика. У него было настолько хорошо развито зрѣніе, что ночью онъ видѣлъ на далекое разстояніе, стрѣлять безъ промаха не только днемъ, но и ночью по шуму — «на хрустъ». Пластунскія команды были какъ при пѣшихъ, такъ и конныхъ частяхъ. И. Попка въ своей исторіи Черноморскаго Войска говоритъ, что не было правилъ или признаковъ, по которымъ бы зачисляли въ пластуны, а сами пластуны выбирали казаковъ для пополненія своихъ командъ и никогда при выборахъ не ошибались. Вотъ такимъ смѣлымъ и отважнымъ воинамъ была ввѣрена защита Кубани отъ набѣговъ горцевъ.

Часто и весьма часто съ кордоновъ привозили въ станицы убитыхъ казаковъ, но были случаи и гибели цѣлыхъ постовъ.

Постъ... фортеція... громкія названія, на самомъ же дѣлѣ посты, при весьма бѣдныхъ техническихъ возможностяхъ того времени, представляли плачевный видъ. Они могли бы быть сооружены гораздо прочнѣе «безъ техники», если бы тѣ, кому надлежало смотрѣть за оборудованіемъ постовъ, на самомъ бы дѣлѣ смотрѣли, а то вся надежда была на живую силу, — на пластуновъ, стоявшихъ на этихъ постахъ.

— Пластуны все могутъ, всегда могутъ отразить черкесовъ, сколько бы ихъ не было — такъ думали всѣ, такъ говорили всѣ.

Такая слава укрѣпилась за пластунами неспроста. Пластуны - лазутчики очень часто за 10-15 верстъ отъ поста уже откывали горцевъ, собравшихся въ набѣгъ на станицу. Въ такихъ случаяхъ подымалась своеобразная тревога. Обычно пластуны выли по волчьи «на всѣ лады» и этимъ воемъ выражали цѣлое донесеніе съ такой точностью, что только вполнѣ грамотный человѣкъ могъ бы такъ подробно изложить обстановку на бумагѣ.

Дерзость пластуновъ, стоявшихъ на постахъ, была изумительной. Это была и настоящая дерзость. Сами горцы разсказывали такой случай.*)

Залога пластуновъ.

Однажды пластуны пробрались довольно далеко въ горы, къ самымъ ауламъ и украли корову. Горцы немедленно были увѣдомлены пастухомъ, организовали погоню, но погоня не дала результатовъ. Пластуны, точно сквозь землю провалились. Было предположеніе, что они убили корову и, бросивъ въ лѣсу, сами спрятались. Но каково же было удивленіе горцевъ, когда на другой день на посту, на высокомъ шестѣ, красовалась коровья голова и кожа для показа горцамъ...

Въ 1862 году погибъ цѣликомъ Липкинскій постъ, состоявшій изъ 34-хъ пластуновъ, подъ командой сотника Горбатко. На посту проживала и его жена Марьяна, раздѣлившая участь своего мужа и его доблестныхъ сподвижниковъ. Названный постъ, по своему стратегическому положенію, служилъ весьма серьезнымъ препятствіемъ, мѣшавшимъ

*) См. Вишневецкій. Сот. Горбатко и его сподвижники.

Учи бѣлаго лебедя плавать а казачьяго сына — на коня садиться.

горцамъ проникать въ станицы для набѣговъ. «Гарнизонъ» поста зналъ это прекрасно и понималъ, что въ одинъ прекрасный день горцы могутъ обрушиться на постъ такой массой, что никакая стойкость и отвага имъ не помогутъ. Знали и ждали... Ждали всегда. Всегда были готовы. Какъ часто бываетъ, что люди чувствуютъ приближеніе смерти, иногда съ поразительной точностью... и бодрствуютъ, готовятся встрѣтить ту, которая уноситъ человѣка туда, въ тотъ лучшій міръ — гдѣ нѣтъ «ни болѣзни ни воздыханія»...

На Липкинскомъ посту приближеніе смерти ощущалось всѣми, начиная съ начальника поста и его жены. За нѣсколько дней до трагической гибели, начальникъ поста сразу какъ то замѣтилъ непригодность укрѣпленія къ серьезному сопротивленію, замѣтилъ то, чего какъ то раньше не замѣчалъ.

готовились къ защитѣ, хотя ничто и не предвѣщало скораго набѣга горцевъ.

...Кто штыкъ точилъ, ворча, сердито,
Кусая длинный усъ...

Такъ было и на Липкинскомъ посту.

Войсковой старшина Вишнивецкій, такъ описываетъ послѣдніе часы пластуновъ поста:

«Одинъ пластунъ, передѣлавши старые тогдашніе патроны съ бумажными гильзами, несъ ихъ и говорилъ: «нихай тепер ідуть бісові голомшивці, буду частувать їх горошкомъ». На эти слова другой отвѣтилъ: «шо ти хвастаїся патронами! Я три дні гострю штыкъ камінцемъ і такъ зробывъ, якъ шило гостре. Ось — подивись! Нихай голомшивці тільки прийдуть, буде чим їх тикать». Слышенъ голосъ третьяго: «Надівайте, хлопці, чисті білі сорочки як і я надів». На эти слова возразилъ одинъ изъ пластуновъ, находившійся въ балаганчикѣ: «на що сегодні одягати білі сорочки? Хіба сегодни свята чи що?» На всѣ эти разсужденія сдѣлалъ замѣчаніе старый казакъ, Георгіевскій кавалеръ, атлетическаго роста, съ длинною бородою и вообще довольно суроваго вида: «Та на що ви їх накликаете! отъ гостей захотіли, як прийдуть ни раді будете» и при этихъ словахъ онъ что то сострилъ, что мы всѣ расхохотались».

Кубанскія плавни.

Своими переживаніями и страшными снами, которые видѣлъ въ послѣднее время онъ подѣлился съ однимъ пластунскимъ офицеромъ, бывшимъ проѣздомъ на Липкинскомъ посту за нѣсколько часовъ до штурма его горцами.

Пластуны поста какъ то особенно явтсвенно чувствовали приближеніе развязки. Извѣстно, что пластуны тѣхъ временъ имѣли свои, ни кѣмъ не спрашиваемыя, правила, свои преданія, свои повѣрья и, такъ называемое, характерство: заговоръ отъ пули, или обпоя горячаго коня, отъ укушенія змѣи; наговоръ на ружье и капканъ, «замовленье» крови, текущей изъ раны и проч. Обычно всѣ заклинанія начинались словами: «Я стану шиптати, ти жъ, Боже, рятувати». *)

Помню, въ дѣтствѣ не разъ пришлось присутствовать, когда дѣдушка шепталъ отъ вывиха, будь это человѣкъ или лошадь, — молитву онъ начиналъ такъ:

«Ixав Ісус Христос, через калиновий міст.
Міст стряхнувся, кінь спіткнувся,
Сустав з устава звихнувся» и т. д....

Можетъ быть это «характерство» и было причиной того, что на посту пластуны особенно какъ то

Приготовленія оказались не напрасны... Предчувствія оправдались полностью...

Группа горцевъ, довольно внушительной численности, а именно: около 3.000 человѣкъ, двинулась въ набѣгъ на казачьи станицы, но, какъ я говорилъ выше, Липкинскій постъ имѣлъ большое стратегическое значеніе, что понимали и горцы, — то ясно, что не избавившись отъ столь серьезной помѣхи нельзя было и думать о набѣгѣ на станицы, такимъ большимъ отрядомъ; и вотъ тотъ отрядъ въ три тысячи человѣкъ, точно разбушевавшееся море, колонна за колонной, ринулись на слабо укрѣпленный Липкинскій постъ съ горсточкой храбрецовъ, засѣвшихъ въ немъ.

Сколько времени шелъ бой? Долго ли защищались пластуны и защищались ли вообще, такъ какъ численно горцы, во много разъ превышая пла-

*) И. Папко. Исторія Черномор. Войска.

Бей сороку, бей ворону — добьешься и до бѣлой лебедки.

стуновъ, могли просто задавить ихъ массою своею, рѣшивъ дѣло въ 5 минутъ. Изъ гарнизона поста никто не уцѣлѣлъ, собранныя же свѣдѣнія путемъ «опросовъ и распросовъ» также ничего опредѣленнаго не говорили. Ясно было одно, что погибли всѣ, ну, а и всѣ знаютъ, что пластунъ отдавать жизнь дешево не любитъ.

Представить картину (приблизительно, конечно) штурма Липкинскаго поста удалось нѣсколько лѣтъ спустя, когда горцы переселялись въ Турцію. Несмотря на такое численное превосходство, взять тынъ (заборъ), окружавшій постъ, горцамъ удалось только послѣ третьяго натиска, когда они, озлобленные стойкостью пластуновъ, ихъ мѣткой стрѣльбой, причинявшей горцамъ большой уронъ, навалились на тынъ и онъ подъ тяжестью живой массы — рухнулъ. Но съ паденіемъ препятствія и постъ еще не былъ ликвидированъ. Завязалась рукопашная схватка, въ которой, по свидѣтельству горцевъ палъ и самъ Горбатко; жена же его, Марьяна, защищая трупъ своего мужа, убила одного горца, другого смертельно ранила штыкомъ. Ни штурмъ, ни рукопашная схватка все же не дали окончательной побѣды горцамъ. Часть пластуновъ, не болѣе 10 человѣкъ, заперлась въ казармѣ поста и продолжала бить горцевъ, къ тому же безъ промаха. Отвага и упорство пластуновъ заставила горцевъ вступить въ переговоры, предлагая находящимся въ казармѣ сдаться. Но о сдачѣ пластуны и слышать не хотѣли; единственно на что они были согласны, это — чтобы горцы ушли во свояси и давши слово не стрѣлять имъ въ спину. На такой постыдный отходъ гордые горцы не согласились. Они, ожесточенные до крайности, обложили казарму хворостомъ и подожгли... И послѣдніе храбрые защитники поста — **«сгорѣли — но не сдались»...**

Трехтысячный отрядъ горцевъ, велъ бой съ гарнизономъ Липкинскаго поста въ 35 человѣкъ болѣе часа...

Имена храбрецовъ, выполнившихъ свой долгъ до конца, дошли до насъ и не лишнимъ считаю перечислить ихъ:

Начальникъ поста сотникъ Горбатко, урядникъ станицы Староминской Иванъ Молька, казаки той же станицы: Сергѣй Цисарскій, Михаилъ Вовкъ, Яковъ Юдицкій, Михаилъ Липецъ, Григорій Тримило, Семенъ Радченко, Иванъ Пига, Иванъ Иванченко, Федоръ Яковенко, Афанасій Чмило, Романъ Романенко, Филиппъ Дудка, Ерофей Иванецкій; казаки станицы Старощербиновской: Леонтій Тицкій, Савва Колесникъ, Василій Волошинъ, Емельянъ Ильченко, Василій Подгорній, Петръ Прозоря, Федоръ Вивчарь, Фотій Сковорода, Ѳеодосій Степаненко, Василій Моршукъ; казаки станицы Уманской: Семенъ Андрющенко, Дмитрій Рясикъ, Козьма Радіоненко, Михаилъ Ермоленко, Трофимъ Соповьянъ, Каленикъ Козикъ, Василій Финобокъ, Купріянъ Устенко, и казакъ станицы Камышеватской Иванъ Туръ.

Кромѣ того убита жена постового начальника Марьяна Горбатко.

Тогда это событіе, т.-е. гибель гарнизона Липкинскаго поста взволновало всю Кубань; но время беретъ свое. Прошли годы и многіе забыли объ этомъ событіи, хотя тогда же на памятникъ, путемъ подписки, были собраны деньги и деньги не малыя, но куда ушли они, такъ никому и не извѣстно. Проэктъ сооруженія памятника, такъ и остался проэктомъ... Герои - пластуны даже не удостоились постояннаго погребенія, каковаго заслуживаетъ всякій воинъ, павшій на полѣ битвы. Тѣла ихъ были похоронены въ братской могилѣ, на берегу рѣки, а черезъ два-три года рѣка размыла могилу, унесла благородныя кости героевъ и сама погребла въ пескѣ своего дна, и это лучшее погребеніе, чѣмъ неосуществленные проэкты памятника.

Пластуны въ Турціи, за р. Чорохомъ въ 1915 г. «Письмо до дому».

Среди Черноморцевъ сотникъ Горбатко и его сподвижники не были забыты и полъ-вѣка спустя, послѣ его геройской смерти, потомство не забыло его и воздвигло, хотя своеобразный, но все же памятникъ: на Ейской желѣзной дорогѣ между станицами Староминской и Старощербиновской разъѣздъ «Сотника Горбатко».

Всякій казакъ, проѣзжавшій по этой вѣткѣ осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ и вспоминаетъ какою цѣною досталась дѣдамъ та земля, на которой жили мы и которую не могли отстоять по примѣру дѣдовъ...

Мало жалованныхъ грамотъ — нужна кровь для закрѣпленія того, что жалуется грамотой и дѣды это условіе буквально выполнили.

21 августа 1931 г. Парижъ.

Подъесаулъ Еф. Якименко.

Хоть голова въ крови, да наша взяла.

Страдная пора на Кубани

Страданая пора на Кубани начинается фактически съ сѣнокоса, т.-е. съ половины мая мѣсяца.

Къ этому времени вся «полка» хлѣбовъ, кукурузы, подсолнечниковъ, бакчъ и т. п. заканчивается и начинаютъ косить траву. Едва закончили сѣнокосъ, какъ уже готовъ къ покосу ячмень, а тамъ на очереди и пшеница и уже послѣднимъ всегда скашивается овесъ.

Въ это время вездѣ по Кубанской степи трещатъ сноповязалки. Молчаливыя труженники — лошади, въ разгаръ знойнаго времени, тащутъ тяжелую косилку, а бабы и беззаботныя дѣвки, въ бѣлыхъ соломенныхъ, съ широкими полями, шляпахъ, перепоясанными по срединѣ розовыми лентами, сносятъ снопы и кладутъ ихъ въ такъ называемые «крестцы», которые послѣ уборки свозятся и складываются въ «одонки» для обмолачиванія паровою молотилкою Это самое жаркое и суетное время въ жизни казаковъ-Кубанцевъ, т.-е. съ половины іюня и кончая, приблизительно, половиною октября мѣсяца.

Послѣ покоса хлѣбовъ, изъ станицъ, по обыкновенію, выѣзжаетъ чуть ли не все населеніе въ степь съ домашнею птицею и мелкими пожитками, и живутъ тамъ какъ на курортѣ; птица пасется по скошенному полю, собирая оставшіяся тамъ зерна колосьевъ, а казаки свозятъ весь убранный хлѣбъ и обмолачиваютъ его. Домохозяевами въ станицахъ остаются одни лишь старики.

Къ этому времени, какъ всегда, изъ центральныхъ губерній: Рязанской, Тульской, Орловской, Тамбовской,, Курской и др. пріѣзжали къ намъ на Кубань на заработки великороссы. Здоровенные, краснощекіе дяди, стриженные подъ скобку, въ бѣлыхъ своихъ холщевыхъ рубахахъ и такихъ же штанахъ, они издали кажутся стаей бѣлыхъ лебедей. Пріѣздъ свой они обыкновенно пріурочивали къ молотьбѣ, такъ какъ во время покосовъ какъ травы, такъ и хлѣбовъ, ввиду обилія на Кубани травяныхъ косилокъ и сноповязалокъ, имъ абсолютно дѣлать нечего. Но за то на молотьбѣ безъ нихъ не обойтись.

По пріѣздѣ своемъ въ казачьи станицы, они группировались въ небольшія партіи, человѣкъ приблизительно по 10 — 15 и каждая партія обязательно выбирала себѣ старшаго, который не только договаривался отъ имени своей партіи съ хозяевами о заработной платѣ, но и являлся своего рода и ихъ начальникомъ и судьей. Вся партія его слушала и исполняла безпрекословно всѣ распоряженія и приказанія, имъ отдаваемыя. Сами они такія группы называли «брягадами». Характерныя картинки: по пріѣздѣ ихъ въ станицы нерѣдко множно было видѣть какъ нѣкоторые изъ нихъ, изъ лодырей, конечно, во время сна около какой нибудь «харчевни» или пивной, въ ожиданіи наниматься, на подошвахъ своихъ лаптей обозначали мѣломъ цѣну дневного заработка, напр., 1 руб. 35 коп., 1 руб. 50 коп. и т. п. Если хозяинъ-наниматель согласенъ платить эту цѣну, то онъ будитъ ихъ, а если сначала посмѣетъ ихъ разбудить и послѣ съ ними начнетъ торговаться, то они, крѣпко выругавшись, переворачиваются на другой бокъ и продолжаютъ свой сонъ. И вотъ такія «брягады» обыкновенно выбираютъ одну молотилку и все время за нею слѣдуютъ, пока и закончится молотьба на Кубани. Какъ рабочіе они были хорошіе. Если ужъ возьмутся съ «одонка» «мятать» снопы, такъ едва успѣваетъ «зубарь» подавать ихъ въ барабанъ молотилки. По окончаніи молотьбы они какъ перелетныя птицы уѣзжаютъ къ себѣ на родину съ заработанными деньгами, въ то время какъ ихъ жены и дѣти тамъ сами справляются со своими сельскими лѣтними работами.

И такъ изъ года въ годъ эти «рябята» посѣщали насъ въ довоенное время и «рубали», какъ они сами выражались, бѣлый пышный Кубанскій хлѣбъ, арбузы, дыни, яблоки, груши и т. п., которые у нихъ на родинѣ ѣдятъ какъ лакомство.

Кубанскіе же казаки съ мая мѣсяца и кончая октябремъ ни днемъ ни ночью не знаютъ покоя, стараясь какъ можно скорѣе окончить лѣтнія работы и потомъ снова приготовить посѣвъ озимаго хлѣба на слѣдующій годъ. Кстати умѣстно здѣсь упомянуть: мнѣ неоднократно приходилось слышать, напримѣръ, отъ нѣкоторыхъ лицъ изъ центральныхъ россійскихъ городовъ, что послѣ того, какъ въ разговорѣ упомянешь, что я есть кубанскій казакъ, — онъ сейчасъ же дѣлитс ясвоими воспоминаніями — какъ онъ былъ на Кубани во время гражданской войны, какъ всего тамъ было вдоволь — яицъ, масла, молока, арбузовъ, яблокъ, сливъ, грушъ и послѣ всего перечисленнаго выше, всегда почти слышишь, что какія пріятныя, веселыя и миловидныя Кубанскія казачки, какія онѣ хорошія хозяйки. Какой чудный хлѣбъ пекутъ, вареники, пирожки и при этомъ никогда не применетъ случая указать

Удалой долго не думаетъ.

на то,, что, дескать, а мужья ихъ — казаки, напротивъ — ничего почти не дѣлаютъ, только знаютъ, что играютъ въ карты, да по духанамъ ходятъ, а несчастныя жены за нихъ работаютъ...

Услышавъ, конечно, такія понятія о трудолюбивыхъ казакахъ-кубанцахъ, старашьеся объяснить своему собесѣднику (иногда даже, къ несчастью, и интеллигентному), что это не совсѣмъ точно и, что казаки вообще всѣхъ россійскихъ казачьихъ войскъ, являются самыми трудолюбивыми и способными хозяевами нашего Великаго и Славнаго Отечества.

Какъ только молотьба хлѣба заканчивается — начинаютъ «рубить» подсолнечникъ, котораго нигдѣ въ Россіи столько не сѣялось, какъ у насъ на Кубани.

Подсолнечникъ, это такъ называемая «живая копѣйка», такъ какъ многіе изъ казаковъ имѣли, кромѣ того, большія пасѣки, а небольшія — впослѣдствіи имѣли едва ли не половина казачьяго населенія. Пчелы, кромѣ другихъ полевыхъ цвѣтовъ, главнымъ образомъ брали медъ изъ цвѣтовъ подсолнечника, а по уборкѣ таковаго, его сейчасъ же продаютъ и на эти деньги покупается, обыкновенно, все необходимое для домашняго обихода, временно задерживая, такимъ образомъ, еще въ то время слишкомъ дешевое зерно до тѣхъ поръ, пока на таковое поднимется болѣе приличная цѣна.

Подсолнечникъ еще полезенъ и тѣмъ, что, помимо того, что съ него пчелы берутъ медъ и зерно его идетъ на продажу, изъ котораго бьютъ масло, онъ даетъ землѣ «передохнуть», т.-е. своего рода это методъ удобренія послѣ нѣсколькихъ сборовъ хлѣба, такъ какъ на Кубани никогда вообще земля не удобрялась.

И уже послѣ всего этого снимается кукуруза и свозится домой.

Такимъ образомъ лишь послѣ уборки послѣдней, казаки, закончивъ лѣтнія работы, приступаютъ къ пахотѣ и къ посѣву озимаго хлѣба для слѣдующаго года, а также и свозу, еще оставшейся въ степи, половы и соломы.

И такъ изъ года въ годъ трудолюбивое населеніе Кубани жило и работало не только на благо и процвѣтаніе своего Родного Края, но и на благо бывшей Великой Россійской Имперіи.

А. Толбатовскій.

ПОСЛѢДНІЙ ВЗГЛЯДЪ...

Настойчивость отца и, главное, бабушки — взяли верхъ надъ протестами нашей доброй матери и «семейный совѣтъ» рѣшилъ — «учить дѣтей».

120 рублей въ годъ за ученіе и пансіонъ въ городѣ — былъ не легкимъ экономическимъ напряженіемъ для зауряднаго казачьяго хозяйства. На нихъ можно было купить три рабочихъ лошади тогда... И часто, за работою, въ дни тяжкихъ недостатковъ, добрая наша мать справедливо проливала слезы, чувствуя постоянное утомленіе и не видя пока насущныхъ результатовъ этого «ученія».

«Подросли бы всѣ три сына, три пая (24 десятины) земли, поженили бы ихъ, всѣ въ хозяйствѣ за работою, все бы горѣло въ рукахъ да и «смѣна была бы у печки снохами...», такъ разсуждала наша мать, уже пожилая женщина, своимъ безхитростнымъ умомъ рядовой казачки, и такъ не разъ она слушала рѣчи-упреки сосѣдокъ, сидя долгими вечерами на завалинкѣ. Безсмѣнная работа по хозяйству и отсутствіе и, даже, въ связи съ ученіемъ сыновей, удаленіе этой возможности къ такъ желанной «смѣны у печи» — всегда искренне ее волновали. Но отецъ и бабушка стояли на своемъ, «учить», и твердо проводили свой планъ въ исполненіе — «вывести дѣтей въ свѣтъ».

Послѣ вступительнаго экзамена въ техническое училище, оставляя средняго сына въ г. Майкопѣ и уѣзжая назадъ въ станицу, отецъ, прощаясь, ласково сказалъ: «Учись, сынокъ... ты знаешь какъ трудно въ хозяйствѣ достаются деньги... и мы все отдадимъ, чтобы выучить васъ, но, если что не такъ — домой не возвращайся... Черезъ Кавказскій хребетъ и... прыгай прямо въ море...» Таковъ былъ послѣдній наказъ нашего дорогого умнаго отца, и... мы учились.

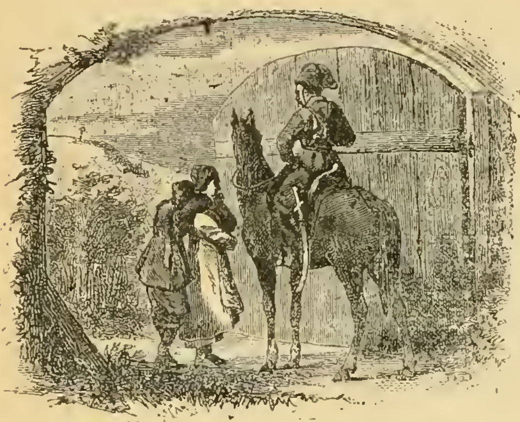
Въ длиннополой темносѣрой стариковской черкескѣ, но съ широкими длинными парубоцкими рукавами, въ каракулевой черной папахѣ, въ мягкихъ козловыхъ, на деревянныхъ шпилькахъ, сапогахъ и при кинжалѣ въ серебряной оправѣ — горделиво шелъ онъ въ церковь на первый день святой Пасхи 1917 года, окруженный тремя сыновьями — офицерами — и тремя послѣдними дѣтьми — дочурками — гимназисточками въ бѣлыхъ пелеринахъ... Сыновья какъ-то неожиданно съѣхались вмѣстѣ въ отпускъ съ Кавказскаго фронта и — какъ гордъ былъ нашъ отецъ тогда, въ тотъ день...

Всегда въ развалку важно ходившій — онъ, въ тотъ день, еще пышнѣе расчесалъ свою густую черную, уже посеребренную сѣдиною, бороду съ такими же пышными усами и шелъ... шелъ словно на парадъ, гордясь результатомъ своихъ долголѣтнихъ трудовъ, въ теченіе коихъ онъ — мокъ отъ дождя подъ бороною на загонѣ, заливался потомъ подъ снопами, мерзъ въ лѣсу за хворостомъ, надрывался надъ чувалами на молотьбѣ и пр. и пр. и пр.

Або буты, або дома не буты.

и что только не случалось съ нимъ тогда, въ тѣ долгіе годы въ своемъ мелкомъ заурядномъ казачьемъ хозяйствѣ, гдѣ каждый грошъ, гдѣ каждый снопъ и ремешокъ былъ на учетѣ... И все — куда? въ ученіе... дѣтямъ на ученіе...

И вотъ, на 48-мъ году своей тяжелой жизни — это былъ его лучшій день, это былъ праздникъ его души, его гордость, его слава, праздникъ его семейнаго достиженія, — то была весна его жизни, но, и какъ оказалось — его послѣдняя весна, послѣдняя семейная радостная пѣснь его существованія земного... И года не прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ разстрѣлянъ былъ красными, павшій подъ пулями невѣдомыхъ пришельцевъ, ставъ первой казачьей жертвою своей станицы, на своей родной казачьей кровной землюшкѣ...

Пожаръ большевицкаго навожденія разлился по всей Руси и къ концу февраля 18-го года захлестнулъ и всю Кубань. Всѣ Кубанскія фронтовыя части вернулись уже на родину и въ мартѣ — прибыли послѣднія изъ нихъ — персидскія. Казалось, конецъ пришелъ всему. Части прибыли въ Войско и разошлися по станицамъ. И закатилося казачье солнышко за тусклый безпросвѣтный небосклонъ... въ станицахъ потекла жизнь селянина...

Съ тремя сынами и съ плѣннымъ туркомъ, самъ пятый въ одинъ «упругъ» подчистили на гумнѣ они канавы и акаціи, снесли весь «хмызъ» на гать, придавили его соломою и «дерномъ» и линейкою, запряженною двумя горячими гнѣдыми кабардинцами изъ-подъ офицерскаго сѣдла, держа упоръ на вожжи и разсѣкая грязь копытомъ чоткимъ «строевыхъ» въ упряжкѣ — также горделиво возвращался нашъ отецъ домой — обѣдать.

«Не страшно жонушка... такіе молодцы ребята... Не будетъ службы — займемся вновь хозяйствомъ. Вѣдь пять работниковъ въ семьѣ — подумай, только...» — таковъ былъ первый сказъ отца женѣ (матери нашей), вернувшися съ гумна.

Но судьба иное всѣмъ сулила...

Поруганное въ своихъ правахъ, привычкахъ и обычаяхъ — Казачество возстало уже въ мартѣ. Семь тысячъ ихъ собралось при отдѣлѣ. Воодушевленію ихъ не было конца. Казалося — зардѣлась вновь Казачая зоренька. И изъ станицъ тянулись и тянулись казаки въ возставшій станъ... Но... промедленіе — подобно смерти: пока казачество группировалось и по семейному готовилось къ сокрушенію ненавистной новой власти — не спалъ и врагъ и, — подготовилъ «встрѣчу»...

Въ просторномъ хозяйственномъ дворѣ казачьемъ — къ мажарѣ привязано до десятка подъ сѣдлами коней. Пасмурная ночь. Въ полночь, конница возставшихъ должна выступить въ степь и, обойдя противника — занять въ тылу станицы. Къ назначенному часу, въ черкескѣ, при оружіи, изъ своей спальной вышелъ средній сынъ, подъесаулъ, въ просторный корридоръ — столовую. При тускломъ свѣтѣ лампы, въ углу, въ бешметѣ на распашку, сидѣлъ задумчиво отецъ, облокотившись локтемъ на спинку стула и подперевъ рукою голову. Мимо проходя и не предчувствуя бѣды, словно разставаясь на день, сынъ бросилъ —

— «До свиданія, папаша...»

— «Прощай, сынокъ...» — послѣдовалъ отвѣтъ. Сынъ остановился и обернулся на отца. Отвѣтъ послѣдняго звучалъ какимъ то замогильнымъ тономъ, предвѣстникомъ недобрымъ...

И это пронеслось какимъ то страшнымъ предрѣшеніемъ. Сынъ остановился и, обернувшись, еще разъ подумалъ: почему —

— «Прощай», — когда только —

— «До завтра»?!.

Отецъ сидѣлъ все такъ же, не шевелясь, въ какомъ то мрачномъ состояніи. Въ полутьмѣ — чертъ лица его не видно было. Онъ продолжалъ сидѣть, все такъ же мрачно, не мѣняя позы. Сынъ постоялъ моментъ, еще разъ бросилъ на отца свой взглядъ, толкнулъ ногою дверь, прошелъ къ мажарѣ, вскочилъ въ сѣдло и съ группой казаковъ, нервной рысью застоявшихся коней — прошелъ на улицу сквозь разступившіяся широкія ворота... То, оказалось, были послѣдніе слова отца и на него послѣдній сына взглядъ... съ того момента — онъ больше ужъ его не слышалъ и... не видѣлъ. Ровно «завтра», часовъ въ 12-ть дня — онъ былъ разстрѣлянъ — его отецъ — старикъ...

«Не отступать»!.. «не отступать»!.. — кричали казаки, встрѣченные на зарѣ жестокимъ пулеметнымъ огнемъ красныхъ и, смѣшанной толпой, потерявъ «сердце», стыдъ и дисциплину, въ полномъ безпорядкѣ, бѣжали вспядь... И напрасно стойкіе усовѣщали ихъ... волна людей безудержно катилась, какъ и волна морская, а съ разсвѣтомъ, бѣлые дымки шрапнелей надъ станицей — совсѣмъ рѣшили участь казаковъ...

«Сыны — сыны...» — взывалъ отецъ.

«Только не попались бы живьемъ...»

Конь казаку неизмѣнный другъ.

И отправивъ мать съ дѣтьми въ сады, подъ гору — въ сѣдлѣ держалъ для старшаго онъ кобылицу строевую и... самъ остался, попавъ противнику «живьемъ»...

Въ виду станицы, у станичнаго «ставка», у вражескаго бронепоѣзда — былъ застрѣленъ нашъ отецъ... Красный главковерхъ, за сыновей «ученыхъ», самъ лично, пробилъ ему свинцомъ високъ... и свалился пятидесятилѣтній бородатый казачина на землю — мать Казачью, гдѣ — дѣтятей онъ пасъ гусятъ у этого ставка, гонялъ коней на пастбищѣ подросткомъ, а малолѣткомъ — вздымалъ клубами пыль гарцуя на вороном конѣ своемъ и рѣзалъ десятки лѣтъ ее родную плугомъ землероба въ послѣдній свой періодъ жизни и гдѣ его родная мать, когда она была дѣвчуркою - подросткомъ — черкесы ее едва ли не плѣнили въ горы, и гдѣ его сѣдобородый дѣдъ Ѳома и великанъ — казакъ, еще когда здѣсь былъ пустырь дикой, — построилъ хату и, съ другими казаками, — колонизировалъ сей край невѣдовый тогда...

Такова была эта земля казачья, гдѣ пуля звѣрскаго пришельца остановила жизнь сѣдого казака...

Братъ...

Армія оставила и Сочи. Кусокъ родной земли въ 12-ть верстъ былъ нашей территоріей послѣдней. На немъ скопилось много тысячъ Войскъ Кубанскихъ. Ни хлѣба, ни патроновъ не было... Вѣтви деревьевъ съ побѣгами весенними — былъ кормъ для лошадей казачьихъ.

Подорванъ духъ бойцовъ. Что дальше дѣлать? — пожалуй, и никто не зналъ порядкомъ. Проѣздомъ въ Адлеръ, въ штабъ Войска, — встрѣтилъ обозъ Корниловскаго коннаго полка. Соратники казачьяго разсвѣта освобожденія своей земли родной — подступили къ стремени и забросали:

— «Куда и какъ?»

— «Что дальше дѣлать?»..

— «Веди!.. — мы всѣ пойдемъ съ тобою!»...

И молча вперивъ орлиный взглядъ испытанныхъ Бабіевцевъ-героевъ — ждали отвѣта: —

И для познанія мятущейся души друзей — повелъ глазами всѣхъ ихъ съ лошади... Средь многихъ взглядовъ, горящихъ взглядовъ, — мелькомъ, мелькомъ лишь встрѣтилъ взглядъ, одинъ лишь взглядъ.. и, лишь мелькомъ... онъ говорилъ: «Спаси, спаси.. въ тебѣ одномъ надежда и спасеніе мое... Спаси!»... И, въ мужественной скромности, скрывая тяжесть боли невѣдѣнія завтрашняго дня — онъ тутъ же долу опустилъ свои красивые глаза... И я уѣхалъ къ Атаману Войска метать «Сполохъ». Тотъ взглядъ незабываемый — былъ взглядъ послѣдній меньшого брата моего Георга... Съ тѣхъ поръ его я ужъ не видалъ...

Въ Крыму, въ дивизіи неустрашимаго Бабія, въ своемъ родномъ Корниловскомъ полку, послѣ прорыва въ Таврію, подъ напоромъ красныхъ полчищъ — полкъ отходилъ. Въ пѣшемъ строю, при перебѣжкахъ на отведенную позицію въ тылу — когда другія сотни отошли и 1-й взводъ его — онъ, слѣдуя примѣромъ братьямъ-казакамъ, втроемъ съ урядникомъ и казакомъ послѣднимъ оставался въ той цѣпи, гдѣ полкъ лежалъ... И когда урядникъ настоялъ ему уйти хоть раньше нихъ, послѣднихъ двухъ — онъ приподнялся и... упалъ опять. Свинецъ пробилъ ему гортань... онъ захрипѣлъ...

Три дня въ жару іюньскаго степного юга тянулись казаки. Въ подводѣ, при безводіи и потерявъ языкъ — онъ угасалъ... И въ третій день земля чужая, при чуждыхъ людяхъ и въ полномъ одиночествѣ — сомкнула сводъ свой вѣчный въ Тавріи надъ нимъ...

Таковъ конецъ въ 24 года красавца - Есаула со строгимъ профилемъ и ростомъ великана-казака...

Сестра... сестренка лишь всего...

Ей было только вѣдь 17 лѣтъ. На Черноморскомъ побережьи, съ Кубанскими войсками и она была. Всегда въ сѣдлѣ, въ папахѣ и бешметѣ, и съ бритой головою послѣ тифа — дитя казалося мальчонкомъ. Потомъ капитуляція. Она вернулася въ станицу. Ея два брата были ужъ въ Ростовѣ, за проволокой. Ихъ гнали въ даль Россійскую, на сѣверъ. Прорвавъ запреты, она прибыла проводить ихъ. Всѣхъ было 80 передъ посадкой. То все — строевая старшина Кубанская. Какъ оказалось — она была единственной, единственной казачкою съ родной Кубани, словно гонецъ съ родныхъ полей пришелъ ихъ проводить здѣсь всѣхъ...

— «Пойди, дитя, купи — тому провизіи, тому кусочекъ мыла, иному табаку, иль — опустить письмо...»

Въ станичныхъ женскихъ мягкихъ башмачкахъ, въ коротенькой юбченкѣ и въ бѣленькой косынкѣ съ кружевами, съ услужливой улыбкою сквозь слезыньки на ласковыхъ глазахъ въ предверіи мучитель

ной разлуки съ братьяви — она спѣшила угодить намъ всѣмъ — чтобы хоть какъ нибудь, чтобы хоть чѣмъ нибудь исполнить, облегчить желанія насъ всѣхъ, увы — уже несчастныхъ узниковъ на родинѣ «своей»...

«Пробѣжи скорѣй, Надюша, и еще разокъ къ знакомымъ и попроси намъ на дорогу книгъ», — сказалъ ей средній братъ: Вставъ молча и послушно, и ласково взглянувъ въ глаза ему — она пошла... Онъ нѣжно провожалъ ее глазами вслѣдъ, разсматривая ея походку торопливую. И ,какъ бы свидѣтельствуя — «подождите... я скоро вотъ вернусь» — она, передъ угломъ, къ намъ оглянулась, еще разъ нѣжно улыбнулася, и скрылась за заборомъ... И... кто-бъ повѣрилъ, что... что то былъ ея послѣдній взглядъ...

Прошли минуты... всего днѣ-три минуты... Насъ неожиданно захлопнули въ вагонахъ для скота и... поѣздъ тронулся на сѣверъ...

Ее, свою сестренушку, Надюшу, я больше ужъ не видѣлъ на этомъ свѣтѣ... Ровно черезъ годъ, она пустила въ себя пулю и умерла тогда, когда мы были въ заточеніи, въ Сибири...

Ея «взялъ замужъ» комиссаръ - пришелецъ,.. Какъ завоеватель гнусный и жестокій (начальникъ отдѣльскаго «чека») предварительно «пустивъ въ расходъ» цѣлыя сотни стариковъ и средь нихъ — ея крестнаго отца, напомнивъ ей — и отступленіе на побережье Черноморское съ Кубанскими войсками, и «буржуазное происхожденіе», и сочувствіе зеленымъ — фостиковцамъ, и проводы въ Ростовѣ бывшихъ офицеровъ и, все, все, все, что было такъ естественно для всякаго казачьяго семейства... И она, схвативъ его же револьверъ — въ животъ его весь разрядила и на рукахъ измученной старушки-матери, пять дней спустя — погасла... какъ еше не распустившійся степной цвѣточекъ...

И это — въ свои всего 17-ть лѣтъ... Такъ рано, такъ жутко умерла... — зачѣмъ тогда ужъ было и родиться?!.

Бабушка...

Ей было сверхъ 70-ти лѣтъ. Въ первый же годъ прихода со службы мужа, — дѣда нашего — она осталася вдовою. Дѣдъ былъ убитъ въ степи разбойниками. Потомъ — пожаръ станицы и... все до тла сгорѣло въ ненасытномъ пламени, включительно до птицы. Съ подросткомъ - сыномъ, отцомъ нашимъ — она построила хибарку на гумнѣ и такъ жили — страждали, наживали вновь несчастное казачее добро. Въ томъ мѣстѣ родились и мы всѣ, дѣти. Натерпѣвшись горя и нужды — она вотъ и была тѣмъ главнымъ двигателемъ въ семьѣ — «учить дѣтей».

Маленькая, смуглая, худенькая, всегда въ дѣловомъ движеніи, съ сухимъ пріятнымъ тонкимъ профелемъ, всегда строгая къ себѣ, ко всѣмъ, и замкнутая отъ другихъ ради семейства, прошедшая суровыя лѣта, когда еще черкесы нападали на казачія станицы, волевая и умудренная житейскимъ опытомъ — она была основою патріархальности семьи, ея расцвѣта.

Весною 18-го года, когда убитъ былъ сынъ ея — она, на второй день, наперекоръ террору красныхъ, сама, своми рученьками разрывала насыпи среди убитыхъ и наспѣхъ зарытыхъ возставшихъ казаковъ — нашла его родного, доставила домой, обмыла тѣло отъ крови и предала землѣ родное тѣло торжественно, по христіански.

Въ тѣ дни, когда въ Екатеринодарѣ Войсковыя части Кубанской арміи безславно были упрятаны за проволоку — съ котомкою въ рукахъ, съ костылкомъ, еще сильнѣе согнувшись долу отъ сплошныхъ ударовъ по семьѣ и по казачьему несчастью — и туда пришла она провѣдать, своими глазушками увидать плѣненныхъ казаковъ и... внуковъ... О-о-о... и какая встрѣча! Схвативъ заруку — залилась слезами: «Въ какомъ вы видѣ, дѣтки...?» — причитала. Потомъ... потомъ, когда всѣхъ главныхъ 80 провели къ вокзалу, подъ конвоемъ на голгоѳу, чтобы убрать куда то всѣхъ на сѣверъ, въ Россію — она, сгорая добротою христіанскою — откуда то достала всѣмъ ведро казачьяго борща, чтобъ облегчить и накормить несчастныхъ, а потомъ, когда вагоны двинулись — она бѣжала рядушкомъ, сгорбившися еще сильнѣе и на бодрящія слова всѣхъ ссыльныхъ — бѣжала, плакала, и сквозь слезы мягко улыбаясь, все твердила — «... дѣтки-дѣтки-дѣтки...»

За семафоромъ паровозъ свернулъ налѣво и въ закругленіи вагоновъ еще разъ мелькнула передъ нами маленькая тѣнь старушки — въ послѣдній разъ...

Съ тѣхъ поръ ее я ужъ не видѣлъ.

Въ голодный годъ, когда Кубань замученно стогнала подъ продналогомъ — старушка, блюдя все ту жь заботу о семействѣ, она, съ разоренной и ограбованной Кубани, былой когда то житницы страны Великой — поѣхала за хлѣбомъ вдаль и, тамъ... тамъ гдѣ то, на чужбинѣ, на чужой сторонушкѣ, среди чужихъ людей, подрѣзанная косою безжалостнаго тифа, въ чумномъ баракѣ, среди сотенъ ей подобныхъ — отдала Богу душу... и какъ ненужный хламъ — свалена была въ могилу-яму общую...

А какъ она всегда мечтала закрыть свои глазушки среди своихъ родныхъ и хоть похороненной быть рядышкомъ съ мужемъ...

Судьба?!.

Еще сестренка...

Она была совсѣмъ мала, когда казачьи части покинули Кубань родную. 1-й Лабинскій полкъ, съ оркестромъ полковымъ и конскими бѣлыми хвостами на значкахъ шелъ по станицѣ, будируя игрою трубачей и мощью боевой своеею сердца Кавказ-

цевъ — уставшихъ, распыленныхъ... она тогда, манерою дитяти — махала ручкою вслѣдъ уходившему полку... «До - завтра», — такъ думалось тогда всѣмъ намъ, и скрылся полкъ въ изгибы улицы. Но — рокъ войны сулилъ иное...

Полкъ, послѣ боевъ, подъ давленіемъ враждебной силы — отступилъ инымъ путемъ мимо станицы и... все закрылось. И то, какъ оказалось, былъ послѣдній ея взглядъ и взмахъ ручонками дитяти — было послѣднее ея — «прощай».

Ужъ много лѣтъ спустя, когда семья была распылена буквално и осталось всего лишь три изъ десяти — одни побиты, другіе умерли, третьи ушли изъ дому въ дальній неприглядный путь и въ домѣ остались одна лишь мать-старушка и то дитя, теперь уже подростокъ — томясь въ отчаяніи одиноества, съ пятью подругами, поѣхала она на лодкѣ черезъ Кубань-родимую, за ландышами по веснѣ... Рѣка бурливая тогда, весною, — она, безсильною ладью схватила и понесла... Напуганныя, съ дѣтскою растерянностью, они схватились вмѣстѣ за ручонки и, чтобы спастись — пригнули всѣ въ волны и... пошли ко дну всѣ пять...

Четырехъ нашли тогда же. За 70 лишь верстъ внизъ по теченію, спустя недѣли двѣ — нашли послѣдній трупикъ — изъѣденный и растрепавшійся въ водѣ — моей сестренки меньшей и... послѣдней...

Бідолага.

Наша слава, наша гордость...

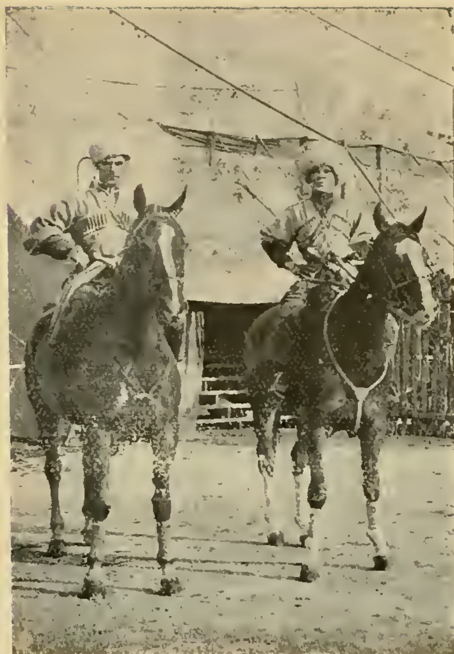
«Сюда наѣздники Джемата...» — былъ кличъ Шруко въ Парижѣ въ 1925-омъ году, чтобы встряхнуть казачьей джигитовкой центръ міровой столицы... И, — они слетѣлись всѣ, кто только могъ, и всѣхъ Казачьихъ Войскъ и, — дѣйствительно — встряхнули...

О джигитахъ - казакахъ заговорили. Но, не все вѣдь вѣчно подъ луною. Прошли годы, все распылилось, ушло и, — стихло. Остатки изъ Кубанцевъ славныхъ, превозмогъ препоны разныя — сейчасъ работаютъ на Западѣ Европы — Войсковой Старшина Крикливый и Хорунжій Сопильнякъ.

Пластунъ по роду службы, штабъ-офицеръ способный, гордый и съ дерзаніемъ — Крикливый сѣлъ въ сѣдло сознательно тогда въ Парижѣ и, исколесивъ Европу всю — достойнымъ сталъ онъ конникомъ теперь — красой Кубани.

Его помощникъ — рядовой и молодой казакъ Кривчунъ — спокойный, добрый и послушный своему руководителю, съ большой душею казака, джигитъ, танцоръ — его, Крикливаго, усиливаетъ онъ и украшаетъ, давая мощь и твердость группѣ.

Конь подо мной; — полкъ за мной.

Слѣва Войсковой Старшина Крикливый, справа Хорунжій Сопилнякъ.

Хорунжій Сопильнякъ, въ 1914 году, тогда еще онъ малолѣткомъ, въ лагеряхъ подъ Екатеринодаромъ, какъ получилъ свой первый призъ за джигитовку — съ тѣхъ поръ съ сѣдла онъ не слѣзаетъ. Его стихія — конь и торочекъ, а «на вертушкѣ» — кривая шашечка въ зубахъ. Хоть на соломѣ спать, но — джигитовать, джигитовать и... джигитовать, — его девизъ.

Такъ вѣрные сыны родной Кубани, живымъ наглядным дѣломъ поютъ Ей пѣснь и стягъ Ея неся ревниво, — работаютъ во славу Войска — Кубанскаго Казачьяго.

Слава нашимъ козаченькамъ!

Слава!..

поется въ пѣснѣ такъ, и мы ей вторимъ —

«Слава..!»

Елисѣевъ.

КАЗАКИ НА МОГИЛѢ НЕИЗВѢСТНАГО СОЛДАТА ВЪ ПАРИЖѢ

Укрѣпляется и ширится рыцарскій жестъ за казаками, что они, одинъ разъ въ году, въ свой спеціальный, зафиксированный въ «Комитетѣ Пламени» день — возжигаютъ лампаду на могилѣ Французскаго Неизвѣстнаго Солдата въ Парижѣ, похороненнаго подъ Тріумфальной Аркой и возлагаютъ на его могилу вѣнокъ.

Разъ въ году, открыто, въ центрѣ міровой столицы, казаки, въ военныхъ мундирахъ своихъ Войсковыхъ формъ — свободно и наглядно могутъ выявить себя міру о своемъ физическомъ существованіи, давая этимъ «выходомъ» всѣмъ о себѣ знать. И эта данная имъ возможность «выявленія», надо полагать, позволена продуманно. Казали, и въ прошломъ году, 6-го сентября, и въ этомъ году 2-го августа — горячо откликнулись на призывъ Атамана Богаевскаго и ревниво оберегаютъ «свой день зажженнія», какъ день своего Казачьяго праздника, готовясь къ нему заранѣе, какъ бы ко дню свѣтлой весенней Святой Пасхи.

Правленіе.

«Казачій вѣнокъ» 2-го августа. Его несли — отъ Дон. Войска — В. Старшина Алексѣевъ (справа, въ фуражкѣ) и отъ Кубанскаго — Полковникъ Елисѣевъ (слѣва, въ черкескѣ). Лѣвѣе послѣдняго — знаменщикъ Лейбъ-Казачьяго полка подъхорунжій Бодрухинъ и старшій урядникъ Кубанецъ — инженеръ Мащенко (въ бѣлой папахѣ). Позади Алексѣева, въ черкескѣ — Кубанскій артиллеристъ — Полковникъ Сейделеръ. Изъ старшихъ Кубанскихъ офицеровъ, въ военной формѣ, былъ Генералъ Лебедевъ.

Le gérant : Malakoff

Imp. BASILE, 1, villa Chauvelot, Paris — 15°

КЪ КУБАНСКОМУ КАЗАЧЕСТВУ

Общество Ревнителей Кубани, имѣющее свой центръ въ Парижѣ, задалось цѣлью — въ своемъ журналѣ

«КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО»

историко - литературнымъ матеріаломъ, историческими и характерными снимкам, гравюрами, рисунками — воскрешать въ памяти родныхъ казаковъ былое нашей Кубани-Матери, освѣщая и воспѣвая Ее родную нашу Кубань-Отчизну, наше дорогое намъ, растерзанное, обезкровленное и распятое на крестѣ Кубанское Казачество, наше славное и незамѣнимое ничѣмъ Кубанское Казачье Войско, — распятое, но еще живое и въ мукахъ нечеловѣческихъ страданій — горющаго «Жить».

Ко всѣмъ Кубанскимъ Казакамъ — отъ высокихъ до рядовыхъ ранговъ, отъ ученыхъ до землеробовъ, отъ богатыхъ до «сіромы», отъ Вольныхъ до Имперскихъ Казаковъ — нашъ призывной голосъ — кто живетъ мыслью о Родинѣ, кто не ушелъ въ житейское море обывательщины и безразличія, кому дорогъ путь «Туда», къ роднымъ Казачьимъ берегамъ — принять живое участіе въ нашемъ стремленіи.

Присылайте намъ характерные бытовые и историческіе Войсковые снимки, гравюры, портреты, картины, рисунки . . .

Пишите статьи, замѣтки, воспоминанія, описанія, боевые эпизоды Кубанскихъ Казаковъ . . .

Пишите на чемъ попало и какъ попало. За бѣдностью — пишите кровью и на сахарной бумагѣ, лишь былъ бы въ писанномъ смыслъ, душа, Казачій взлетъ, пѣснь и тоска, плачъ и жартъ, лишь бился бъ пульсъ жизни и болѣзни по нашему милому и загубленному Казачеству Кубанскому . . .

Пишите . . .

Все будетъ принято, просмотрѣно, использовано и возвращено съ благодарностью.

Въ добрый часъ — Родные Кубанцы — отзовитесь!

Редакціонная Коллегія и Правленіе

Общества Ревнителей Кубани:

Полковникъ И. В. Бѣлый
Подъесаулъ А. Н. Толбатовскій
Подъесаулъ Е. М. Якименко
Предсѣдатель Полковникъ Ѳ. И. Елисѣевъ

Во Франціи можно выписывать черезъ Общество Ревнителей Кубани

1. «Кубанскій Календарь» — настольная книга, необходимая каждому Кубанскому Казаку — 10 фр.
2. «Исторія Кубанскаго Войскового гимна» — 5 фр.
3. «Россія» № 7 — посвященная Кубанскому Казачьему Войску — 5 фр.
4. Альманахъ Русской эмиграціи за 1920-1930 г. съ Кубанскимъ матеріаломъ — 7 фр. 50 с.

Слѣдующій номеръ журнала «Кубанское Казачество» выйдетъ послѣ распространенія настоящаго. Предположено къ празднику Рождества Христова. Нажми козаче и... распространи.

КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО

«LES COSAQUES DU KOUBAN»
10, rue des Cordelieres — PARIS XIIIe

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СБОРНИКЪ

№ 2 | Изданіе непеpіодическое | Декабрь 1931 г.

ИЗДАТЕЛЬ: Общество Ревнителей Кубани
РЕДАКТОРЪ: Коллегія Кубанскихъ Казаковъ

Таманцы

СОДЕРЖАНІЕ № 1-го СБОРНИКА «КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО»

1. «Войсковой Праздникъ» (историческі яданныя о немъ).
2. «Пластуны» (историческій обзоръ) Полк. Федоровъ
3. «Разлилась Ты...» (былинный сказъ) - Вл. Куртана
4. «Церковная жизнь на Кубани со времени переселенія Запорожцевъ и до нашихъ дней» - - Прот. Ломака
5. «Ставропольское Казачье юнкерское училище и его значеніе для Кубанскаго Казачьяго Войска» Ген. Кокунько
6. «1-й Кавказскій полкъ» (краткія историческія данныя) — Полк. Елисѣевъ
7. «Подвиги дѣдовъ» (гибель Сот. Горбатко съ пластунами) -- Подъес. Якименко
8. «Страдная пора на Кубани» -- Подъес. Толбатовскій
9. «Послѣдній взглядъ...» — казака Бідолага
10. «Наша слава, наша гордость» — Елисѣева
11. «Казаки на могилѣ Неизвѣстнаго Солдата въ Парижѣ» — Правленіе

Въ журналѣ 26 характерныхъ Кубанскихъ снимковъ и рисунковъ и карта раіона Турціи, гдѣ прошли боевую страду почти всѣ строевыя части Кубанскаго Войска въ Великую войну 1914-1917 г.г.. На обложкѣ — нарядный Штабъ 1-го Хоперскаго полка. Цѣна сборника — 3 фр. 50 с.; для заграницы — 5 фр.

Черезъ Общество РЕВНИТЕЛЕЙ КУБАНИ можно выписывать:

1. **«Кавказскій Казакъ»,** съ пересылкою — 2 фр. 50 с.
   Это органъ Кубанскаго Войскового Центра, съ богатымъ информаціоннымъ матеріаломъ о жизни Кубанскаго Казачества «тамъ и «здѣсь». Считаемъ журналъ необходимъ каждому Кубанскому казаку.
2. **Кубанскій Календарь** — 10 фр.
   Богатая, содержательная Войсковая книга въ 108 стр. съ 22 снимками, гдѣ каждый казакъ найдетъ всю повѣсть о родномъ Войскѣ во всемъ ея обьемѣ, силѣ, богатствѣ и всей красотѣ и мощи.
3. **Казачьи герои и сподвижники** — Проф. и историкъ Ф. А. Щербина 3 фр.
4. **Віче, Рада, Кругъ** — Полковникъ и Докторъ Правъ С. А. Федоровъ
5. **Исторія Кубанскаго Войскового Гимна** — Полковникъ Елисѣевъ 3 фр.
6. **Россія № 7,** посвященная исключительно Кубанскому Казачьему Войску — вся распродана.

КАВКАЗСКІЙ КАЗАКЪ

ежемѣсячная информація о жизни Казачества.

Подписная цѣна:

	Югославія.	Болгарія.	Чехослов.	Франц.
На 6 мѣс. . . .	20 дин.	60 лева	15 кр.	10 фр.
На 1 годъ . . .	40 дин.	120 лева	25 кр.	20 фр.

Цѣна отдѣльнаго номера въ продажѣ — 4 дин.

Адресъ редакціи: Belgrad. Nemanina 20. Yugoslavia

Сапожная Мастерская

КУБАНСКАГО КАЗАКА С. Е. ЗАХАРЫНА

Пріемъ заказовъ на казачью обувь - чевяки, наговицы, мягкіе и твердые сапоги и на другую обувь и всевозможную починку. Умѣренныя цѣны, иаккуратное и своевременное выполненіе

Адресъ: 111, B-d de l'Hopitale, Paris 13. Métro: Campo-Formio

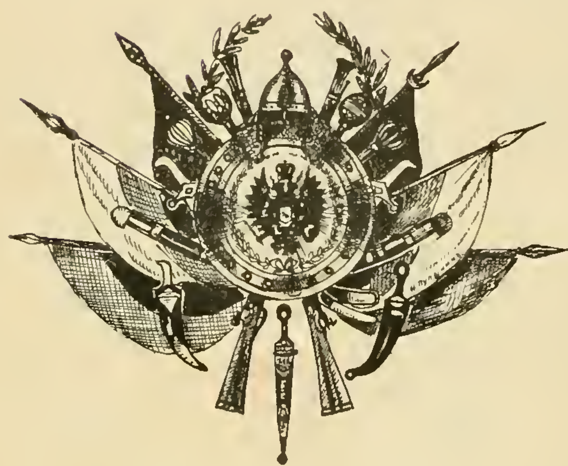
КУБАНЬ...

Москвою я рожденъ, но выросъ на Кубани,
Береговъ родныхъ Ея всю жизнь не покидалъ —
Мнѣ милъ степной курганъ, свидѣтель прежней брани.
Златыхъ полей просторъ и зубья дикихъ скалъ...
И моря Чернаго люблю приливъ пѣвучій,
Иль въ бурю, — грозные шумящіе валы,
И ночью надъ собой полетъ звѣзды падучій
И въ отраженьи водъ сребристый слѣдъ луны...
И мутныхъ вешнихъ рѣкъ люблю разливъ безбрежный.
Крикливый перелетъ пернатыхъ вереницъ,
На куполахъ церквей заката отблескъ нѣжный
Уютный сытый видъ разбросанныхъ станицъ...
И былью старины мнѣ дорогъ стонъ бандуры
Средь праздничной толпы базарныхъ площадей,
Слезой блестящій взоръ склоненныя фигуры
Надъ кобзаремъ слѣпымъ, пѣвцомъ минувшихъ дней...
И городъ, гдѣ я росъ, въ тѣни садовъ цвѣтущихъ,
И вышки казаковъ на берегу крутомъ,
И цѣпь лѣнивыхъ баржъ, вдоль по рѣкѣ ползущихъ
Съ дарами тучныхъ нивъ, сверкающимъ зерномъ..
Цвѣтущій мощный край! Край зубра и фазана,
Гдѣ въ нѣдрахъ золото, гдѣ нефть течетъ рѣкой,
Гдѣ грезитъ кедръ снѣговъ надъ пальмой Индостана,
Гдѣ розы въ январѣ! — Что сдѣлали съ Тобой?!.

Н. Николаевъ,
Членъ Гос. Думы отъ неказачьяго населенія Кубанской и Терской областей и Черномор. губ.

Столѣтній юбилей Конвоя Его Величества

(1811 — 1911 г.г. — май мѣсяцъ)

Смотришь на юбилейныя фотографіи родной части и невольно вспоминаешь недавно пережитое, но уже невозвратно утерянное.

Царское Село съ его идеальной чистотой, тѣнистыми парками, цвѣтниками, прудами, китайской деревней и прочими затѣями Великой Екатерины. Величественный дворецъ. Громадный внутренній плацъ, окруженный полукругомъ одноэтажныхъ зданій въ стилѣ дворца. На плацу алѣютъ стройныя линіи сотенъ Собственнаго Его Величества Конвоя, въ конномъ строю развернувшаго свои сотни, для встрѣчи Державнаго Шефа, по случаю столѣтняго юбилея.

Картина рѣдкая: красивыя — внушительныя лица казаковъ въ черныхъ папахахъ, ловко сидящихъ на своихъ кабардинцахъ: алыя черкески расшитыя серебромъ и басонами, шашки, кинжалы, пояса — украшенные серебромъ и позолотой, кавказскіе уборы коней.

Майское солнце ярко освѣщаетъ эту блестящую картину, играя и тысячами брызгъ отражаясь въ серебрѣ и позолотѣ красочнаго обмундированія.

Ровно въ 10 часовъ изъ дворца выходятъ Его Величество съ Августѣйшей Семьей. Государь и Наслѣдникъ — въ формѣ Конвоя. Императрица и Княжны въ бѣлыхъ платьяхъ. Государь садится на коня, Августѣйшая Семья и часть свиты располагаются на площадкѣ подъѣзда. Звонкая команда Командира Конвоя Князя Трубецкого и алыя линіи дрогнули, сверкнули клинками шашекъ и... замерли. Подъ звуки гимна, Императоръ объѣзжаетъ сотни, здороваясь съ казаками: въ отвѣтъ несется восторженный отвѣтъ и перекатное «ура»...

Торжественное молебствіе и церемонія передачи вновь пожалованнаго Штандарта.

Вновь сверкнули шашки и, подъ мощные звуки хора трубачей Гусаръ Его Величества, юбилейный Штандартъ занимаетъ въ строю свое мѣсто.

Государь выѣзжаетъ на средину фронта, поздравляетъ Конвой съ юбилеемъ: въ краткой рѣчи благодаритъ казаковъ за ихъ славную и вѣрную службу и выпиваетъ «чапурку» терскаго чихиря за славу и процвѣтаніе Своего Конвоя.

Вотъ Государь подъѣхалъ къ главному подъѣзду дворца. Раздается команда и алыя линіи сотенъ двинулись, перестроились и четкіе ряды взводовъ, проходятъ церемоніаломъ. Впереди, блестя серебряными трубами, въ расшитыхъ широкимъ басономъ черкескахъ, на сѣрыхъ коняхъ, проходятъ четыре трубача Его Величества.

На флангѣ Лейбъ - Гвардіи 1-й Кубанской сотнѣ проходитъ Атаманъ Кавказскихъ Казачьихъ Войскъ — Намѣстникъ Его Величества на Кавказѣ — Графъ Воронцовъ-Дашковъ и Наказный Атаманъ Кубанскаго Войска Генералъ-Лейтенантъ Бабычъ. На флангѣ Лейбъ-Гвардіи 3-й Терской сотни — Наказный Атаманъ Терскаго Войска Генералъ-Лейтенантъ Флейшеръ. На Царское «спасибо» — несется дружное «рады стараться, В. И. В.».

Парадъ конченъ. Штандарты съ почестями поставлены во дворецъ. Сотни съ пѣснями и зурной расходятся по своимъ казармамъ. Офицеры, съ ихъ семьями, и гости Конвоя, приглашаются во дворецъ къ Высочайшему завтраку. Благодаря исключительному вниманію Высокихъ Хозяевъ — у всѣхъ восторженное настроеніе во все время завтрака, — наростаетъ. Тостъ Командира Конвоя за Державнаго Шефа покрывается громкимъ «ура»...

Въ 12 1/2 часовъ, въ офицерскомъ собраніи Конвоя, происходитъ пріемъ депутацій отъ гвардейскихъ полковъ и ранѣе служившихъ въ Кон-

всѣ, приносившихъ поздравленія и подарки по случаю юбилея.

Осмотръ собранія доставляетъ гостямъ большой интересъ. Постройка начата въ сентябрѣ 1910 года и, по повелѣнію Государя, должна быть закончена къ юбилею, т.-е. къ маю 1911 г. Чтобы можно было вести постройку зимой, при лютыхъ морозахъ, особенно бетонныхъ работъ, — былъ выстроенъ деревянный футляръ, благодаря чему собраніе было закончено своевременно.

Въ стилѣ углицкихъ теремовъ, съ примѣненіемъ всѣхъ новѣйшихъ достиженій, оно производило совершенно новое, оригинальное впечатлѣніе! Внутренняя отдѣлка и обстановка переноситъ въ отдаленное прошлое старой Руси: потолокъ изъ темнаго дуба, съ выступающими балками, огромный каминъ изъ цвѣтныхъ изразцовъ, на подобіе русской печи съ лежанкой, массивные, рѣзные столы и скамьи, красныя занавѣски съ подушками и проч. — все русское, все дорогое...

На второй день, въ Высочайшемъ присутствіи, состоялась призовая джигитовка. Лучшіе джигиты получили отъ Ихъ Величествъ призы: шашки, кинжалы, охотничьи ружья, часы.

Императоръ христосуется съ Казаками - Конвойцами

На третій день, въ присутствіи Его Величества, состоялся ужинъ въ офицерскомъ собраніи, въ тѣсной Конвойной семьѣ. Государь прибылъ въ черкескѣ азіатскаго сукна, при кинжалѣ въ черныхъ хозовыхъ ножнахъ.

Неизмѣнное вниманіе, простота и привѣтливость, присутствіе Императора — оставили у всѣхъ неизгладимое впечатлѣніе.

За ужиномъ царило непринужденное веселье. Знаменитый хоръ балалаечниковъ во главѣ съ Андреевымъ и неподражаемая исполнительница русскихъ пѣсенъ г—жа Плевицкая — доставляли истинное удовольствіе. Отличный хоръ Конвоя пѣлъ родныя казачьи пѣсни, всегда заражавшія слушателей или безотчетной грустью, или безудержнымъ весельемъ, а лезгинка и гопакъ — положительно захватывали всѣхъ своей несравненной лихостью и удалью.

Государь былъ веселъ и неоднократно выражалъ свое полное удовольствіе.

Казаки со своими гостями — старыми казаками, пріѣхавшими на юбилейныя празднества, три дня пировали въ шатрахъ, разбитыхъ на Конвойной площадкѣ. Эти шатры съ пирующими казаками, напоминали пиры запорожцевъ послѣ побѣды: мелькали синія черкески, красные бешметы, раздавались возгласы, лилась казачья пѣсня, говорившая о славныхъ боевыхъ дѣлахъ отцовъ и дѣдовъ...

Въ день юбилея Адъютантъ К[illegible] [illegible]саулъ Жуковъ былъ назначенъ Флигель-Адъютантомъ. Въ память юбилея былъ пожалованъ нагрудный знакъ въ видѣ щита съ короною и мечемъ въ знакъ вѣковой вѣрной службы Конвоя при Русскихъ Императорахъ.

Казакъ безъ коня, что солдатъ безъ ружья

Столѣтній юбилей (1811 — 1911 г.г.) Конвоя Его Величества. Государь Императоръ съ дочерьми среди депутаціи отъ всѣхъ Казачьихъ Войскъ и г.г. офицеровъ Собственнаго Конвоя. Послѣдніе въ формѣ одежды разныхъ эпохъ. Правѣе Его — Кубанскій Атаманъ Генералъ-Лейтенантъ Бабычъ и лѣвѣе — Терскій Атаманъ, Генералъ-Лейтенантъ Флейшеръ. Снято въ Царскомъ Селѣ 18-го мая 1911 г.

Юбилейныя торжества кончены. Жизнь Конвоя вошла въ свою колею. Отборные съ Кубани и Терека красавцы казаки, прекрасный составъ офицеровъ — составляли одну дружную семью. Всегда подтянутые, веселые, сердечно расположенные другъ къ другу, отчетливо несли свою службу, а досуги проводили въ своемъ уютномъ собраніи или въ Петербургѣ, гдѣ не было недостатка въ развлеченіяхъ.

После революціи 17 года. Конвой былъ переформированъ въ два дивизіона — Кубанскій и Терскій и отправлены въ свои Войска — на Кубань и Терекъ. Кубанскій Гвардейскій дивизіонъ, не прерывая своего бытія, прошелъ чрезъ всю гражданскую войну, Лемносъ и прибывъ въ Сербію, вновь встрѣтилъ братьевъ Терцевъ гвардейскаго дивизіона, которые и были присоединены къ Кубанскому дивизіону 3-й сотни. И по настоящій день въ этой части живутъ славныя традиціи и хранятся въ полной цѣлости священныя реликвіи стараго Конвоя. Въ тяжеломъ трудѣ добывая дневное пропитаніе, дивизіонъ преисполненъ непреклонной волей — дождаться завѣтнаго часа, когда можно будетъ послужить истерзанной Родинѣ и сложить свои головы за Родную землю.

М. С.

АТАМАНЪ КУХАРЕНКО

«Де не взялася орда,
Порубала козака,
Порубала, посікла
І у полонъ занялa».

Пѣли казаки Войска Черноморскаго печальную пѣсню на смерть своего лихого, Атамана — отца, Якова Герасимовича Кухаренко: пѣли на Черноморьи, перенесли на Линію и поютъ по сей день Кубанцы, опѣвая злую долю казачью.

Громовымъ ударомъ пронеслась по Кубани вѣсть о несчастьи съ Кухаренкомъ.

Въ Екатеринодарѣ:

«У пятницю, на базарі,
Всі заговорили,
Що черкеси Кухаренка
Взяли — полонили!..
Задзвонили до раньої
Богу помолиця;
Рознеслися слухи тяжкі.
Люд чогось боїця.
Зажурились старі і малі.
Народ галасує.
Пита один у другого:
«Чого люд сумує?»
«Чого острах на всіх найшов?
— Чого? — ти не знаешь?
Генерала Кухаренка
Узяв черкес...
Його з зятем захопили,
Обох полонили;
А поштаря й козака
Там же зарубили...
Пішов гомін у народі,
Брат брата пытае,
Роспитують, розказують...
А ніхто не знае
Чи то правда, чи не правда...
Інший не йме віри,
Щоб старого Кухаренка
Взяли бузувіри!..
Люд сумує і гвалтує:
«Взяли... полонили...
Кухаренка та ще й з зятем
В кайдани забили!..»
Затужили Чорноморці:
«Ой — Боже ж наш, Боже!..
Ой хто ж тепер у пригоді
Нам бідним поможе?..»

Случилось это несчастье передъ полуночью 19-го сентября 1862 года, на почтовомъ перегонѣ между, станицами Казанской и Кавказской.*)

Генералъ-майоръ Я. Г. Кухаренко, въ то время начальникъ Нижне-Кубанской Линіи, былъ срочно вызванъ изъ Екатеринодара въ Ставрополь, вмѣстѣ съ генераломъ Бабичемъ. Послѣд-

*) На перегонѣ Казанская - Кавказская, находится глубокая котловина, издавна «славившаяся» густыми зарослями камыша, куги и лѣса съ ихъ ко-

ложенія средь укоренившихся «иногородниxъ» и кулачныя стычки—не были здѣсь явленіемъ случайнымъ. А въ 18 году, когда станицы тлѣли въ невѣде-

ній счастливо проскочилъ небезопасное мѣсто у устьевъ Зеленчуковъ, генералу же Кухаренко судьба приготовила иную долю.

Восемь конныхъ абадзеховъ изъ засады уби-

Атаманъ Кухаренко

марами, москитами и разбойниками. Старожилы не рисковали проѣзжать это мѣсто въ поздній вечеръ... Въ такомъ-то «разбойничьемъ гнѣздѣ» и подстерегли абадзехи Атамана Кухаренко и удачно полонили его. Въ настоящее время на этомъ мѣстѣ находится казачій хуторъ Романовскій, принадлежащій станицѣ Кавказской (по совѣтски гор. Кропоткинъ) съ 40.000 неказачьяго населенія, съ узловою станціею «Кавказская» Владикавказ. ж. д. Отъ былыхъ «зарослей» ничего не осталось. Объ урядникѣ Романовѣ, державшемъ здѣсь когда-то на броду постъ съ казаками противъ черкесовъ, живя въ своей лачугѣ, отчего и вначалѣ образовавшійся казачій хуторокъ сталъ называться «Романовскимъ» (станич. преданіе), тоже всѣ забыли, но это роковое и разбойничье мѣсто таковымъ и осталось и до нашихъ дней. Коренной житель хутора (пятьдесятъ казачьихъ дворовъ всего лишь) и казакъ ближайшихъ станицъ, пріѣзжiющій въ этотъ торговый центръ — не чувствовалъ себя здѣсь хозяиномъ поніи власти завтрашняго дня — здѣсь, въ центрѣ казачьихъ станицъ — сразу-же, открыто, нахрапно образовался воен.-рев. трибуналъ, всю власть взялъ въ свои руки и буквально терроризировалъ не только населеніе хутора, но и пріѣзжающихъ «на ссыпки» и на базаръ казаковъ, беря съ нихъ пошлины даже за въѣздъ въ это «гнѣздо». Отсюда-то жестоко было подавлено «Кавказское возстаніе казаковъ 19-23 марта 1918 года» и этотъ «хуторъ» далъ до 5.000 бойцовъ въ красную армію, выдавленную за Кубань въ томъ-же году бѣлыми войсками. А въ годы, съ 1920 — это мѣсто является «узломъ» красныхъ застѣнковъ для казаковъ ближайшихъ станицъ, гдѣ знаменитые «пески» заволокли не одну сотню разстрѣлянныхъ казаковъ — домовитыхъ, довѣрчивыхъ и неискушенныхъ злымъ рокомъ жестокой политической встряски... Вотъ таково то памятное мѣсто, гдѣ нашелъ свою гибель знаменитый Атаманъ Кухаренко.

Ред.

Перестань меня кормить, иди меня защищать

ли почтаря и вѣстового казака, ранили и изрубили генерала и его зятя — капитана конно-ракетной батарей Іогансона.

63-лѣтній раненый старикъ рубился отчаянно, но обезсилѣлъ и попалъ въ плѣнъ.

Генералу связали руки, посадили на коня, подвязали ноги подъ сѣдломъ и въ двѣ ночи, скрываясь днемъ въ лѣсахъ и плавняхъ, проскакали около 200 верстъ за Майкопъ, въ горы.

Кухаренко скрывалъ свое имя и только узнавъ, что одинъ изъ восьми абадзеховъ, былъ кунакомъ его сына Степана, сказалъ ему, кто онъ... Это улучшило его положеніе и отдалило конецъ его смерти на пару дней, но зато абадзехи потребовали за него 22.000 рублей выкупа.

Вся Кубань и Закубанье были всполошены извѣстіемъ о плѣнѣ генерала.

Со всѣхъ сторонъ стекались горцы взглянуть на грознаго изнемогавшаго отъ ранъ генерала. Войско предложило въ обмѣнъ 20 плѣнныхъ горцевъ лучшихъ фамилій. Самъ сынъ его, Степанъ, пріѣхалъ въ Майкопъ, чтобы сѣсть въ загонъ за отца до окончанія переговоровъ. Сѣлъ заложникомъ и кунакъ его, абадзехъ, а между добычниками доходило до схватокъ изъ-за размѣра выкупа.

Похороны Атамана

Все оказалось напраснымъ: 26-го сентября до Екатеринодара дошли вѣсти о смерти генерала отъ ранъ, въ плѣну...

Взявши большой выкупъ, абадзехи выдали тѣло генерала. Печально - торжественно встрѣчало Войско бывшаго своего послѣдняго Атамана Кубанца, на всемъ протяженіи отъ Майкопа до Екатеринодара, «рідного сина и благого батька» Кубани и Казачества, какъ писали о его смерти.

И не только Кубань, а и родственная ей Украина сумувала надъ смертью Кухаренко. «Украина и лучшіе ея патріоты не забыли, что Кухаренко былъ почти единственнымъ въ Войскѣ знатокомъ и цѣнителемъ казачьей Запорожской старины и Черноморскаго быта».

Кубань же потеряла не только способнаго администратора, храбраго воина, а и своего перваго казачьяго поэта и писателя, слава котораго шла далеко за предѣлы Черноморья.

Кухаренко не былъ только отцомъ Кубанскому Казачеству, но онъ былъ и отцомъ — вдохновителемъ славнаго пѣвца Казачества и Украины — Тараса Шевченко. Отцомъ — Атаманомъ называли его и заброшенные въ Сѣверную Пальмиру украинцы, среди которыхъ часто появлялся Кухаренко, при своихъ поѣздкахъ по дѣламъ службы въ СПБ и за дѣтьми, учившимся въ столицѣ и Гатчинѣ.

Жившіе отблесками славнаго былого Запорожья, они не видѣли уже на Украинѣ ничего, что напоминало бы о Казачествѣ. Самъ молодой

Кулыче, кулыче! якъ ты у болоті жывэшъ? — А я ѳрівыкъ!

еще Тарасъ Шевченко извѣрился въ свою Родину: очи ихъ стремились туда, откуда прiѣзжалъ сѣдовласый усатый «Кошевой батько», гдѣ потомки славнаго Запорожья жили своимъ казачьимъ бытомъ, въ боевой жизни Кубани, поддерживая безсмертную славу своихъ предковъ.

Разсказы генерала о Кубани и о казачествѣ — воодушевляли петербуржцевъ; но этого мало: въ дни тяжелаго изгнанiя украинскаго пѣвца-поэта — Шевченко, когда у него упали духъ и сила, когда надломилось его сердце. — Яковъ Герасимовичъ Кухаренко, помощью моральной и матерiальной, поддерживалъ изгнанника, не боясь преслѣдованiй начальства, вливавъ въ него снова силу и энергiю къ творчеству.

Самъ Кухаренко не былъ заурядным писателемъ въ ту эпоху на казачiй масштабъ.

Онъ написалъ обширную поэму въ стихахъ — «Харько Запорозький Кошевий», и написалъ замѣчательную въ бытовомъ отношенiи пьесу, рисующую жизнь на Кубани первыхъ переселенцевъ казаковъ — «Черноморський побит». Онъ написалъ еще рядъ разсказовъ изъ Черноморскаго быта, имѣющихъ для насъ теперь и чисто историческiй интересъ. Онъ далъ намъ «Чабанскiй словарь» — почти вымершихъ на Кубани когда то распространенныхъ словъ и терминовъ, специфически кубанскихъ.

Въ своихъ произведенiяхъ, писанныхъ чистѣйшимъ разговорнымъ языкомъ первыхъ Черноморцевъ, онъ оствилъ намъ образцы нашей Кубанской народной «мовы» такъ милой и благозвучной нашему казачьему уху.

Но къ нашему стыду — Кухаренко оказался «забытымъ казачьимъ писателемъ». Его произведенiя, печатанныя враздробь и въ различныхъ журналахъ, были изданы отдѣльнымъ сборникомъ только въ 1880 году и къ нашему времени сдѣлались библiографической рѣдкостью. Пьеса же его была передѣлана М. Старицкимъ въ оперу подъ названiемъ «Черноморци».

Только позже, въ эмиграцiи, Кубанцы больше обратили вниманiе на своего забытаго Атамана - писателя: въ журналахъ «Казачiй Путь», «Вольное Казачество» былъ помѣщенъ рядъ статей о Я. Г. Кухаренко С. А. Федоровымъ и П. П. Кокунько, а въ 1928 году «Громада украинцевъ съ Кубани» издала по инициативѣ супруговъ М. В. и Г. В. Омельченко и подъ редакцiей послѣдняго — произведенiя Я. Г. Кухаренко, какъ первое полное иллюстрированное изданiе.

***

Самъ Я. Г. Кухаренко не былъ баловнемъ судьбы. Родился онъ въ 1799 г., и въ 15 лѣтъ вступилъ на военную службу и долго тянулъ казачью обыкновенную лямку. Былъ «сотеннымъ есауломъ» (т.-е. урядникомъ) и только черезъ 10 лѣтъ былъ произведенъ въ офицеры.

Личныя способности и боевая дѣятельность выдвинули его въ 1836 году въ штабъ-офицеры. Служилъ онъ въ казачьей кавалерiи и артиллерiи, командовалъ № 9 коннымъ полкомъ, былъ ассесоромъ въ Войсковой канцелярiи и непремѣннымъ членомъ ея, а съ 1842 года — штабъ-офицеромъ Ейскаго округа. Много времени провелъ онъ въ бояхъ и на кордонной Линiи.

Незаурдныя его способности какъ администратора, выдвинули его въ 1851 году на постъ Наказнаго Атамана Азовскаго Казачьяго Войска, сформированнаго изъ Запорожцевъ, вышедшихъ изъ Турцiи въ компанiю 1828 года.

Войско это было поселено на сѣверо-западномъ берегу Азовскаго моря, между Марiуполемъ и Бердянскомъ и благодаря «хозяйничанью» генерала Гладкаго (Бондаря) б. Кошевого — Войско пришло въ большой упадокъ.

Энергичный Кухаренко быстро привелъ его въ порядокъ, но Войско скоро было упразднено и влито в Войско Кубанское.

Съ октября 1852 года. Полковникъ Кухаренко вступилъ въ исполненiе обязанностей Начальника Штаба и н. об. Наказнаго Атамана Черноморскаго Войска.

Быть постояннымъ Атаманомъ ему не было суждено: въ это время дѣйствовалъ уже указъ импер. Николая I, по которому, ни одинъ казакъ не смѣлъ быть въ своемъ Войскѣ даже и Наказнымъ Атаманомъ. Должность же Войскового Атамана была упразднена совсѣмъ.

Въ 1856 году онъ сдалъ свою должность Казанскому дворянину, генералу Филипсону и потомъ уже Кубань цѣлыхъ 50 лѣтъ не видѣла во главѣ Войска ни одного изъ своихъ сыновъ.

Были и другiя причины, изъ-за которыхъ косо смотрѣли на генерала Кухаренко. Мѣстная знать не долюбливала его изъ-за административныхъ распоряженiй столицы; столица косилась на Кухаренка какъ на «писателя» и «казакомана». Была извѣстной и его связь съ ссыльнымъ Шевченко и съ дѣятелями «Кирило-Мефодiевскаго братства» — украинскаго, политическаго... Времена тогда были тяжелыя — николаевскiя, — что жъ потомъ было удивительнаго, что на Кубани утвердилась легенда — будто тѣло Генерала Кухаренко запрещено было похоронить въ оградѣ Войскового Запорожскаго Собора, на Крѣпостной площади, среди б. куреней Черноморскихъ.

Похороненъ онъ былъ на городскомъ (загороднемъ тогда) кладбищѣ и только послѣ революцiи 1905/6 г.г прахъ его перенесли ближе къ престолу бывшаго Запорожскаго Собора.

Казаки добываютъ, а Москали — забираютъ

О Кухаренко на Кубани сохранилось много разсказовъ, анекдотовъ и воспоминаний.

Это былъ типичный старый Запорожскій Батько-Атаманъ, добрый но и строгій, ласковый, но и взыскательный, не «говорившій», а только «балакавшій», со своимъ вѣчнымъ длиннымъ чубукомъ въ рукахъ, не разъ каравшимъ отечески в штабъ-офицерскія спины, но никогда не выдававшихъ ихъ высшему начальству.

Память о немъ была дорога Кубани, — должна она быть дорогой и намъ. Она должна быть перенесена нами на освобожденную, политою кровью послѣдняго Черноморскаго Казака-Атамана, освобожденную Родную Землю.

Родная Кубань создала ему «памятникъ нерукотворный», а мы ему поставимъ, своему Батькові-Отаману, пѣвцу Кубани и Казачества, поэту и писателю Генералу Якову Герасимовичу Кухаренко, — въ сердцахъ своихъ.

С. Лантухъ

ВСТРѢЧИ...

(Посвящается Полковнику М. К. Соламахину)

Въ годину грозныхъ и великихъ испытаній,
На полѣ бранномъ встрѣтились съ тобой, мой другъ:
Тогда, въ дни горя и страданій,
Въ бояхъ мы исцѣляли свой недугъ.
На кровныхъ горскихъ скакунахъ,
Блистая шашками стальными,
Носились мы въ родныхъ степяхъ,
Природу услаждая пѣснями лихими...

Я помню, какъ передъ сотнями
Ты строенъ былъ на ворономъ конѣ:
Лицо съ нависшими бровями
Чуть блѣднѣло и, на мнѣ,
Твой взоръ суровый застывалъ,
Когда отважная работа насъ ждала,
Иль бой жестокій назрѣвалъ,
Коль рать враговъ къ намъ въ тылъ зашла.

Затѣмъ — мы встрѣтились, мой другъ,
Голодные подъ снѣжными горами,
Гдѣ въ праздной лѣни коротали свой досугъ,
И любовались синими волнами,
Смотрѣли вдаль морской равнины,
Желая сѣсть на домъ пловучій,
Чтобы оставить позади кровавыя картины,
Не видѣть горькихъ слезъ богатырей могучихъ.

Въ тѣ дни, когда флагъ Атаманскій
Къ позорной казни бросилъ казаковъ,
Ты далъ мнѣ полкъ отважный Партизанскій
И съ нимъ велѣлъ блюсти традиціи дѣдовъ.
Ты вспомни, кажется, вѣдь вмѣстѣ мы
На сверхъ-дредноутѣ державы иностранной
Поплыли въ Крымъ, считая, что должны
Еще потѣшиться въ отвагѣ бранной...

Потомъ, въ Крыму, подъ натискомъ врага,
Грузились мы на флотъ, ища спасенья,

Вадимъ Соломахинъ
Казакъ станицы Некрасовской
(сынъ настоящаго Начальника Походнаго Штаба Полковника Соломахина)

И вмѣстѣ же съ тобой покинули родные берега
Надежду утерявъ въ освобожденье...
А тамъ Лемносъ — пустынный и холодный.
Тюрьмы для вольныхъ казаковъ,
Свирѣпый тифъ, могилы, карантинъ голодный
И цѣпи рабскія враговъ...

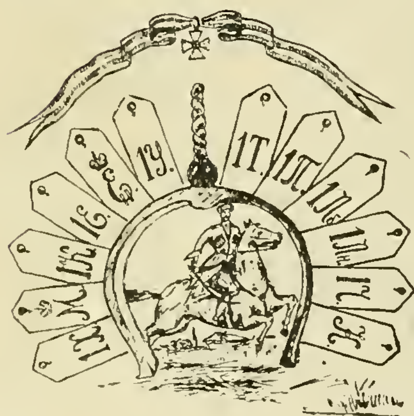
Послѣдній разъ мы видѣлись во Враньѣ.
Гдѣ штабъ Кубанскій находился:
Ты въ вишетѣ тамъ примѣнялъ свое старанье
И честно для Казачества трудился.
Ты окруженъ былъ ядомъ лжи коварной.
Забывъ семью, отстаивалъ казачью Раду.

Но лишь плевки авантюристовъ съ популярностью базарной
Служили для тебя единственной наградой.

Въ годину новыхъ испытаній
На полѣ брани встрѣтимся съ тобой, мой другъ.
Тогда, въ дни радостныхъ страданій
Въ бояхъ исцѣлимъ свой недугъ.
Опять блеснемъ мы шашками стальными.
За Родину, за честь, за славу Казаковъ.
Кубань прославимъ пѣснями лихими.
Съ неволи вырвемъ братьевъ и отцовъ.

Полковникъ С. Макѣевъ

Лабинцы и послѣдніе дни на Кубани

Съ боями продѣлавъ весь путь въ сѣдлѣ отъ самаго Воронежа — въ январѣ мѣсяцѣ 1920 года, въ свой отдѣлъ, въ станицу Невынномыскую — прибыли короткіе остатки 1-го и 2-го Хоперскихъ полковъ и приступили къ новому формированію. Сдавъ эти кадры командиру бригады, полковнику Бочарову — я занялся своимъ 2-ымъ Хоперскимъ полкомъ. Командиромъ 1-го Хоперскаго полка былъ назначенъ старшій Хоперецъ, полковникъ Соломахинъ, бывшій командиръ 2-го Партизанскаго Коннаго полка и нынѣшній Начальникъ походнаго штаба.

Доблестно-удалые, первые, испытанные и сыновьи - преданные соратники знаменитаго Шкуро, соратники его первыхъ начинаній казачьяго освободительнаго движенія, отважно-храбрые и стойкіе въ бояхъ гиковые Хоперцы — они, надорванные долгою безсмѣнною борьбою съ краснымъ сѣверомъ, въ теченіи коей, выставляя отъ своего маленькаго Баталпашинскаго отдѣла одной лишь конницы цѣлую дивизію — (2 Хоперскихъ и 2 Партизанскихъ полка, составлявшіе 1-ую Кавказскую Казачью дивизію) — Хоперцы, уставшіе, обезсиленные, надорванные и буквально обезкровленные — они распылились по своимъ станицамъ и туго шли въ Невынномысскую, въ свои полки Хоперскіе...

Въ это время, 2-ой Кубанскій Конный корпусъ Генерала Науменко — настоящаго Войскового Атамана (2-я и 4-я Кубанскія Казачьи дивизіи, генераловъ — Фостикова и Коснинова), многочисленный, хорошо экипированный и реорганизованный на Войсковой территоріи — выступилъ на фронтъ, на Манычъ. Ввиду такихъ рѣзко разностныхъ положеній — тяжело было сидѣть въ тылу, безъ дѣла. Я запросилъ Генерала Науменко о своемъ желаніи перевестись во 2-ой корпусъ, получилъ согласіе, и спѣшно выѣхалъ къ нему, на фронтъ.

4-го и 5-го февраля, я былъ въ пути. Стояли жестокіе морозы при глубочайшемъ снѣгѣ, съ холодными восточными вѣтрами. Изъ Торговой, навстрѣчу мнѣ, слѣдовали цѣлыя группы конныхъ казаковъ, закутанные въ бурки и башлыки. То все были пожилые и уже больные казаки, которые, по своему возрасту, плохо переносили походную и боевую жизнь въ такую злую стужу.

6-го февраля, прибывъ въ село Ивановка Ставропольской губерніи — я представился Генералу Науменко и въ тотъ же день назначенъ былъ командиромъ 1-го Лабинскаго полка. Это былъ самый стойкій и многочисленный полкъ тогда во всемъ корпусѣ. Въ немъ было 550 шашекъ, 8 пулеметовъ и полкъ былъ съ достаточнымъ офицерскимъ составомъ. Но, — корпусъ уже отступалъ, какъ отступалъ и весь фронтъ. Среди старшихъ военачальниковъ замѣтна была растерянность. Твердъ и отваженъ оставался генералъ Фостиковъ и своею 2-ю дивизіею — опредѣлялъ боевую стойкость корпуса.

На границѣ Кубанской области произошелъ неудачный для насъ конный бой всего корпуса съ конницею противника. Въ немъ мы потеряли даже часть своихъ пушекъ. Пулею былъ раненъ доблестный Фостиковъ и эвакуировался, а 2-ю дивизію принялъ командиръ 1-го Кубанскаго полка, полковникъ А. И. Кравченко. Весь корпусъ, оторвавшись отъ противника прошелъ уже родныя Кубанскія станицы — Успенскую, Ильинскую, Дмитріевскую и, въ среднихъ числахъ февраля мѣсяца — вошелъ въ станицу Кавказскую и сталъ по квартирамъ. Здѣсь пришлось быть свидѣтелемъ отвратительныхъ сценокъ: казаки-обыватели не пускали къ себѣ на квартиры строевыхъ казаковъ... Душа казака-селянина скупилась клочкомъ сѣна и уютомъ своей просторной хаты, своему же брату казаку... Послѣдній же, «бравъ съ боя» все то же въ крестьянскихъ селахъ — здѣсь былъ скроменъ, тихъ, пассивенъ... и, стоя у воротъ — ждалъ активнаго вмѣшательства своихъ офицеровъ...

Къ этому времени, въ Кавказской, сосредоточились и остатки пластуновъ, разбитыхъ подъ селомъ Бѣлоглинскимъ, гдѣ былъ отрѣзанъ, захваченъ въ поѣздѣ и зарубленъ красной конницей, командиръ Кубанскаго пластунскаго корпуса, генералъ Крыжановскій.

Сплошь неудачные бои и внѣдреніе противника на Войсковую территорію — деморализующе отразилось на настроеніе частей войскъ. Потеря «духа» и наличіе возможности сопротивленія — обрисовывалось въ полкахъ ярко, тяжко. Но на корпусѣ лежала задача — сохраненіе за собою важнаго желѣзнодорожнаго узла, коимъ была станція Кавказская (хуторъ Романовскій) Владикавказской желѣзной дороги.

Жестоко пострадавшіе въ 18-омъ году отъ краснаго террора послѣ своего всеобщаго возстанія, когда мужественно - зрѣлыхъ казаковъ большевики разстрѣливали въ ихъ же станицахъ цѣлыми сотнями — Лабинская бригада, въ себѣ замкнувшись, на удивленіе и впротивовѣсъ другимъ частямъ — стоически держалась. Въ нее, въ Кавказскую — прибыло даже пополненіе бородатыхъ казаковъ. Естественно, что на нее, на Лабинскую бригаду, имѣлъ опору и весь корпусъ и самъ Генералъ Науменко.

Не погнулись доблестные Лабинцы и тогда, въ ту тяжкую жестокую и послѣднюю годину своего казачьяго бытія, жертвенно и до-конца отстаивая каждую пядь земли своей Казачьей Войсковой территоріи...

О нихъ я и скажу ниже.

Итакъ, весь 2-й Кубанскій Конный корпусъ занималъ станицу Кавказскую.

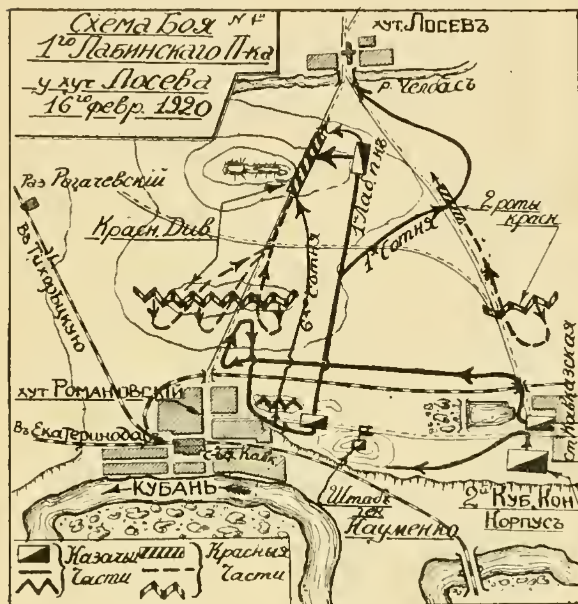
16-го февраля, утромъ, предъ разсвѣтомъ, неожиданнымъ налетомъ, красные захватили станцію Кавказскую, одновременно произведя демонстрацію на станицу Кавказскую, лежащую въ 7-ми верстахъ, восточнѣе первой.

По тревогѣ, въ ночной темнотѣ, корпусъ спѣшно сосредоточился у западной окраины станицы. Обстановка оставалась невыясненной Незамедлительно, 1-й Лабинскій полкъ былъ выдвинутъ впередъ, къ х. Романовскому (станція Кавказская). Перейдя у станицы желѣзнодорожное полотно Кавказская - Ставрополь и подойдя къ нему съ сѣверо-востока и на переѣздѣ, отъ будочника, узнавъ, что красные, съ захваченными плѣнными, ужъ отошли по направленію х. Лосева — Лабинскій полкъ, по шляху, бросился вслѣдъ, на выручку. Уже свѣтало, но спустившійся густой туманъ былъ хуже ночи. Въ какой-нибудь верстѣ отъ будки, неожиданно и въ упоръ — полкъ былъ обданъ жестокимъ огнемъ красныхъ. По кучности огня опредѣлилась замѣтная сила противника. Въ ту-же минуту 8 пулеметовъ доблестнаго есаула Сапунова, взявъ цѣль «на огонь» — жарнули въ отвѣтъ также густо... Подъ ихъ прикрытіемъ, подбирая раненыхъ и что-бы не разорваться — держась въ туманѣ чувствомъ стремени — резервною колонною, спокойно, шагомъ, — полкъ перевалилъ обратно желѣзно-дорожное полотно и сосредоточился въ ближайшей ложбинѣ, занявъ шестою сотнею хорунжаго Меремьянова (сплошь казаки и офицеры станицы Константиновской) впереди лежащіе бугры. По сосѣдству, на высокомъ шпилевомъ курганѣ (на — «пикетѣ»), неожиданно оказался и штабъ корпуса, отошедшій сюда съ остальными частями. Спустя около часа — дохнулъ восточный вѣтерокъ и какъ рукою смахнулъ туманъ. И намъ представилась неожиданная картина: красные свернулись и стали отходить. Командиръ корпуса, не упуская и минуты — бросаетъ вновь Лабинцевъ вслѣдъ.

Резервною колонною, широкой нервной рысью, переваливъ «бугры» и «полотно», вразрѣзъ шляха и безъ дорогъ — полкъ ринулся вдогонку. Хорунжій Меремьяновъ съ 6-ю сотней, самъ снялся и бросился по шляху, по пятамъ противника.

У казаковъ красть не повелося (и казнимъ чужихъ за это)

Вправо, двѣ роты красныхъ съ пулеметами, демонстрировавшiе на станицу — также уже отступали къ Лосеву. На нихъ была сразу же брошена 1-я сотня есаула Бобряшева. Остальныя четыре сотни крупно рысили молча, въ «кулакѣ». Послѣ многихъ неудачъ, словно застоявшiйся скакунъ — Лабинцы кучно шли, горя желаньемъ мести и отпора... Недопустивъ до Лосева, Бобряшевъ, сокрушающимъ налетомъ, плѣнилъ полностью эти двѣ роты и дикой скачкою, уже у самой переправы черезъ р. Челбасы — настигъ и захватилъ и шесть ихъ пулеметовъ, не давъ уйти за рѣку и ни одной душѣ противника...

Тяжелый сапъ и фырканье коней — ужъ говорили объ ихъ усталости и «выдыханiи». По веснѣ растворившiйся Кубанскiй черноземъ — былъ слишкомъ вязокъ... По немъ, не ослабѣвая торопливаго аллюра — полкъ прошелъ ужъ 10 верстъ. Но нужно было торопиться, торопиться и еще... Нельзя было пустить противника въ Лосевъ, гдѣ его, черезъ единственную узкую и топкую греблю — ужъ не достать потомъ. Два ихъ орудiя, взявъ «въ вилку» полкъ издалека — тревожили его кроваво. Но вотъ Лабинцы выдвинулись изъ-за переката, а изъ сосѣдняго отрога, въ «полъ-гонъ» — большая темная продолговатая кишка... То грузно выползала колонна ихъ пѣхоты — съ пулеметами, съ подводами, которую мы не видя въ параллельномъ своемъ движенiи — удачно и чуть-чуть опередили. Отъ неожиданности такъ близкой встрѣчи — полкъ спружинился... встряхнулся... Вязкая казачья пахатная нива — нисколько не благопрiятствовала молнiеносности коннаго «удара». Мигъ, всего лишь мигъ, и — въ двухъ-шереножномъ строю, и какъ стая голодныхъ волковъ — рванулся съ гикомъ полкъ на нихъ, охватывая съ фланговъ... И безъ команды мелькнули шашки въ воздухѣ и «заходили» по крупамъ взмыленныхъ коней... Пронеслось съ визгомъ два-три снопа пуль межъ казаками... свалилось нѣсколько коней и сѣдоковъ... еще моментъ... мигъ... и, сотни «врѣзались» въ пѣхоту красную... Все сразу, какъ-то, жутко стихло... То «захлеснулся» полкъ атакой и... кончилъ бой... Сотни винтовокъ ужъ валялись по полю вязкому... десятка три подводъ замерли стоя... Толпы красноармейцевъ «согнались» въ кучу... а кругомъ, на разгоряченныхъ взмыленныхъ и фыркающихся коняхъ — задорные гиковые Лабинцы...

Вдали виднѣлись улепетывавшiе верхами до десятка комиссаровъ, бросившихъ своихъ солдатъ въ бою... Съ ними успѣли уйти и пушки ихъ.

Неожиданно подскакалъ Науменко со штабомъ, какъ оказалось, слѣдовавшiй все время за полкомъ. Взволнованный и радостный — суетъ онъ въ руку мнѣ кулекъ Георгiевскихъ крестовъ для сотенъ... благодаритъ Лабинцевъ, наспѣхъ бросаетъ вновь впередъ занять и Лосевъ, а самъ, съ цѣлою дивизiею плѣнныхъ — возвращается въ Кавказскую. То была 34-я стрѣлковая дивизiя. Съ нею былъ захваченъ и начальникъ дивизiи со штабомъ, — латышъ по роду и русскiй капитанъ Генеральнаго штаба (фамилiя забыта, начинается на А.).

12 пулеметовъ здѣсь и 6 отъ налета 1-й сотни — были цѣнною добычею этого боя и оставлены въ полку для его нуждъ. А въ х. Лосевѣ, отъ жителей узнали, что рано утромъ красные провезли много раненыхъ и убитыхъ. То былъ удачный плодъ работы пулеметовъ есаула Сапунова.

20-го февраля, 2-й Кубанскiй Конный корпусъ, развивая движенiе, занялъ станицу Дмитрiевскую (въ 25-ти верстахъ сѣвернѣе Кавказской). За неудачный конный маневръ этого дня, гдѣ 20 пулеметовъ 1-го Лабинскаго полка едва остановили неудержимый потокъ къ намъ въ тылъ трехъ полковъ красной конницы и этимъ спасли положенiе — полковникъ Кравченко былъ отозванъ и выѣхалъ въ отпускъ, а въ командованiе 2-й дивизiей, Генераломъ Науменко, былъ назначенъ — пишущiй эти строки.

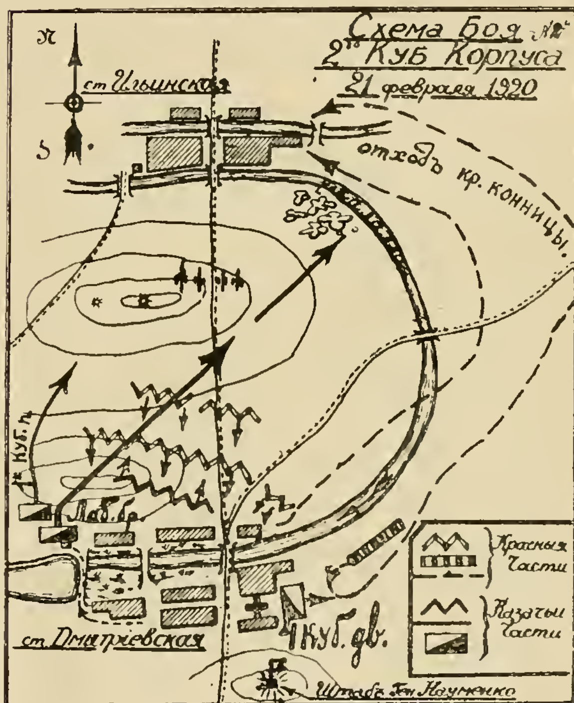
На второй день, 21-го февраля, на разсвѣтѣ, красные перешли въ наступленiе на станицу Дмитрiевскую, со стороны Ильинской, отстоящей отъ нея въ 7-ми верстахъ на сѣверъ. По диспозицiи, въ случаѣ тревоги, 2-я дивизiя, перейдя греблю — сосредотачивается у сѣверо-западной окраины станицы, а 4-я — у сѣверо-восточной.

Наступленіе красныхъ застало насъ врасплохъ. Наше охраненіе и развѣдка обнаружили ихъ очень поздно. По тревогѣ, наметомъ и въ одинъ-конь — дивизія спѣшно проходитъ узкую полуразрушенную греблю и сосредотачивается (см. схема № 2): Лабинская бригада, какъ самая реальная сила (800 шашекъ) тутъ же, въ ложбинѣ, впереди гребли. 1-й Кубанскій полкъ (100 шашекъ) разбросанъ былъ еще съ вечера въ охраненіе и на развѣдку. 2-й Кубанскій и 3-й Линейный (120 шашекъ) полки, спѣшенными сотнями заняли пригорки передъ станицею вправо. Боевая обстановка была невыяснена. Выскочивъ на одно изъ ближайшихъ возвышеній что-бы осмотрѣться — я напоролся на двѣ густыя цѣпи красныхъ, спѣшно наступавшихъ на станицу. Межъ ними — до двухъ десятковъ пулеметныхъ линеекъ. Конница же ихъ (до 1.200 шашекъ), на широкихъ рысяхъ, по высокому правому берегу рѣченки Калалы, спѣшила обогнуть Дмитріевскую съ востока. Голова ея уже приближалась къ околицѣ. Она, видимо, запоздала своимъ «обходомъ» передъ пѣхотою и потому, замѣтно торопилась, растянувшись по дорогѣ. Пѣхота же ихъ наступала стройно, твердо. Лѣвый ея флангъ уже входилъ въ станицу. Тамъ, правѣе насъ, баталіонъ желто-погонныхъ Кавказскихъ гренадеръ, схвативъ своихъ-же офицеровъ — передали на сторону врага, оголивъ нашъ флангъ. Четыре ихъ орудія, занявъ укрытую позицію невдалекѣ — прямымъ настильнымъ огнемъ — сметали ужъ Кубанцевъ и Линейцевъ. 1-я Кубанская дивизія полковника Хоранова, занявъ фронтъ восточнѣе Дмитріевской — ждала приближающуюся конницу красныхъ. Командиръ корпуса, Генералъ Науменко со штабомъ — выспился на большомъ курганѣ, что южнѣе Дмитріевской. Ему, картина боя, видна была какъ на ладони. По положенію сторонъ — красные могли ужъ торжествовать успѣхъ. Вся обстановка была не въ нашу пользу. Мы, просто, были застигнуты врасплохъ и заняли свои мѣста по буквѣ диспозиціи. Кубанцы и Линейцы ужъ отступали. 800 шашекъ скученныхъ Лабинцевъ — красные не видѣли въ ложбинѣ. Моментъ былъ опасный, критическій и дорогой... Позади непроходимая болотистая рѣчка и переправа въ одинъ-конь...

«Пройдя рѣку — сожги мосты предъ боемъ» — говоритъ древняя мудрость — «что-бы никто не оглядывался-бъ назадъ...»

Огорошенный — свалился я съ пригорка, схватилъ Лабинскую бригаду и съ головнымъ роднымъ и дорогимъ ужъ мнѣ 1-мъ Лабинскимъ полкомъ — рванулъ впередъ... 2-й Лабинскій полкъ полковника Кротова (терца), густою массою, сорвался такъ-же и, не отставая ни на шагъ — шелъ тутъ-же непосредственно, уступомъ влѣво. Штабъ дивизіи въ 30 всадниковъ, былъ межъ полками на уровнѣ перваго. Въ такомъ скученномъ строю, Лабинская бригада, таинственно и дерзко появилась молча на пригоркѣ и сразу-же обрушилась въ упоръ на красныхъ...

Кучная стройная молчаливая масса конницы, 15 развивающихся цвѣтныхъ значковъ съ бѣлыми конскими хвостами и затѣмъ массовый рывокъ все при томъ-же страшномъ гробовомъ молчаніи всадниковъ — обезкуражилъ красныхъ. Цѣпи остановились, дали 2-3 залпа и, повернувшись — также стройно, спѣшно стали отходить назадъ.

Красивъ и благодатенъ нашъ Кубанскій черноземъ для хлѣбороба, но тогда... тогда, въ тотъ роковой моментъ атаки — его я проклиналъ безжалостно...

Рысь, только тягучую нудную рысь, могли намъ дать тогда наши благородные кони, утопая въ прошлогодней осенней пахотѣ со щеткою... А цѣпи красныхъ спѣшно отходили и отходили, видимо, и не думая сдаваться. И какихъ-нибудь 100 - 500 шаговъ насъ раздѣлявшихъ — казались, непреодолимыми... Лошади изнемогали... Боязнь, что полки не дойдутъ «до шашки», выдохнутся и остановятся — щемило душу... Красные понимали это и торопились, видимо, занять слѣдующій позади пригорокъ и на немъ «залечь». И какъ послѣднимъ дорогимъ резервомъ — бросаю въ массу — «въ карьеръ!» ...«ура-а-а..!» и,

красивой — бѣлой полосою на мигъ сверкнувшія сотни обнаженныхъ шашекъ — заходили по трупамъ изнемогающихъ коней... Что-то похожее на крылатый «паметъ» — обозначалось въ колоннахъ... И вотъ — ближе - ближе... ближе и еще... передовая цѣпь красныхъ, въ смятеніи, давъ и еще одинъ, другой по насъ «спасательный» свой залпъ — «сломалась» и побѣжала вбезпорядкѣ на утекъ... Это, словно, прибавило прыти нашимъ лошадямъ... и передніе изъ нихъ — уже вломились и разстроили ее... Вторая цѣпь красныхъ остановилась и жестоко жарнула по казакамъ и по своимъ... 1-й Лабинскій полкъ, разрозненный уже кровавыми потерями и изнемогающій въ грязи — головными взводами дошелъ таки и врѣзался и во вторую цѣпь ихъ ужъ на второмъ пригоркѣ... А пулеметы красныхъ — во всю прыть скакали внизъ подъ горку, спасяся къ Ильинской.

2-й Лабинскій полкъ, мощный и не разстроенный, приближался лѣвѣе ровно, готовый мигомъ ринуться на помощь. А въ это время, 1-й Кубанскій полкъ, съ отважнымъ войсковымъ старшиною С. Ѳ. Сердюкомъ — уже маячилъ предъ станицей влѣво. 2-й Кубанскій и Линейный — самостоятельно продвигались вправо, за отходящею пѣхотою. Все поле боя кишѣло плѣнными и казаками. 1-й Лабинскій, послѣ схватки разрозненный, на сигналъ штабъ - трубача Диденко — устало собирался къ своимъ разметаннымъ значкамъ. Казаки подбирали убитыхъ и раненыхъ своихъ, сгоняли плѣнныхъ, складывали винтовки въ кучи. А въ это время, «прискакалъ» ординарецъ отъ генер. Науменко съ письменнымъ приказаніемъ — «въ виду критическаго положенія — немедленно дать (ему) одну бригаду въ резервъ». То, оказалось, запоздалое приказаніе, посланное до боя. Вмѣсто бригады казаковъ — командиру корпуса послана была цѣлая бригада плѣнныхъ. Пушки же ихъ и пулеметы — успѣли уйти. Ушла и одна ихъ лѣвофланговая рота съ «нашими гренадерами», сумѣвшая перебраться черезъ рѣченку по рыхлому весеннему льду. Конница же красныхъ, со своего высокаго берега, видя гибель своей пѣхоты — не дойдя до цѣпи, повернула и далеко огибая свой путь къ востоку — стала отходить къ Ильинской.

Чтобы преградить ей путь отхода — Лабинская бригада гнѣвной крупной рысью, по уклону, двинулась на перерѣзъ ей, къ загибу Калалы, что у лѣска (см. схему № 2), но эту плѣсничвую поганенькую рѣченку съ рыхлымъ весеннимъ льдомъ осилить переправой не смогли — завязла и остановилась въ пролѣскѣ...

Красные безпрепятственно вновь заняли Ильинскую. Въ этомъ бою 1-й Лабинскій полкъ понесъ большой уронъ и порѣдѣлъ до 25% своего состава. Даже и въ штабѣ дивизіи былъ раненъ одинъ офицеръ, а начальникъ штаба ея, — добрый и престарѣлый генеральнаго штаба генералъ - лейтенантъ баронъ Аристофенъ — благодарилъ и восторгался, что ему довелось хоть разъ и первый разъ въ жизни, ощущать такъ близко «запахъ» смерти въ настоящей конной атакѣ, въ которой — «душа уходитъ въ пятки...»

Въ ней онъ утерялъ даже свою фуражку...

24-го февраля мы неожиданно сдали Дмитріевскую, а 25-го, въ весенній яркій, томящій своею мягкой теплотою, день, — 2-я Кубанская дивизія, до самой поздней ночи, сдерживала красныхъ, не давая имъ переправиться черезъ р. Челбасы у х. Лосева. 1-й Лабинскій полкъ, въ этотъ день, своимъ упорнымъ арьергарднымъ боемъ въ пѣшемъ строю, и еще разъ проявилъ свою благородную доблесть, понеся при этомъ жестокія потери. Убитъ былъ пулеметчикъ хорунжій Меремьяновъ 2-й и исковерканъ шрапнельнымъ разрывомъ командиръ 6-й сотни хорунжій Меремьяновъ 1-й. Наканунѣ, подъ Дмитріевской, убитъ былъ командиръ 1- й сотни, лихой и разумный есаулъ Минай Петровичъ Бобрышевъ. За эти всѣ бои, однихъ казаковъ изъ полка убыло до 100 человѣкъ убитыми и ранеными, а офицеровъ — убито 2 и ранено — 6.

Коннымъ же составомъ полкъ порѣдѣлъ еще болѣе чувствительно.

На ночь, дивизія отошла въ х. Романовскій, куда отошла и 1-я дивизія со штабомъ корпуса изъ станицы Кавказской, а рано утромъ 26-го, красные надавили на насъ съ сѣвера, а весь корпусъ, не принимая боя, — спокойно вытянулся по дорогѣ на станицу Казанскую. Но красные медлили вступать въ х. Романовскій. Корпусъ поднялся на высокое плато предъ хуторомъ и отсюда 2-я дивизія была выдвинута къ разъѣзду Рогачевскому (въ направленіи ст. Тихорѣцкой). Нашъ бронепоѣздъ, вышедшій изъ Кавказской туда - же — въ лощинѣ нащупалъ конницу красныхъ и, удачнымъ огнемъ своихъ пушекъ, спугнувъ ее съ мѣста — отбросилъ отъ желѣзно - дорожнаго полотна. 2-я дивизія не выдержала и густою резервною колоною полковъ въ одну линію — бросилась преслѣдовать ее. 2-хъ годовалая «убитая» толока, съ высокимъ сухимъ бурьяномъ, просохшая уже земля, теплое весеннее казачье утро съ мягкимъ ласкающимъ вѣтеркомъ и мощный хоръ трубачей 1-го Лабинскаго полка, остановившійся на пригоркѣ и воинственно - взрыдавшій всѣми своими тридцатью духовыми инструментами вздымающій «карьеръ» — все это вмѣстѣ взятое —

на что оно могло толкнуть душу даже и не храбреца въ ту минуту...?!

Дивизія явно шла въ тылъ всѣмъ краснымъ войскамъ, облегшимъ х. Романовскій. Конница красныхъ, выйдя изъ сферы досягаемости пушекъ нашего бронепоѣзда и круто повернувъ налѣво — всею своею массою, широкимъ аллюромъ обрушилась на казаковъ. 6 пулеметовъ «Люиса» 1-го Кубанскаго полка, на карьерѣ выскочивъ впередъ — жарнули молодецки по отважно приближающейся конницѣ красныхъ. По командѣ, полки повернули взводы вѣеромъ въ стороны и открывъ «окно» 20-ти пулеметамъ 1-го Лабинскаго полка — дали возможность и еще разъ потѣшиться испытаннымъ пулеметчикамъ. Жестокій мѣткій огонь по скученной массѣ конницы — разстроилъ ее... И тутъ — полки были брошены на нее уже во всю свою лошадиную прыть... Красные не выдержали, повернули и... все слилось въ головокружительную скачку по полю Кавказскихъ казаковъ, полю широкому и раздольному...

Казаки вогнали красныхъ въ «пахоту». Извиваясь змѣею по еще непаханнымъ участкамъ, длинною зигзагообразною лентою распластались въ спасающемся жестокомъ карьерѣ красные, настигаемые казаками, перемѣшавшихся всѣхъ полковъ дивизіи. Четыре красныхъ пулемета, отхваченныхъ уже казаками, — немилосердно строчили по своимъ же. Группы казаковъ верхами стояли возлѣ нихъ и угрожающе приказывали плѣнникамъ цѣлиться лучше по своимъ же... Вдругъ, со стороны станицы Кавказской, изъ балки, межъ длиннѣйшихъ облегающихъ станицу цѣпей — показалась свѣжая конная группа красныхъ. Трубачъ при мнѣ Диденко сталъ трубить «сборъ».

Такой пріятный, теплящe - растворяющій день выпалъ, что казаки, разбросавшись по полю, видимо и не думали собираться къ своимъ разметавшимся значкамъ. Послѣ головокружительной скачки, наспѣхъ ввязавъ полушубки въ торока, — разгоряченные, безпечно и сладостно, мелкими группами маячили они вездѣ, словно стараясь въ послѣдній разъ и во всю свою молодецкую грудь надышаться и насладиться свѣжимъ теплымъ весеннимъ воздухомъ, на своемъ казачьемъ полѣ — въ послѣдній разъ, въ послѣднюю свою конную удалую атаку и, внѣ строя, внѣ словъ «команды»... А тутъ еще жаворонокъ, словно надъ мирнымъ пахаремъ, взвившись въ воздухѣ и остановившись «на мертвой точкѣ» — такъ соблазнительно пѣлъ и переливался и щебеталъ надъ казаками...

Ну куда жъ тамъ было казакамъ до строя..!

Неожиданно прискакалъ ординарецъ отъ генерала Науменко, наблюдавшаго всю эту картину съ одного изъ высокихъ Казанскихъ кургановъ, длиннымъ рядомъ раскинувшихся надъ высокимъ обрывистымъ правымъ берегомъ родной Кубани...

2-й дивизіи приказано свернуться и отойти въ Казанскую, выставивъ охраненіе у желѣзнодорожнаго полотна.

Да... драться, пожалуй, было уже и безполезно. За нами оставалась только лѣвобережная Кубань - отчизна... И что «это» было по сравненію со всею территоріей и населеніемъ необъятной Россіи...

И эта борзая атака, какъ оказалось, была послѣднею атакою 2-й Кубанской дивизіи и доблестно - удалыхъ стойкихъ Лабинцевъ.

На слѣдующій день, 27-го февраля, прибылъ въ Казанскую командарм Кубанскаго Войска генералъ Улагай.

Словно въ знакъ заслуженной благодарности — командиръ корпуса, генералъ Науменко почетный встрѣчный караулъ къ Улагаю — приказалъ выставить отъ 1-го Лабинскаго полка. И замерли они на перронѣ станціи Милованово, встрѣтивъ его, своего перваго начальника дивизіи еще со Ставрополя. А онъ, всегда замкнутый въ себя и скупой на похвалы, — рѣзко пронизываетъ почетный караулъ: — «Вѣрные и благородные Лабинцы! Вашу кровь и стойкость — не забудетъ Кубань..!» И штабъ корпуса съ генераломъ Науменко и штабъ дивизіи — взявъ подъ козырекъ — затаянно слушали рѣдкія - рѣзкія похвалы замкнутаго и храбрѣйшаго въ Кубанскомъ Войскѣ — черкеса - рыцаря. То было лучшею и самою цѣнною наградою 1-му Лабинскому полку за его боевую доблесть и пролитую кровь...

А на утро — красные вновь назойливо насѣли и корпусъ, по тревогѣ, вытянулся ужъ къ станицѣ Тифлисской... Прощай родныя степи и всѣ тѣ долгія милыя мѣста...

На полъ - пути между Казанской и Тифлисской — корпусъ остановился, свернутъ былъ въ резервную колону, всѣ строевые начальники были вызваны къ штабу корпуса, на высокій курганъ, коихъ такъ много по этому, столь знакомому и родному высокому правому берегу Кубани. Здѣсь генералъ Науменко доложилъ всѣмъ, что «мы идемъ въ Грузію, гдѣ Кубанская армія будетъ реорганизована. Казаки вольны итти туда съ команднымъ составомъ иль оставаться въ станицахъ. Притѣсненій имъ ни въ чемъ не чинить.»

При затаенномъ молчаніи полки выслушали эти слова отъ своихъ командировъ и... также молчаливо, всѣ они родные казаки, послѣдовали за ними — въ невѣдомую даль...

Заночевали и продневали уже въ станицѣ

Тифлисскій и 2-го марта корпусъ вошелъ въ станицу Ладожскую, на которую красные наступали съ сѣвера. Ладожская оказалась послѣднею станицею для корпуса, правобережной Кубани - Матери. Подъ давленіемъ красныхъ — корпусъ, по захудалому бревенчатому и танцующему своимъ легкимъ досчатымъ пастиломъ, станичному мосту, въ колонѣ, по три — спѣшно переходилъ за - Кубань. 1-ый Лабинскій полкъ вновь отходилъ послѣднимъ, задерживая красныхъ, экономя время для переправы корпусу, а затѣмъ, снявшись съ позицій, — на рысяхъ прошелъ станицу и спустился подъ гору. Красные махнули вслѣдъ. Но мостъ еще не былъ свободенъ. Изъ станицы донесся плачъ женщинъ. Бурливо залаяли собаки по дворамъ, почуявъ, видимо, непрошенныхъ гостей... Съ высокой кручи красные жарнули изъ ружей по нашимъ хвостамъ. Науменко, бывшій со своимъ штабомъ у моста еще на правомъ берегу — спѣшно указалъ Лабинцамъ бродъ. Полкъ вошелъ кучно въ воду и, вмѣсто броду — поплылъ... И въ послѣдній разъ Кубань родная, буквально обняла въ свои пышныя многоводныя и раздольныя воды — своихъ родныхъ сыновъ — удалой 1-й Лабинскій полкъ — въ послѣдній разъ...

Въ станицѣ Ново - Лабинской, вновь Лабинцы держали фронтъ на лѣвомъ низкомъ берегу своей Лабы и разстрѣливаемые шрапнелью красныхъ съ ихъ высокаго праваго берега — вновь жестоко лили кровь. И на главномъ своемъ участкѣ, у взорваннаго моста, одинъ изъ взводовъ даже не смогъ подобрать тѣло убитаго своего же брата-казака и сметаемые огнемъ красныхъ — разрозненнымъ строемъ отошли изъ смертной зоны...

Вотъ прошли и аулъ черкесовъ, крестьянское село Царскій Даръ, Филипповы хутора... Прошли по мосту и бурную холодную рѣку Бѣлую... И еще разъ съ лѣваго берега рѣки Бѣлой позабавились пулеметы отважно - доблестнаго есаула Сапунова по передовымъ группамъ, красной конницы, устремившейся къ мосту... Подъ ихъ стремительностью къ переправѣ, казакъ - саперъ взялъ подрывные провода въ контактъ... Клубъ дыма, щепокъ и воды взвился въ высь... Мостъ рухнулъ. Прощай и Закубанская равнина...

Къ ночи корпусъ вошелъ въ лѣсистое предгорьѣ и на ночь расположился въ 1-й горной Кубанской станицѣ - Бжедуховской. А на утро, громоздкой 2-й Кубанскій конный корпусъ, донскія части, Кубанскіе пластуны съ генераломъ Залѣсскимъ, выстроившись у восточной околицы станицы и съ повышеннаго плато, — еще разъ и въ послѣдній разъ взглянули въ синеву родныхъ полей Кубанскихъ и... двинулись дальше въ горы...

Прощай, Кубань...

. . . .

Прощай...

. . . .

А вотъ и послѣдняя пядь родной земли Кубанской — Гойтскій перевалъ. Весь день, буквально весь день, черезъ перевалъ шелъ 1-й Донской (Мамонтовскій) конный корпусъ. Это были настоящіе сермяжные степные рыцари. На рослыхъ, еще не изъѣзженныхъ коняхъ, всѣ въ сѣрыхъ однообразныхъ шинеляхъ, рослые, чубатые, бородатые Донцы шли и шли... И сколько ихъ тутъ было..? Это была масса, сила, но сила ужъ надорванная. Прошла и многочисленная Черкесская конная дивизія. Ея начальникъ дивизіи, генералъ Султанъ - Келечъ - Гирей, на росломъ темно - гнѣдомъ выхоленномъ англо - дончакѣ, окруженный цѣлою сотнею почетныхъ пожилыхъ черкесовъ съ сѣдыми и крашеными бородами, вооруженными съ ногъ до головы, съ винтовками, опущенными дулами внизъ, со священной бережливостью конвоирующихъ своего вождя — прослѣдовалъ гордо, молчаливо, къ Туапсе...

Чтобы закрыть доступъ красно - зеленымъ со стороны Горячаго Ключа — 1-й Лабинскій полкъ — отъ горы Индюкъ — былъ выдвинутъ черезъ новый перевалъ у Лысой горы и, пройдя по сказочно - таинственной лѣсной дорогѣ межъ амфиладой склонившихся дубовъ — съ боемъ занялъ село Садовое. Здѣсь, 1-я сотня есаула Щепетного захватила одинъ пулеметъ Люиса и были убиты на - повалъ — мл. офицеръ 6-й сотни сотникъ Веприцкій и одинъ казакъ той - же сотни. То были послѣднія трофеи и послѣднія потери полка.

У станціи Кривеньковской, Туапсинской желѣзной дороги, 2-я дивизія, задержавшаяся слишкомъ долго въ своемъ арьергардномъ бою и неожиданно обстрѣлянная зелеными съ фланга, по резерву — отходила на село Георгіевское. Но здѣсь предательски и въ упоръ, въ лобъ, была встрѣчена огнемъ зеленыхъ и окруженная съ трехъ сторонъ — безъ дорогъ проломившись полѣсу и ущельямъ — на другой день вышла къ морю. Въ этой передрягѣ замѣтно пострадалъ 2-й Лабинскій полкъ.

И настали въ горахъ тяжкіе, нудные и голодные дни для всей Кубанской Арміи, отошедшей сюда безо - всякаго плана и подготовки и безъ всякихъ запасовъ питанія, фуража и огневыхъ припасовъ. И если упомянуть, что когда войска вошли въ предгорье — зелеными была

«оккупирована» вся Черноморская губернія съ городами Туапсе и Сочи — то этому отсутствію плана — показатель яркій. И чтобы расчистить путь для отступающей арміи — брошенъ былъ съ авангардомъ самъ генералъ Шкуро, смѣло и удачно выполнившій эту задачу.

Людямъ «мамалыга» и лошадямъ — вѣтви деревьевъ да будылья прошлогодней кукурузы — были главными достояніями ѣды. Десятки тысячъ войскъ и бѣженцевъ буквально съѣли и опустошили все, что было тамъ тогда, на и безъ того бѣдномъ Черноморскомъ побережьи...

Трупы павшихъ казачьихъ лошадей и калмыцкаго бураго скота, разбитыя ихъ широкозадыя, неуклюжія повозки съ разною домашнею утварью, казачьи мажары, линейки, и... трупы трупы и безъ конца трупы павшихъ отъ безкормицы, завязшихъ, утонувшихъ и задохшихся въ грязи лошадей, буквально на 10 - 20 шаговъ другъ отъ друга каждый — былъ устлавъ тотъ нашъ тернистый уходящій путь къ морю, къ спасенію... Спустившаяся весенняя оттепель, растворивъ трупы — немилосердно отравляла воздухъ, грозя эпидемическою гибелью всему живущему тамъ тогда... Въ поискахъ корма для лошадей — безжалостно рубили казаки своими шашками красочныя породы тепловыхъ южныхъ растеній и деревьевъ, оставляя только ненужные для себя кочерыжки ихъ стволовъ, безобразя этимъ видъ пышныхъ благородныхъ аллей и нарядныхъ роскошныхъ дачъ...

Все катилось внизъ, катилось и разрушало все на своемъ пути, толкаемое чувствомъ безжалостнаго голода... «Голодъ не тетка» и «горе побѣжденнымъ» — познавалось тогда всѣми и на дѣлѣ.

Въ апрѣлѣ 2-я и 3-я Кубанскія дивизіи слились вмѣстѣ. Въ знакъ уваженія къ генералу Улагаю, къ его 2-й былой дивизіи — сведенныя дивизіи назвали — «2-ю Кубанскою дивизіей» и въ командованіе ею вступилъ старшій въ чинѣ, знаменитый генералъ Бабіевъ. Я вернулся въ свой полкъ. И невольно мелькнула мысль у казаковъ о новыхъ возможностяхъ движенія впередъ, на Кубань, съ доблестнымъ Бабіемъ, но... прошли недѣли и нѣтъ Кубанскаго строевого генералитета — Улагай, Шкуро, Науменко, Бабіевъ, по требованію Атамана Букретова, должны были спѣшно выѣхать въ Крымъ, оставивъ свои части на берегу.

Мраченъ былъ Бабіевъ тогда, въ тотъ день отъѣзда изъ своей дивизіи, отъ своихъ долгихъ испытанныхъ соратниковъ. Какъ-то не думалось, и не вязалось въ головѣ, что онъ уѣдетъ «молча»... За обѣдомъ — онъ не проронилъ ни слова... Мрачный, замкнутый, затянутый въ коричневую дачковую «бікирку», при всемъ оружіи и въ папахѣ — сидѣлъ онъ за столомъ и почти ничего не ѣлъ... Весь «штабъ» его и всѣ присутствующіе — молчали также. Никто не смѣлъ нарушить біенія его души — геройской, властной...

Прощаясь также молча, расцѣловавшись — онъ также мрачно, глухо, коротко бросилъ мнѣ: «Прими дивизію...»

Уѣхала «душа», нервъ, мысль, примѣръ, ореолъ храбрости и дерзновенія, идеалъ бойца, струна зовущая и обаяніе строевого офицера и казака и... словно темная ночь спустилася надъ нами неожиданно и... средь бѣла дня... Стало тяжко, сумно, жутко на душѣ...

Прошли еще недѣли и вдругъ прошелъ слухъ «мира» по войскамъ. Никто конечно и не вѣрилъ и не мечталъ объ этомъ. Пароходовъ, пароходовъ ждали лишь, иль «Грузію», что слышали о ней подъ станицею Тифлисской... Но — оказался фактъ. — Капитуляція придвинулась къ казакамъ вплотную...

Уставшіе морально, надорванные физически, потерявшіе семьи и свое добро, — истомленные голодомъ, разрухою и невѣдѣніемъ завтрашняго дня — погнулась подъ этимъ бременемъ и казачья душенька...

Оставленная «тамъ», за переваломъ, семья большая и долгимъ трудомъ нажитое хозяйство, сады тѣнистые и вольготная его станица, друзья и родичи и нива долгая родная, въ чемъ заключалась вся жизнь и промыселъ земледѣльца-казака и пьяняще - отравляющая душу, манящая въ западню свою обѣщанія красныхъ — дать полную возможность трудиться всѣмъ на своей землѣ — все это вмѣстѣ взятое — поколебали неиспорченную душу, по - дѣтски довѣрчиваго, патріархальнаго и неискушеннаго казачества... Свинцовыми думами приковала эта мысль его безхитростную головушку, разстроила и поколебала больную душу и смертельнымъ ядомъ втиснула страшную тяжкую мысль — «остаться...»

Да и туда, «въ Крымъ изъ Батума по шоссе», — какъ кто - то не умно подшутилъ надъ казаками — нѣтъ зова твердаго вѣскаго опредѣленнаго и рѣшительнаго... Да и звать - то было некому: долгіе испытанные строевые Кубанскіе генералы убраны... Рада въ распыленіи молчитъ... Войсковой Атаманъ Букретовъ грассируетъ въ политикѣ... Полки, дивизіи, — оставленные большею частью на плечи молодымъ и доблестнымъ штабъ-офицерамъ, привыкшимъ только повиноваться, да еще безъ денегъ, патроновъ, фуража и хлѣба — что они могли дать своимъ частямъ тогда?!.

Все перешло «на подножный кормъ» въ прямомъ и переносномъ значеніи этого слова. Все

Не казакъ, такъ и не Атаманъ

обратилось въ слухъ... Всѣ ждали чего - то и откуда - то...

«Предусмотрительные» же — ночью и тайкомъ отъ казаковъ уѣзжали въ сторону возможнаго спасенія...

Крымъ молчалъ, словно о казакахъ тамъ и забыли, иль... иль можетъ быть дѣйствительно «все кончено?!.» — такъ думалось тогда еще...

Невѣдѣніе завтрашняго дня, безпомощность и развернувшаяся такъ неожиданно и жутко пропасть надъ казачествомъ — огорошило его, растворило и смяло его волю... Какая - то темная невѣдомая завѣса спускалася надъ нимъ, давила разумъ...

Конецъ... конецъ... конецъ — стучался всюду и во всемъ...

Капитуляція Арміи въ штабѣ Войскъ была предрѣшена заранѣе руководителями и методично проводилась въ исполненіе. Весь «строй» былъ и безсиленъ измѣнить событія и былъ поставленъ лицомъ съ совершившимся фактомъ...

. . . .

. . . .

И словно наглядным упрекомъ бороздила глазъ Лабинская бригада въ 2.700 шашекъ, выстроенная въ послѣдній разъ съ оружіемъ по узкому лѣсистому въ валунахъ ущелью у городка Адлера, ушедшая сюда со своими офицерами...

Гладкое спокойное Черное море тутъ - же рядомъ, въ тотъ теплый южный апрѣльскій день — ничего не обѣщало... И сколько вдаль хваталъ глазъ и сколько не искалъ онъ имъ чего - то тамъ, въ морской дали — синяя лазурь мягкихъ волнъ и... больше ничего не было видно кругомъ... Ни пароходнаго дымка на горизонтѣ, ни рыбачьей лодки... Словно все умерло кругомъ и до казаковъ никому не было дѣла...

И нахлобучивъ отъ горя и обиды папахи на глаза — молча, грузно двинулись полки назадъ, къ Сочи, куда прошло ужъ много - много другихъ частей оставленной на берегу молодой Кубанской Арміи, чтобы до дна испить чашу всѣхъ страданій...

. . . .

. . . .

Оба командира обоихъ Лабинскихъ полковъ — остались съ казаками...

. . . .

. . . .

Такъ прошло назадъ, къ врагу, 34.000 Кубанскихъ казаковъ, почти сплошь конницы...

То было въ послѣднихъ числахъ апрѣля мѣсяца 1920-го года.

И... перевернулась и еще одна незабываемая страница въ Исторіи Кубанскаго Казачества...

Полковникъ Елисѣевъ

КАЗАЧЬЯ ПѢСНЯ

Ужь ты, поле мое, поле чистое,
Ты раздолье мое, степь широкая,
Ничего, ты поле, не породило,
Породила лишь степь, кустъ ракитовый,
Какъ подъ тѣмъ - ли кустомъ, лежитъ бурочка.

А на бурочкѣ — молодой казакъ,
На груди у него — заслуженный крестъ,
А въ груди его — рана смертная,
Въ головахъ у него — боевое сѣдло,
А въ ногахъ у него — его вѣрный конь.

И въ послѣдній свой часъ передъ смертію,
Молитъ - проситъ казакъ, лошадь добрую:
«Ужь ты, конь, ты мой конь,
Конь, — товарищъ лихой,
Ты скачи, ты лети,

Въ родну сторону,
Не давайся, мой конь, непріятелю,
А бѣжи что есть силъ, къ моему отцу,
Къ родному - батюшкѣ, къ родной матушкѣ,
Къ молодой женѣ, къ дорогой сестрѣ.

Ты скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ:
Насъ сосватала — шашка острая,
Уложила спать — пуля мѣткая!»

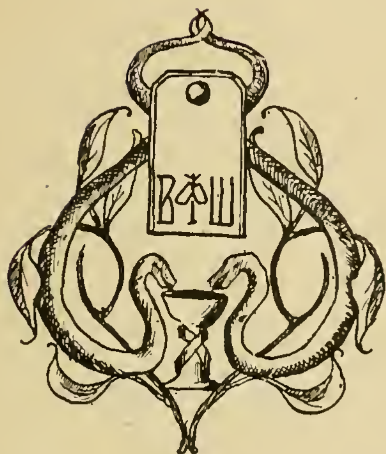
Записалъ по памяти Старый Кубанскій казакъ,
Ген.-М. В. Г. Толстовъ

Родился казакомъ — горе подъ ноги

Екатеринодарская

ВОЕННО-ФЕЛЬДШЕРСКАЯ ШКОЛА

(Воспоминанія)

Чѣмъ кончится бушующая вотъ уже 14 лѣтъ въ Россіи большевистская буря, — трудно предсказать. Когда, кѣмъ, въ какомъ видѣ и формѣ, въ какихъ предѣлахъ будетъ возстановлена Россія, — неизвѣстно.

Еще болѣе гадательны и неопредѣленны судьбы русскаго казачества.

Есть оптимисты, которые вѣрятъ, что казачество будетъ жить и процвѣтать, какъ и раньше.

Но есть не мало среди казаковъ и пессимистовъ, которые думаютъ, что казачество окончательно и навсегда отошло въ исторію, что оно не возродится никогда.

Если послѣднее мнѣніе имѣетъ хоть малую долю вѣроятія, то мы, оставшіеся въ живыхъ, казаки, такъ сказать, послѣдніе могикане казачества, обязаны всѣми силами и возможностями позаботиться о томъ, чтобы наше потомство и будущіе историки хорошо знали славное прошлое казачества, какъ въ отношеніи его боевыхъ заслугъ передъ Россіей, такъ и — его культурныхъ достиженій.

Поэтому, мнѣ кажется, весьма полезны были-бы теперь всякія воспоминанія, даже краткія и отрывочныя, всякія замѣтки, — помимо военныхъ подвиговъ, — также и о разныхъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ въ казачьихъ Войскахъ, а именно: о народномъ образованіи (школы начальныя и среднія, общеобразовательныя и спеціальныя), о народномъ здравіи (больницы, пріемные покои, станичные врачи и фельдшера), объ общественно - хозяйственныхъ предпріятіяхъ (коневодство, племенное скотоводство, запашки), о кредитныхъ учрежденіяхъ и кооперативахъ, о порядкѣ снаряженія на службу молодыхъ казаковъ и проч. и проч.

Изъ большого числа такихъ воспоминаній и замѣтокъ выявилась бы яркая картина культурная жизнь казаковъ: картина, которая съ очевидностью показала бы, что своеобразный укладъ казачьей жизни велъ къ большимъ культурнымъ достиженіямъ; что этотъ укладъ, случайно прерванный нахлынувшимъ на Россію большевизмомъ, былъ вполнѣ жизненъ; что казачество имѣло законнѣйшее право на свое существованіе и что упраздненіе казачества, какъ таковаго, было бы грубой и непоправимой исторической ошибкой.

Прежде всего я долженъ оговориться, что мои «воспоминанія» о Екатеринодар. военно-фельдшерской школѣ будутъ не полны и отрывочны. Это вполнѣ понятно, ибо, съ одной стороны, нельзя помнить во всѣхъ подробностяхъ о томъ, что было больше 30 лѣтъ тому назадъ; съ другой — здѣсь, въ бѣженствѣ, я лишенъ возможности пользоваться какими-либо документами или пособіями. Приходится полагаться только на свою память.

Помню я Ек. в.-ф. школу съ 1893 г. Въ этомъ году я получилъ мѣсто младшаго ординатора въ Екатеринодарской войсковой больницѣ и сталъ преподавать въ Школѣ нѣкоторые спеціальные предметы. Состоялъ преподавателемъ я четыре года, но близкаго касанія къ школѣ не имѣлъ, а потому съ внутренней жизнью Школы этого періода я не знакомъ. Осенью 1897 г. я уѣхалъ въ командировку на два года въ Петербургъ и возвратился въ 1899 году уже въ качествѣ инспектора классовъ Ек. в.-ф. Школы (назначеніе это я получилъ лѣтомъ этого года). Въ должности инспектора я пробылъ до 1911 г., прослуживъ въ Школѣ 12 лѣтъ. Этого періода (1899—1911) и касаются главнымъ образомъ мои воспоминанія.

Уже давно Кубанское Войско ощущало нужду въ хорошо подготовленныхъ фельдшерахъ. но какъ и всѣ вопросы въ былыя времена, вопросъ о Школѣ подвигался медленно. Думаю. что Турецкая война 1877—1878 г.. во время которой не могли не обнаружиться всѣ недостатки отсутствія подготовленныхъ фельдшеровъ для обслуживанія большого количества раненыхъ. подвинула этотъ вопросъ къ скорѣйшему разрѣшенію. По крайней мѣрѣ «Положеніе объ учрежденіи въ г. Екатеринодарѣ военно - фельдшерской школы вышло вскорѣ послѣ войны, — въ 1879 г.

Дѣйствительно. нужда въ фельдшерахъ уже тогда была весьма ощутительна. Кубанское Войско имѣло восемь больницъ. для которыхъ нужно было 20—25 фельдшеровъ. Затѣмъ для 10 полковъ, 4 пластунскихъ баталіоновъ и 5 артиллерійскихъ батарей — 30—35 фельдшеровъ.

Впослѣдствіи съ учрежденіемъ (1888 г.) въ Области 7 отдѣловъ съ двумя штатными фельдшерами въ каждомъ, съ увеличеніемъ воинскихъ частей (полковъ и пластунскихъ баліоновъ), съ учрежденіемъ въ нѣсколькихъ станицахъ пріемныхъ покоевъ. съ расширеніемъ существовавшихъ и открытіемъ новыхъ лѣчебныхъ заведеній, — число штатныхъ фельдшерскихъ должностей значительно возросло (больше 100). такъ что Екатеринодарская Школа едва-едва удовлетворяла всѣмъ нуждамъ Войска.

Школа была открыта въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія (точно года не помню) съ 4-хъ годичнымъ курсомъ. Помѣщалась она (все время своего существованія) въ Войсковомъ зданіи вблизи Екатеринодарской Войсковой больницѣ. въ которой происходили подъ руководствомъ врачей практическія занятія учениковъ выпускного (4-го) класса.

Школа была разсчитана на 60 воспитанниковъ — войсковыхъ стипендіатовъ; изъ этого числа 15 было стипендій Терскаго Войска. Такъ какъ классныя помѣщенія допускали большее количество учащихся, то принимались и своекоштные (приходящіе) ученики ,благодаря чему число учащихся въ Школѣ доходило до 100 и больше.

Войсковые воспитанники жили въ пансіонѣ при Школѣ, а своекошные — на частныхъ квартирахъ.

Форма обмундированія для учениковъ была обще-войсковая (черкеска, красный бешметъ. папаха). Придерживаться строго формы было трудно (въ матеріальномъ отношеніи) для своекоштныхъ учениковъ. почему разрѣшалось посѣщать школу въ однихъ бешметахъ, рубахахъ-гимнастеркахъ и т. п.

Такое обмундированіе учениковъ существовало до 1898 года. когда была введена общая форма военно - фельдшерскихъ школъ.

Штатъ служащихъ Школы былъ небольшой; онъ состоялъ изъ Начальника Школы (штабъ-офицеръ Куб. В.). одного преподавателя общеобразовательныхъ предметовъ (съ образованіемъ не ниже средняго) и двухъ воспитателей. Обязанности Инспектора классовъ по уставу возлагались на одного изъ служащихъ въ г. Екатеринодарѣ военныхъ врачей.

По положенію въ Школу принимались мальчики 13—15 лѣтъ (въ 1-й классъ); на войсковой счетъ — дѣти лицъ войскового сословія. а приходящими — и не войскового. Замѣчу здѣсь-же. что ученики не войскового сословія были рѣдкимъ исключеніемъ. Всѣ поступавшіе подвергались вступительнымъ экзаменамъ по Закону Божію. русскому языку и арифметикѣ. Требованія для поступленія въ Школу по Уставу были не особенно велики (напр. по русскому яз. требовалось прочитать и разсказать прочитанное и правильно списать съ книги); но благодаря большому количеству желающихъ (на 20—25 вакансій являлось къ экзаменамъ 100 и больше мальчиковъ) приходилось принимать по конкурсу и требованія къ поступающимъ предъявлялись большія, чѣмъ полагалось по Уставу. Такое отступленіе отъ Устава не выгодно было для экзаменовавшихся, но за то оно искупалось возможностью выбирать лучше подготовленныхъ, болѣе развитыхъ кандидатовъ, благодаря чему прохожденіе ими курса значительно облегчалось. Впрочемъ. для круглыхъ сиротъ примѣнялись возможныя послабленія и для нихъ требованія предъявлялись въ предѣлахъ Устава. Но, какъ потомъ оказывалось. такіе, принятые съ «послабленіемъ», ученики были наиболѣе слабыми по успѣхамъ и для нѣкоторыхъ прохожденіе курса было просто не подъ силу. Впослѣдствіи (въ 900-хъ годахъ), когда почти въ каждой станицѣ были двухклассныя училища, всѣ поступавшіе были отлично подготовлены и выдерживали экзамены. Теперь принимались въ первую очередь сироты и полусироты, а затѣмъ выбирались по конкурсу наилучшіе.

Первымъ Начальникомъ Школы былъ полковникъ И. А. Бабченко (бывшій уѣздный начальникъ Кавказскаго уѣзда), но онъ былъ въ этой должности недолго. Былъ-ли еще кто Начальникомъ до полковника Я. А. Калери — не знаю.

Первымъ Инспекторомъ классовъ былъ тогдашній главный врачъ Екатеринодарской войсковой больницы докторъ Вейрихъ (нѣмецъ): онъ служилъ въ этой должности до 1887 (или 1888) года.

Полковникъ Яковъ Афанасьевичъ Калери со-

стоялъ Начальникомъ Школы довольно продолжительное время, до смерти, послѣдовавшей въ 1898 году. Объ этомъ начальникѣ я ничего не могу сказать, такъ какъ близкаго касанія къ Школѣ не имѣлъ, хотя и состоялъ преподавателемъ въ его время втеченіе четырехъ лѣтъ. Общее впечатлѣніе объ этомъ времени у меня осталось таково, что «атмосфера» въ Школѣ была оффиціальная, казенная: особое вниманіе обращалось на дисциплину и поддержаніе престижа начальства. Помню, были нерѣдкія тренія между Начальникомъ съ одной стороны и Инспекторомъ и преподавателями съ другой по несущественнымъ причинамъ (недостаточное почтеніе или игнорированіе начальства).

Въ 1888 году Инспекторомъ Школы былъ назначенъ старшій врачъ Екатеринодарскаго отдѣла Федоръ Максимовичъ Шанько (казакъ). Онъ прослужилъ Инспекторомъ почти 10 лѣтъ. Это былъ очень добрый и сердечный человѣкъ, но довольно стойкій и съ характеромъ.

Въ 1898 году Начальникъ Школы (Я. А. Калери) скоропостижно скончался, а Инспекторъ классовъ (Ф. М. Шанько) получилъ высшее назначеніе. Школа внезапно оказалась и безъ Начальника, и безъ Инспектора. Наказный Атаманъ Я. Д. Малама поручилъ временно исполнять обѣ должности помощнику Областного врача Владиміру Степановичу Клименко (не казакъ), который исполнялъ обѣ должности втеченіе почти года. Этотъ энергичный и талантливый администраторъ за короткое время сумѣлъ ввести существенныя улучшенія въ Школѣ, какъ въ отношеніи хозяйства, такъ и въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ. Онъ прежде всего обратилъ вниманіе на тяжелое положеніе своекоштныхъ учениковъ, которыхъ было около 40 человѣкъ. Они жили на окраинахъ города (гдѣ дешевле квартиры), опаздывали изъ-за дальности разстоянія на уроки, питались неизвѣстно какъ, вращались въ средѣ недостаточно надежной въ воспитательномъ отношеніи. Для улучшенія ихъ жизни В. С. Клименко выхлопоталъ у Войскового начальства пустовавшій на территоріи больницы баракъ (прежній Запорожскій курень) и устроилъ тамъ общежитіе для 40 приходящихъ воспитанниковъ. Кормились теперь они вмѣстѣ съ пансіонерами и жизнь ихъ уже ничѣмъ не отличалась отъ войсковыхъ. Родители приходящихъ учениковъ охотно платили Школѣ опредѣленную сумму, взамѣнъ хлопотъ и расходовъ по найму квартиръ, обмундированію, покупкѣ учебниковъ и проч. Для упрощенія обмундированія по представленію д-ра Клименко было разрѣшено измѣнить форму и ввести общую для военно-фельдшерскихъ школъ, а именно: рубаха-гимнастерка (зимой суконная, лѣтомъ — легкая) съ погонами, кожаный поясъ, сѣрая шинель съ погонами и фуражка. Такъ какъ обмундированіе строилось

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ — Докторъ-Медицины Степанъ Мефодіевичъ Мащенко — сынъ есаула Куб. Войска, родился въ ст. Динской (Екатер. Отд.) въ 1859 году 28-го ноября. Окончилъ Кубанскую Войсковую Гимназію въ г. Екатеринодарѣ въ 1882 г. и Императорскій Московскій Университетъ въ 1888 г., получивъ званіе врача. Какъ стипендіатъ подлежалъ обязательной службѣ въ своемъ Войскѣ и былъ назначенъ младшимъ врачемъ въ 1-й Кубанскій полкъ (Каракуртъ). Въ 1889 г. былъ переведенъ младшимъ врачемъ въ Лабинскій отдѣлъ. Въ 1893 г. былъ назначенъ на должность младшаго ординатора въ Екатеринодарскую Войсковую больницу. Для научнаго усовершенствованія былъ командированъ въ 1897 г. въ Императорскую Военно-Медицинскую Академію, гдѣ и получаетъ въ 1899 г. степень Доктора-Медицины и возвращается къ мѣсту службы въ Екатеринодаръ. Въ 1900 г. назначается старшимъ ординаторомъ психіатрическаго отдѣленія Екатеринодарской Войсковой больницы и одновременно (1899—1911) исполняетъ обязанность Инспектора классовъ Екатеринодарской военно-фельдшерской Школы и несетъ втеченіи 5 лѣтъ обязанность директора Войскового пріюта для дѣвицъ (1899—1904). Въ 1911 г. С. М. Мащенко назначается Главнымъ Врачемъ Екатеринодарской Войсковой больницы. Въ 1917 г. занимаетъ постъ Областного Врача Кубанскаго Войска. Нынѣ работаетъ врачемъ въ русской клиникѣ въ Парижѣ.
Имѣетъ награды: Св. Владиміра 3-й ст., Св. Анны 2 и 3-й ст., Св. Станислава 2 и 3-й ст., медаль на лентѣ ордена Бѣлаго Орла и др.

Школой одинаково для войсковыхъ и приходящихъ (за счетъ родителей послѣднихъ), то всѣ воспитанники теперь были одинаково одѣты и прежней разношерстности въ обмундированіи уже не было.

Лѣтомъ 1899 г. Начальникомъ Школы былъ назначенъ полковникъ (артиллеристъ) Александръ Георгіевичъ Чекаловъ, а на должность Инспектора классовъ — пишущій эти строки.

Въ силу сложившихся такимъ образомъ обстоятельствъ учебный 1899—1900 годъ начался при новомъ Начальникѣ и новомъ Инспекторѣ.

Выборъ Начальника оказался на рѣдкость удачнымъ: полковникъ А. Г. Чекаловъ былъ человѣкъ просвѣщенный, тактичный, безукоризненно честный, сердечный, добрый и въ то-же время послѣдовательный и требовательный; будучи очень скромнымъ, онъ не любилъ «вертется» передъ глазами начальства. Способствовало его продуктивной дѣятельности и то обстоятельство, что онъ былъ старымъ холостякомъ, почему все свое время, всѣ свои силы онъ отдавалъ на служеніе Школѣ. Хозяйственная часть Школы была поставлена имъ образцово. Питаніе, обмундированіе, вообще — все содержаніе учениковъ было улучшено: въ Школѣ его стараніемъ были произведены перестройки и расширеніе помѣщеній (была устроена баня, новая просторная столовая и др.). Благодаря этому, когда Войску понадобился баракъ школьнаго общежитія, приходящіе ученики были размѣщены вмѣстѣ съ пансіонерами въ помѣщеніи Школы.

Оставался Начальникомъ Школы А. Г. Чекаловъ до 1910 года, прослуживъ въ ней почти 11 лѣтъ. По выходѣ его въ отставку должность Начальника оставалась вакантной втеченіе всего 1910—1911 учебнаго года и мнѣ поручено было исполнять, оставаясь Инспекторомъ, и должность Начальника.

Дѣло съ назначеніемъ новаго Начальника затянулось почти на цѣлый годъ вслѣдствіе того, что на эту должность могъ быть назначенъ штабъ - офицеръ, а Наказный Атаманъ (М. П. Бабычъ) хотѣлъ назначить состоявшаго при немъ (для порученій») оберъ - офицера. Въ концѣ концовъ Атаманъ настоялъ на своемъ и въ 1911 году на должность Начальника былъ назначенъ есаулъ А. Д. Борзыкъ.

Въ этомъ же году я былъ назначенъ главнымъ врачемъ Екатеринодарской войсковой больницы и оставилъ Школу, сдавъ должность Инспектора д-ру Ф. К. Телятнику (не казакъ).

Вскорѣ (въ 1913 или 1914 г.) вышло новое положеніе о военно - фельдшерскихъ школахъ, по которому должности Начальника и Инспектора соединялись въ одну, при чемъ на эту должность долженъ быть назначаемъ врачъ.

Первымъ Начальникомъ-Инспекторомъ былъ назначенъ д-ръ Добатовкинъ (не казакъ), который оставался до революціи 1917 г. Съ наступленіемъ революціи Школа, какъ и многія другія заведенія и учрежденія Россіи, погрузилась въ хаосъ...

На должности штатнаго преподавателя Школы съ самаго ея основанія состоялъ Антонинъ Аркадьевичъ Апостоловъ, который прослужилъ болѣе 20 лѣтъ. Это былъ человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, весьма просвѣщенный, съ большой эрудиціей по Исторіи и Русской литературѣ, любившій свое дѣло; онъ принесъ большую пользу многимъ поколѣніямъ Школы. Преподавая русскій языкъ и исторію, онъ особенно заботился объ общемъ развитіи своихъ ъучениковъ и достигалъ въ этомъ отношеніи хорошихъ результатовъ.

Нельзя не вспомнить добрымъ словомъ и продолжительную (около 15 лѣтъ) службу въ должности штатнаго воспитателя (и преподавателя арифметики) сотника (а потомъ подъесаула) Михаила Васильевича Зеленскаго.

Въ послѣднее десятилѣтіе существованія Школы штатнымъ воспитателемъ былъ бывшій ея питомецъ сотникъ Кондратъ Павловичъ Мовчанъ. По окончаніи Школы и отбытіи обязательной службы въ должности фельдшера К. П. поступилъ въ юнкерское училище, успѣшно окончилъ его, получилъ званіе офицера, служилъ въ полку, а затѣмъ поступилъ воспитателемъ. Это былъ превосходный воспитатель и по личнымъ качествамъ и по подготовкѣ, такъ какъ самъ вышелъ изъ среды учениковъ той-же Школы.

Екатеринодарская военно - фельдшерская Школа вполнѣ удовлетворяла тѣмъ цѣлямъ, которыя были поставлены ей при ея основаніи. Она выпускала хорошо подготовленныхъ, дѣльныхъ, честныхъ работниковъ. Такая репутація ея установилась съ самаго начала и поддерживалась все время ея существованія. Школа всегда пользовалась какъ симпатіями населенія (число желающихъ поступить превышало въ 3, 4 и даже 5 разъ число вакансій), такъ и одобреніемъ начальства. Врачи больницъ и полковые съ большой похвалой отзывались о своихъ помощникахъ-фельдшерахъ Екатеринодарской Школы. Наши питомцы считались лучшими фельдшерами въ Кавказскомъ военномъ округѣ: такъ по крайней мѣрѣ отзывались о нашихъ фельдшерахъ Окружные Военно - Медицинскіе Инспектора при своихъ пріѣздахъ въ Екатеринодаръ. Я лично съ теплымъ чувствомъ любви и благодарности вспоминаю моихъ дорогихъ помощниковъ по организаціи и обслуживанію психіатрическаго отдѣленія Екатеринодарской войсковой больницы

фельдшеровъ: Федора Васильевича Кармазина и Матвѣя Григорьевича Овдіенко: благодаря ихъ самоотверженной, умѣлой помощи, мнѣ удалось организовать лучшее на Кавказѣ лѣчебное заведеніе для душевно - больныхъ. Съ тѣмъ же чувствомъ вспоминаю я и моихъ дорогихъ сослуживцевъ по врачебному отдѣленію, когда я былъ уже Областнымъ Врачемъ. Эти бывшіе питомцы Школы, уже въ качествѣ дѣлопроизводителей, удивительно были способны, трудолюбивы и исполнительны въ своей дѣятельности. Особенно цѣннымъ работникомъ былъ Семенъ Петровичъ Мельниковъ, благодаря трудолюбію и таланту котораго пріемные покои въ Области были организованы превосходно.

Если остановиться на выясненіи причинъ, благодаря которымъ Школа выпускала такихъ, выражаясь по современному, высококвалифицированныхъ работниковъ, то я считаю, что главной причиной было то обстоятельство, что при большомъ конкурсѣ Школа имѣла возможность выбирать кандидатовъ отлично подготовленныхъ. Такіе подготовленные ученики легко усваивали курсъ, а администрація Школы могла при такихъ слушателяхъ нѣсколько расширить программу преподаваемыхъ предметовъ.

Затѣмъ, благопріятно отражалось на Школѣ отсутствіе особаго попеченія, особой опеки со стороны высшаго начальства. Въ отношеніи учебно - воспитательной части, да и хозяйственной тоже, насъ не стѣсняли разными циркулярами и предписаніями. Ближайшимъ нашимъ начальствомъ было Врачебное отдѣленіе Кубанскаго Областного Правленія, которое, въ лицѣ главнымъ образомъ В. С. Клименко (который долгое время былъ Помощникомъ, а затѣмъ и Областнымъ Врачемъ), было всегда въ курсѣ дѣла и оказывало Школѣ полное довѣріе. Высшее же начальство (Кавказское Окружное и Главное военно - медицинское Управленія) считали Екатеринодарскую Школу чужой, у которой есть свой хозяинъ (Наказный Атаманъ) и не безпокоили насъ «своими заботами». Благодаря этому мы были свободны въ своихъ дѣйствіяхъ и поступали такъ, какъ находили лучше для дѣла. Такъ какъ штатныхъ преподавателей (кромѣ одного) въ Школѣ не было, а приглашались по вольному найму (за поурочную плату), и выборъ преподавателей былъ довольно большой (для общеобразовательныхъ предметовъ изъ педагоговъ средне - учебныхъ заведеній, а для спеціальныхъ — изъ большого числа врачей въ городѣ), то Школа имѣла возможность выбирать для преподаванія наиболѣе подходящихъ лицъ. Не стѣсняемые въ своихъ дѣйствіяхъ мы иногда существенно отступали отъ Устава, если такое отступленіе вело къ пользѣ. Такъ напр., когда складывалась благопріятная обстановка, мы вводили въ преподаваніе отдѣльные, не положенные по Уставу, предметы (зубныя бол., глазныя бол.), и упраздняли положенные (чистописаніе).

Если Школа давала отлично подготовленныхъ, знающихъ, развитыхъ фельдшеровъ, то странно, что въ свое время не подумали, какъ использовать въ дальнѣйшемъ этихъ отлично подготовленныхъ спеціалистовъ.

По отбытіи обязательной службы (втеченіе 5—6 лѣтъ) фельдшера увольнялись на льготу и возвращались въ свои станицы. Здѣсь они совершенно не находили примѣненія для своихъ знаній и опыта. Не оставаться же было имъ на должностяхъ общественныхъ станичныхъ фельдшеровъ, положеніе которыхъ было очень незавидное, а содержаніе — нищенское. Станичныя общества не особенно были щедры въ заботахъ о народномъ здоровьѣ: они назначали станичнымъ фельдшерамъ столь скудное вознагражденіе (были случаи, что платили фельдшеру 100—150 руб. въ годъ «на его лѣкарствахъ»), что даже сотенные фельдшера не особенно стремились на эти мѣста. Естественно, что школьные фельдшера, по окончаніи обязательной службы, оставляли свою профессію и бывшихъ питомцевъ Екатеринодарской в.-ф. Школы можно было встрѣтить на весьма разнообразныхъ поприщахъ дѣятельности. Много вышло изъ нихъ дѣльныхъ чиновниковъ - дѣлопроизводителей въ войсковыхъ учрежденіяхъ (Областномъ Правленіи, Отдѣлахъ, полкахъ) и участковыхъ начальниковъ; нѣкоторые поступали въ военныя школы и выходили офицерами; иные уходили въ народные учителя. Были случаи, что наши питомцы оканчивали высшія учебныя заведенія. Помню, какъ пріятно было мнѣ встрѣтиться съ бывшимъ моимъ питомцемъ (д-ромъ Даниловымъ) уже какъ съ коллегой - врачемъ. Помню еще какъ одного способнаго юношу (Раздольскаго), во время отбыванія обязательной службы въ Екатеринодарской войсковой больницѣ, сдавшаго при мѣстной гимназіи экзаменъ на аттестатъ зрѣлости, намъ удалось перевести на службу въ Петроградъ (фельдшеромъ въ Собственный Его Величества Конвой), гдѣ онъ, состоя на службѣ въ конвоѣ, поступилъ студентомъ въ Военно - Медицинскую Академію и успѣшно проходилъ въ ней курсъ наукъ. Съ большимъ удовольствіемъ и гордостью я читалъ его письмо, въ которомъ онъ писалъ мнѣ, между прочимъ, что онъ заканчиваетъ при кафедрѣ проф. Бехтерева (нервн. и душев. бол.) научную работу.

Нѣкоторые питомцы Школы достигали весьма видного положенія въ дѣловыхъ сферахъ и на общественной службѣ. Многіе знали уважа-

---

Двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать

емаго Александра Ивановича Литовкина, достигшаго, благодаря личнымъ своимъ способностямъ, виднаго положенія. Во время отбыванія службы въ Екатеринодарской войсковой больницѣ онъ прошелъ бухгалтерскіе курсы и по окончаніи службы поступилъ въ Екатеринодарское Общество взаимнаго кредита: здѣсь, въ сравнительно короткое время, онъ сталъ во главѣ этого учрежденія (былъ выбранъ Предсѣдателемъ Общества, т.-е. сталъ директоромъ банка) и игралъ видную роль въ финансово - дѣловыхъ сферахъ, а послѣ революціи и — видную политическую роль въ составѣ Кубанскаго правительства.

Яковъ Онисимовичъ Верещака былъ энергичнымъ и дѣльнымъ членомъ Екатеринодарской Городской Управы. Впослѣдствіи онъ и Яковъ Лаврентьевичъ Щупликъ (тоже питомецъ Школы) занимали видное положеніе (были министрами) въ Кубанскомъ правительствѣ.

Внутрення жизнь Школы въ мое время протекала мирно, спокойно. Режимъ при начальникѣ А. Г. Чекаловѣ былъ мягкій, хотя дисциплина соблюдалась въ предѣлахъ, требуемыхъ Уставомъ. Это достигалось какъ - то само - собой, безъ особыхъ усилій школьнаго начальства, такъ какъ поступавшіе въ Школу казачьи дѣти уже были достаточно дисциплинированы.

Воспрещалось и строго взыскивалось нами въ случаяхъ, когда большіе обижали маленькихъ или новичковъ. Письма учениковъ не перлюстрировались. Куреніе воспрещалось, но не преслѣдовалось (не было, какъ раньше, «изловленія» курильщиковъ, не было обысковъ съ цѣлью обнаруженія курительныхъ принадлежностей). Въ началѣ своей службы я, прекрасно понимая что борьба съ куреніемъ въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ — дѣло безнадежное, объявилъ ученикамъ, что имъ строго воспрещается курить въ классахъ, спальняхъ и другихъ помѣщеніяхъ, на улицахъ, — вообще на виду: въ укромныхъ же уголкахъ, чтобы ихъ никто не видалъ, — они могутъ курить сколько угодно ни преслѣдовать, ни наказывать за это ихъ никто не будетъ. При этомъ я указалъ имъ на вредъ отъ куренія для здоровья, особенно молодыхъ организмовъ. Впослѣдствіи мнѣ воспитатели говорили, что курящихъ учениковъ стало замѣтно меньше, чѣмъ было раньше.

Исключенія изъ Школы за дурное поведеніе были очень рѣдки и то за очень серьезные проступки (напр., повторное воровство).

Свободное время ученики проводили, по мимо игръ и движеній на воздухѣ, за чтеніемъ книгъ, для чего при Школѣ имѣлась довольно приличная библіотека со всѣми русскими классиками и нѣкоторыми иностранными. Одно время воспитателемъ - любителемъ (Н. Д. Юлинецъ) былъ организованъ очень недурной ученическій оркестръ балалаечниковъ.

Въ прежнее время прогулки по воскресеніямъ и праздникамъ были только общія, всей школой: воспитатели водили построенныхъ въ ряды учениковъ въ городской садъ, за Кубань и др. мѣста. При А. Г. Чекаловѣ-же практиковался введенный д-ромъ В. С. Клименко, порядокъ одиночнаго отпуска: послѣ церковной службы и завтрака воспитатель осматривалъ и отпускалъ въ одиночномъ порядкѣ всѣхъ желающихъ (кромѣ штрафованныхъ) — до 4—5 час. вечера. Такой порядокъ (полная свобода втеченіе нѣсколькихъ часовъ) воспитанники очень цѣнили, а учебно - воспитательный персоналъ имѣлъ въ немъ дѣйствительное средство воздѣйствія на учащихся. Дѣйствительно, оставленіе ученика на одно или два воскресенія безъ отпуска считалось чувствительнымъ наказаніемъ.

Находясь въ одиночномъ отпускѣ въ городѣ, воспитанники всегда вели себя хорошо и я не помню жалобъ или заявленій на дурные ихъ поступки. Даже заявленія на неотданіе чести офицерамъ были исключительны, и касались «малышей» (мальчикъ «зазѣвался»).

По воскресеніямъ и праздникамъ ученики посѣщали богослуженія въ сосѣдней Воскресенской (крѣпостной) церкви, священникъ которой состоялъ законоучителемъ Школы. На богослуженіяхъ пѣлъ ученическій хоръ, чередуясь по недѣлямъ съ хоромъ «пріютянокъ».

По близости со Школой находился Войсковой пріютъ для дѣвицъ (т. наз. «Шереметьевскій»). Пріютъ этотъ доставлялъ намъ первые годы моей службы много хлопотъ и непріятностей. Наши мальчишки, естественно, интересовались пріютянками: были шатанія мимо пріюта, заглядыванія въ окна, бросаніе «записочекъ» черезъ заборъ и т. п. По существу это пустяки. Но въ то время Начальницей Пріюта была вдова врача М. Л. Новицкая (не казачка), которая очень ревниво оберегала «нравственность» своихъ питомицъ и часто жаловалась на нашу Школу Наказному Атаману и его супругѣ (Попечительницѣ Пріюта) съ представленіемъ вещественныхъ доказательствъ въ видѣ записокъ (обычно невинныхъ) отъ нашихъ учениковъ къ пріютянкамъ. Бывшій тогда Наказнымъ Атаманомъ ген.-лейт. Яковъ Дмитріевичъ Малама прекрасно понималъ несостоятельцость жалобъ начальницы и не усматривалъ особаго креминала въ желаніи нашихъ мальчишекъ имѣть общеніе со своими станичницами. Поэтому онъ ограничивался тѣмъ что добродушно говорилъ мнѣ при докладахъ «сдѣлайте что нибудь, чтобы не было этихъ жалобъ».

Хоть на колъ — такъ соколъ (казнь)

Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ, пока не перемѣнилась Начальница пріюта. Новой Начальницей была назначена вдова казачьяго офицера Екатерина Николаевна Гайченко. Это была очень добрая, мягкая, сердечная женщина и очень дѣльная, тактичная начальница. Съ ней мы выработали иную тактику: она стала приглашать нашихъ учениковъ на «елки» и вечера, устраиваемые па праздникахъ въ пріютѣ, а мы приглашали на наши вечера пріютянокъ.

Нужно сказать, что въ Школѣ на Рождественскихъ праздникахъ устраивались ученическіе спектакли и танцевальные вечера. Спектакли ставилъ воспитатель М. В. Зеленскій (большой любитель и знатокъ театральнаго дѣла). Выбирались пьесы русскихъ классиковъ (Гоголь, Островскій). Спектакли проходили прекрасно и доставляли большое удовольствіе не только учащимся, но и старшимъ. Послѣ спектакля были танцы. Удивительно, какъ скоро наши мальчики научились танцевать не только старые, но и входившіе тогда въ моду новые (па-де-катръ, па-де патинеръ, коханочка и проч.). Наши ученики оказались вполнѣ галантными кавалерами и лихо плясали съ пріютянками. Такое - же оживленное веселіе было на «елкахъ» и вечерахъ въ пріютѣ, гдѣ наши ученики бывали гостями - кавалерами. На вечерахъ въ пріютѣ обыкновенно присутствовалъ Наказный Атаманъ съ атаманшей и высшее войсковое начальство (помощники Атамана, Начальникъ Войскового Штаба и др.). Они высказывали удивленіе и удовольствіе, видя приличіе, воспитанность, манеры, ловкость въ танцахъ нашихъ учениковъ, этихъ дѣтей простыхъ казаковъ. По воскресеніямъ и праздникамъ ученики могли посѣщать въ пріемные часы въ пріютѣ своихъ сестеръ, родственницъ или знакомыхъ станичницъ.

Теперь уже не было ни заглядыванiй въ окна, ни бросанія записокъ.

Такъ мирно и спокойно протекала жизнь Школы все время моей въ ней службы. Даже бурные 1905—1906 годы первой революціи не особенно возмутили нашу мирную жизнь. Правда, были митингованія учениковъ, забастовки («не ходить на уроки»), но они сколько - нибудь серьезныхъ послѣдствій не имѣли и 1905—1906 учебный годъ закончился вполнѣ благополучно. Благодаря такту и умѣнію Начальника Школы А. Г. Чекалова эти волненія въ непродолжительномъ времени безболѣзненно были ликвидированы. Вожакомъ и агитаторомъ среди учениковъ былъ въ то время ученикъ 3-го класса Тимошенко, за каковую его дѣятельность онъ и былъ исключенъ изъ Школы. Впослѣдствіи, во вторую революцію онъ появился на поверхности общественной жизни и былъ даже избранъ одно время Предсѣдателемъ Кубанской Рады.

Чтобы закончить свои воспоминанія, вспомню еще одного, печальной памяти, дѣятеля изъ питомцевъ нашей Школы. Это былъ Иванъ Лукичъ Сорокинъ, командиръ большевистскихъ отрядовъ въ борьбѣ съ генераломъ А. И. Деникинымъ.

Хорошо помню его ученикомъ: это былъ шустрый, подвижной мальчикъ, съ хорошими способностями, но не отличавшійся особымъ прилежаніемъ. Учился онъ удовлетворительно и поведенія былъ, хотя рѣзваго, но приличнаго. Еще тогда онъ отличался склонностью къ приключеніямъ, подвигамъ, авантюрамъ: за его воинственность товарищи прозвали его «Паномъ Володыевскимъ» (героймъ одного романа Генриха Сенкевича). По окончаніи Школы Сорокинъ отбывалъ дѣйствительную службу въ пластунскомъ баталіонѣ фельдшеромъ, ушедшимъ на Кавказскій фронтъ по объявленіи войны. Въ 1915 году Сорокинъ поступаетъ во 2-ю Тифлисскую школу прапорщиковъ, по окончаніи которой выходитъ въ 3-й Линейный полкъ. Здѣсь его застала революція. Оказывается, онъ былъ эсеромъ и, какъ большинство эсеровъ, принялъ дѣятельное участіе въ большевистскомъ движеніи. Я встрѣтился съ нимъ въ Екатеринодарѣ весною 1918 года, когда пришли «первые» большевики: онъ отнесся ко мнѣ съ почтеніемъ и черезъ него мнѣ удалось тогда предотвратить не одно злодѣяніе большевиковъ. Мнѣ казалось, что уже тогда онъ начиналъ понимать свою ошибку, всю гибельность своей дѣятельности для родного Войска. Поэтому, должно быть, онъ и старался заглушить свой душевный разладъ кутежами и попойками; однажды во время такой попойки онъ застрѣлилъ одного видного большевика. Въ Екатеринодарѣ онъ оставался не долго и ушелъ въ походъ противъ наступавшихъ добровольцевъ. Въ Ставрополѣ въ томъ - же 1918 году его убили большевики за его измѣну большевистскому дѣлу.

Было-бы очень желательно, чтобы бывшіе работники въ Школѣ и ея многочисленные питомцы своими замѣтками и воспоминаніями пополнили и исправили неточности этой моей статьи.

Д—ръ Медицины С. М. Мащенко

Рождественское письмо Кошевого Атамана Ивана Сірко

Далекое, возможно, невозвратное прошлое...

Теперь, — только съ мучительной болью переживаешь тѣ дни, дни Рождественскихъ святокъ, полныхъ безшабашнаго веселья; заглядываешь далеко въ прошлое, красивое, бытовое, традиціонное, — разрушенное вихремъ смуты. Какъ проводимъ мы теперь Рождество въ изгнаніи, знаетъ каждый изъ насъ, но уже далеко, далеко кажется то милое Рождество, праздновавшееся въ станицахъ на Кубани...

———

Уже за недѣлю до Рождества Христова начинаютъ «колоть кабанівъ»; то тамъ, то здѣсь раздается отчаянный крикъ животнаго, безъ котораго и праздникъ не праздникъ. Суета охватившая всѣхъ, отъ стариковъ до дѣтей включительно, говорила о приближеніи дня, въ который сошелъ на землю Тотъ, Который сказалъ: «Азъ есмь свѣтъ міру»...

Школьники «учатся Рожествувать», дівчата «колядувать», т.-е., и тѣ и другіе устраиваютъ спѣвки для того, чтобы болѣе стройнымъ и красивымъ пѣніемъ «Славить Христа».

Приближеніе Рождественскихъ святокъ замѣтно и въ общественной жизни станицы. По стародавнему казачьему обычаю, непосредственно послѣ Новаго Года, происходятъ перевыборы должностныхъ лицъ станицы. Кому не лестно было попасть въ атаманы станицы?..

Съ первыхъ же дней святокъ, кандидаты на общественныя должности, обычно «могоричили господъ стариковъ выборныхъ», или какъ ихъ иначе называли «гласныхъ».

На святкахъ же шли послѣднія приготовленія къ уходу на службу молодыхъ казаковъ. Послѣдніе смотры происходили на святкахъ. «Молодиці» *) старались какъ можно больше напечь бурсачекъ, пампушекъ, «крендлівъ и верченівъ». **) Много случаевъ, обычаевъ, традицій связано съ Рождествомъ, но хочется заглянуть въ далекое прошлое нашихъ предковъ, — Запорожцевъ и отмѣтить одинъ весьма интересный эпизодъ, который тоже связанъ съ Рождествомъ.

———

Славные «лицарі» низового войска Запорожскаго, зимнее время проводили въ Січи, особенно «сірома», не имѣвшая «ни роду, ни племени». Рождественскія святки проходили больше въ гульбѣ: это кандидаты въ старшины «могорычили сірому», или иначе называемую «голоту». Во время самаго могущественнаго расцвѣта Запорожскаго войска, въ Атаманство Ивана Сірко, турецкій султанъ, желая отомстить запорожцамъ за всѣ бѣды, которыя чинили казаки Турецкой Имперіи, онъ прислалъ хану Крымскому 15 тысячъ янычаръ, чтобы ханъ, совмѣстно со сво-

*) Молодиця — замужняя казачка.

**) Хворостъ.

ими войсками, напалъ на Січъ ночью, на первый день Рождества Христова и разрушилъ бы ее. Татары были прекрасно освѣдомлены о томъ, какъ безпечно, въ гульбѣ и весельи проводятъ Рождество Запорожцы. Казалось бы, что лучшаго случая и не нужно. Такъ и произошло: Ханъ вошелъ въ Січъ, когда подгулявшіе «лицарі» спали. Однако, запорожцы жестоко наказали смѣльчаковъ и, даже, мстя Крымскому хану, отправились въ Крымъ, нанеся царству Крымскому сокрушительный ударъ. Существуетъ гипотеза, что янычарамъ показалъ дорогу и провелъ ихъ къ Січъ родной сынъ Атамана Сірко. *) Нѣтъ возможности установить правильность этой гипотезы, такъ какъ историческіе документы ничего не говорятъ о семейномъ положеніи Атамана Сірко, но по народной «думі» у Сірко было два сына и объ этомъ въ «думі» такъ говорится:

...«У городі Мерефі жила удова
Старенька жона —
Сірчиха - Іваниха.
Вона сімь літ пробула,
Сірка Івана в очі ни бачила.
Жінка собі двох синів мала
Першого сына — Сірченко Петра
Другого сына — Сірченко Романа»...

Очень можетъ быть, что Н. В. Гоголь, своего героя, Тараса Бульбу и сыновей частично списалъ съ Атамана Сірко и его сыновей; возможно, что онъ пользовался не столько историческими данными, сколько народными преданіями, которыя въ то время были свѣжи, а измѣна Голевскаго Андрія (хотя и иного порядка, все же частично) могла быть списана съ сына Сірка, указавшаго дорогу янычарамъ въ Січъ. Это, конечно, при условіи, если допустить, что гипотеза эта вообще правильна...

Турція не могла простить Запорожцамъ уничтоженія нѣсколькихъ тысячъ янычаръ и въ 1680 году рѣшила предпринять, или по крайней мѣрѣ, распускала слухъ, что имѣетъ предпринять походъ на Запорожскую Січъ и разоритъ ее до основанія. *) Существуетъ преданіе (такъ по крайней мѣрѣ говорятъ всѣ русскіе и украинскіе источники), что султанъ Турецкій, прежде чѣмъ двинуться въ походъ на Запорожье, послалъ имъ ультиматумъ такого содержанія:

«Я султанъ, сынъ Магомета, братъ солнца и луны, внукъ и наслѣдникъ Божій, владѣлецъ царствъ: — Македонскаго, Вавилонскаго, Іерусалимскаго, Великаго и Малаго Египта, Царь надъ Царями, властелинъ надъ властелинами, необыкновенный рыцарь, никѣмъ непобѣдимый, неотступный хранитель гроба Іисуса Христа, попечитель самого Бога, надежда и утѣшеніе мусульманъ, смущеніе и великій защитникъ христіанъ, — повелѣваю Вамъ, запорожскіе казаки, сдаться мнѣ добровольно и безъ всякаго сопротивленія и меня вашими нападеніями не заставьте безпокоить».

Султанъ Турецкій Махмудъ IV.

На этотъ, сомнительный ультиматумъ, Запорожцы, яко-бы, отвѣтили султану такимъ письмомъ:

«Ты шайтан турецкий, проклятого чорта брат и товариш, и самого люцинпря секретарь! Який ты в чорта лицарь? Чортъ выкидае, а твое військо пожырае. Не будеш ты годен сынив христіанских пид собою маты: твого війска мы небоемось. Землею и водою будем биця с тобою. Вавылонский ты кухарь, Александрійский козолуп, Вылыкого й Малого Египта свынарь, армянска свыня, татарскій сагайдакъ, каминецкій кат, подолянскій злодіюка, самого гаспида внукъ, и всего свиту и подсвиту блазень, а нашего Бога дурень — кобыляча с......а, ризныцька собака, нехрещеный лобъ, хай бы взяв тебе чорт».

Отак тобі козаки видказалы плюгавче. Невгодень матери вирных христіан. Числа не знаем, бо календаря не маем. Мисяць у неби, год у книзи, а день такий у нас як и вас, поцилуй за те ось куды нас!..

Кошовый Атаман Іван Сірко, зо всим кошом Запорижским».

Конечно, такой отвѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, могъ составить какой-либо завзятый козарлюга, хотя бы тотъ же Сірко, но можно съ увѣренностью сказать, что врядъ ли такой отвѣтъ посылался, т. к. всѣ историческіе документы подтверждаютъ, что Запорожцы въ перепискѣ были всегда вѣжливы «і писали ни простою мовою, а дуже кучеряво».*)

Однако, дыму безъ огня не бываетъ. Нѣкоторые польскіе источники говорятъ, что Порта не разъ предостерегала Запорожье, похваляясь уничтожить Січъ до основанія. Одно изъ такихъ предупрежденій было послано казакамъ при Атаманѣ Сірко, какъ разъ къ Рождеству. Запорожье какъ разъ не имѣло въ виду вести войну съ Турціей, такъ какъ готовилось къ походу на Польшу, посему весьма корректно и дипломатично, на латинскомъ языкѣ, отвѣтило султану на его ультиматумъ, который, послѣ этого отвѣта, успокоился. Въ тѣхъ же справкахъ даже называется лицо, писавшее этотъ отвѣтъ: это бѣглый католическій прелатъ (полякъ), нашедшій себѣ убѣжище въ Запорожьи и принявшій православіе. «Голота», однако, не была довольна, что «с бусурманом так цяцкаюця» и предложила «товариству» редакцію письма, которое приведено выше, добавивъ «отаку йому анцихристові треба отповіць»...

Подъесаулъ Еф. Якименко

*) Смотри: «про що тырса шилистіла».
**) Эварницкій: Очерки по исторіи Запорожскихъ казаковъ.

ВЕЛИКОЕ ВОЙСКО КУБАНСКОЕ

(Очеркъ 1688 1872)

Когда свѣтило русской исторіи проф. Платоновъ выразился, что исторія казачества есть темное пятно въ общероссійской исторіи, онъ былъ совершенно правъ.

Къ нашему времени все старое, что писалось о казачествѣ, забыто, а въ головы казачества внедрялось все, что угодно, только не доподлинная исторія его предковъ.

И если казаки, а не только россійская интеллигенція ,такъ мало знали о Казачествѣ, входившемъ въ составъ россійскаго государства, то еще меньше, вѣрнѣе совсѣмъ почти ничего они не знали о Казачествѣ, которое изошло изъ россійскаго государства и строило свою вольную жизнь внѣ его предѣловъ.

Не знали еще и потому, что россійская историческая наука, слѣдуя лѣтописной традиціи, занималась изученіемъ исторіи только тѣхъ народовъ, которые находились подъ скипетромъ царя; другіе народы и даже родственные по крови и племени ее не интересовали, не интересовали еще и потому, что политическіе интересы россійской государственности были въ совершенномъ антагонизмѣ съ политическими интересами выходцевъ изъ россійской монархіи.

Вотъ почему до сихъ поръ не было никогда написано и издано ни одной книги, ни одного самостоятельнаго изслѣдованія о томъ Казачествѣ, которое на берегахъ Кубани и Черноморья создало почти 250 лѣтъ тому назадъ **Великое Войско Кубанское,** жило тамъ своею самостоятельною жизнью болѣе 80 лѣтъ и опять таки подъ давленіемъ россійскаго правительства вынуждено было уйти съ Кубани на Дунай и въ Малую Азію, сохраняя и тамъ свое **кубанское** имя въ теченіе еще цѣлаго столѣтія.

На кубанскихъ земляхъ Войска, черезъ 15 лѣтъ послѣ его эмиграціи въ Турцію, появились казаки запорожскіе, изгнанные россійскимъ же правительствомъ съ «вѣковѣчныхъ своихъ земель днѣпровскихъ», гдѣ еще, по запорожскимъ преданіямъ, во времена татарскія сидѣло Войско, начавъ свое существованіе тогда, когда еще и власть Кіевскаго князя не распространялась на Днѣпровый Низъ — съ 894 года.

А еще черезъ 70 лѣтъ на берегахъ Кубани было возстановлено славное названіе Войска Кубанскаго, послѣ того, какъ по проискамъ россійскаго правительства, подъ давленіемъ посланниковъ англійскаго, австрійскаго и иныхъ, турки принуждены были согласиться на ликвидацію казачьяго войсковаго устройства въ своихъ владѣніяхъ.

Подъ именемъ **кубанцевъ** этихъ казаковъ россійская власть и общественность не знали. Войскомъ Кубанскимъ его называли только турецкіе и крымскіе дипломаты, да сами казаки, въ томъ числѣ и донцы съ запорожцами въ оффиціальной перепискѣ; въ московской, а потомъ россійской терминологіи это были, есть и продолжаютъ быть только «измѣнники - раскольники», а потомъ «некрасовцы». Послѣднѣе названіе, по своему существу исторически невѣрное, привилось и у казачества нашего времени.

Исторически невѣрное еще потому, что донскіе эмигранты казаки 1708 года, появились на Кубани во главѣ съ атаманомъ **Игнатомъ Некрасой** уже послѣ того, какъ тамъ осѣли Войскомъ Кубанскимъ донскіе же и иные эмигранты въ 90-хъ годахъ 17-го столѣтія.

Въ своихъ статьяхъ и замѣткахъ о Великомъ Войскѣ Кубанскомъ мы уже неоднократно указывали на это обстоятельство; указываемъ и теперь, въ надеждѣ, что казачество отброситъ привитую ему терминологію и будетъ называть своихъ предшественниковъ ихъ войсковымъ Кубанскимъ историческимъ именемъ.

⁂

Начало Великому Войску Кубанскому положили эмигранты съ Дона. Это не были исключительно донскіе казаки, такъ какъ въ бурную эпоху междуусобной религіозной борьбы на Дону въ 80—90 г.г. 17 ст., а также въ кровавыя возстанія Казачества въ Астрахани въ 1705 г. и на Дону въ 1707-8 г.г., не только донцы, но и запорожцы и иные казаки, вмѣстѣ съ донцами лили свою кровь за вольность казачью и уходили въ степи Предкавказскія отъ меча и мукъ центральной власти.

Сцѣпившійся въ кровавой схваткѣ съ Москвою Донъ не выдержалъ сермяжной силы. Тамъ, гдѣ нельзя было взять донцовъ оружіемъ, дѣйствуя деньгами и подкупами, Москва возстанавливала одну часть казачества противъ другой и добивалась своего.

Въ 80-хъ годахъ 17-го ст. на Дону было еще совсѣмъ живо въ памяти разиновское движеніе. Бывшіе соратники славнаго Атамана Степана Разина имѣли еще очень сильное вліяніе и не смотря на

принесенную въ 1671 году первую присягу на вѣрность московскому царю, никакъ не считали для себя обязательнымъ дѣлать то, что хотѣла Москва. Донъ продолжалъ еще жить своей самостоятельной жизнью. И вотъ почему, когда послѣ московскаго собора, осудившаго «старую вѣру», на Донъ потянулись ея приверженцы — казачество широко открыло имъ свои руки и свои политическія чаянія соединила въ ихъ борьбѣ за вѣру.

Тяга старовѣровъ на Донъ началась съ 80-хъ годовъ, а въ 1688 году донцы уже бунтуютъ подъ знаменемъ старой вѣры.

На Дону обрисовываются двѣ партіи: — независимыхъ, берущихъ подъ свою охрану старовѣровъ и — «доброхотствующихъ» Москвѣ, за подкупы и обѣщанія. Но независимые еще сильны; въ 1686 году на царскую грамоту съ требованіемъ «воровъ и раскольниковъ, которые на войско донское славу недобрую наводятъ, перенмать и разогнать, а пристанища ихъ и крѣпости разрушить и пожечь, чтобъ впредь имъ пристать негде было и пущихъ воровъ и раскольниковъ и заводчиковъ, чернецовъ и мирскихъ людей, которые прилична *) и пойманы будутъ, переловить и прислать въ Москву, — Донцы отвѣтили, что «съ Дона выдачи не будетъ, а въ Москвѣ много и своего мяса».

Войсковой Атаманъ Великаго Войска Кубанскаго
ИГНАТЪ НЕКРАСА (Будьянъ)
убитъ 92-хъ лѣтъ отъ роду, при штурмѣ г. Анапы
русскими войсками въ войну 1734—39 г.г.

Въ концѣ 80-хъ годовъ положеніе обостряется, казаки хотятъ итти на Москву: «что намъ цари!, пастушьи они дѣти. Такая ихъ мать, какъ и наша. Мы лучше ихъ, вотъ пойдемъ на Москву, не сдѣлаютъ они съ нами того, что со Степаномъ» — говорятъ казаки въ кругахъ и на Дону.

...«намъ на Дону отъ государя тѣсно становится, какъ будетъ онъ на Донъ, мы его приберемъ къ рукамъ и отдадимъ турецкому салтану».

На Дону при такихъ условіяхъ возникаетъ долгая и упорная борьба, то берутъ верхъ старовѣры и тогда Кругъ рѣшаетъ не поминать царя и патріарха въ молитвахъ, а въ Войсковомъ Черкасскомъ соборѣ перемалевываютъ изображенія святыхъ на двуперстіе, то побѣждають московскіе сторонники и везутъ въ Москву своихъ противниковъ.

Особо упорная борьба идетъ на р. Медвѣдицѣ. Тамъ противники Москвы строятъ сильныя укрѣпленія, противъ которыхъ московскія войска становятся безсильными и только донской Низъ, мобили-

*) «Съ лицомъ» — поличнымъ.

зовавъ половину Войска, послѣ долгой и упорной блокады и кровавыхъ штурмовъ беретъ оплотъ стойкихъ старовѣровъ.

Казаки, видя безполезность борьбы, «пошли съ Дону на Куму рѣку въ невѣрныя орды, оставляя свои старовѣчныя жилища», — какъ гласитъ войсковая грамота къ патріарху.

На Кумѣ они были радушно приняты кабардинскими князьями, приславшими имъ тысячу подводъ съ хлѣбомъ и провіантомъ. Поддерживалъ ихъ и Шамхалъ Тарковскій, съ которымъ эмигранты заключили союзъ для совмѣстныхъ дѣйствій противъ персовъ, на морѣ. Помогали имъ терскіе и гребенскіе казаки, жившіе тамъ же, во владѣніяхъ кабардинскихъ.

Во главѣ ушедшихъ казаковъ сталъ Петръ Мурзенокъ, вліятельный старшина, пользовавшійся большой поддержкой разныхъ кавказскихъ владѣтелей.

Съ нимъ ушло 1.800 казаковъ. Устроившись тамъ, поставивши городки, казаки опять ходили на Донъ и вывели оттуда свои семьи и многочисленныхъ приверженцевъ.

Имѣя главный станъ на Кумѣ, донскіе эмигранты размѣстились и далѣе на югъ въ земляхъ кабардинскихъ и на р. Аграхани.

Отношеніе ихъ къ Москвѣ было самое непримиримое: «лучше быть на каторгѣ, чѣмъ на Москвѣ» — говоритъ Мурзенокъ. Казаки нападали на царскіе рыболовные учюги, на московскіе суда и городки, причиняя очень большое безпокойство Москвѣ. Поэтому московское правительство старалось всѣми мѣрами заставить казаковъ вернуться на Донъ. По его требованію Войско Донское посылало на Куму войсковыя грамоты, призывая спокойно возвратиться и обѣщая полную милость, писали къ эмигрантамъ и воеводы, но все было безрезультатно. Московскихъ посланцовъ они били въ Кругахъ ослонами и сажали въ воду, лазутчиковъ и переговорщиковъ предавали смертной казни, а Войску передали, чтобы оно не обращалось съ подобными предложеніями иначе и войсковыхъ посланцевъ постигнетъ подобная участь.

Одно время Москва пробовала подавить ушедшихъ и военной силой. Она писала къ кабардинскимъ, татарскимъ и калмыцкимъ князьямъ, ханамъ и мурзамъ, чтобы они истребили казаковъ на р. Кумѣ и Аграхани.

Писала своимъ воеводамъ на Терекъ и въ Астрахань объ этомъ же, наказывала всему Войску Донскому двинуться въ походъ на своихъ собратьевъ и разбить ихъ.

Но ни туземцы, ни донцы не рисковали пуститься на такое дѣло, такъ какъ за казаками была вся кабардинская земля и самъ Шемхалъ присягалъ князю Мисосту, что онъ не выдастъ казаковъ, которыхъ онъ очень цѣнилъ за ихъ морскія способности.

Москва все же дѣйствуя подкупами на отдѣльныхъ мурзъ и своихъ воеводъ сильно тревожила эмигрантовъ; на нихъ постоянно производились хищническія нападенія, жизнь ихъ была очень неспокойная. Пользуясь тѣмъ, что казаки находились въ походѣ, различные хищники и московскія войска налетали на казачьи селенія, забирали женъ и дѣтей, въ надеждѣ, что казаки вернутся за своими семьями; но они не поддавались.

Видя безпокойное житье на Кумѣ и Аграхани донскіе эмигранты выслали къ хану крымскому посольство въ 1696 году съ просьбой дать имъ возможность поселиться дальше отъ московскихъ границъ на р. Кубани.

Это посольство видѣлъ въ Бахчисараѣ московскій посланникъ Василій Айтемировъ, [illegible] уговорить казаковъ вернуться на Донъ. Ханъ отнесся благосклонно къ просьбѣ казаковъ и они, понесся большія потери отъ преслѣдованій и нападеній, перешли вглубь Кабарды и на Кубань, взявъ съ собою войсковую казну и мощи своихъ прославленныхъ сподвижниковъ въ борьбѣ за вѣру и вольность.

Первоначально на Кубани казаки сѣли вдоль отъ устья р. Лабы, до самого моря подъ защитой хана и дружественныхъ горскихъ племенъ.

Казаки на Сѣверномъ Кавказѣ [illegible] съ давнихъ временъ. Отношенія ихъ съ горскими народами были настолько тѣсными, что какъ сами казаки, такъ и горцы и московскіе ученые и администраторы были твердо увѣрены, что они родственны между собою и что казаки происходятъ отъ «черкасъ». Подъ этимъ названіемъ были извѣстны всѣ черкесы и кабардинцы и запорожскіе казаки на Москвѣ въ 16, 17, 18 и до половины 19-го столѣтія. Такъ же твердили о себѣ и донскіе казаки.

Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ первоначальная Русь - казачья сидѣла на Таманскомъ полуостровѣ съ 9-го стол., въ 10—11 ст. имѣла на Кавказѣ и въ Приазовьи свое княжество Тмутараканское, а ея потомки — южные казаки — жили въ этихъ земляхъ и въ татарское время.

Такъ вмѣстѣ съ кабардинскими черкесами пришли къ Ивану Грозному бить челомъ о покровительствѣ Гребенскіе казаки въ половинѣ 16-го ст., а въ концѣ его казачьи струги ходили вольно съ Кумы на Каспій и Терекъ, и по Кубани въ Черное море съ Терека воюя съ турками.

Сближало съ казаками горцевъ и общность христіанскихъ вѣрованій. Горцы до разгрома Кавказа Тамерланомъ въ концѣ 14-го ст., были поголовно христіанами, имѣли свои епархіи на побережьи, митрополію въ городѣ Бидзизи (Бездежъ русскихъ лѣтописей) въ мѣстѣ теперешней Усть-Лабы.

Христіанство долго еще коренилось въ западныхъ горцахъ. Въ половинѣ 17-го ст. черкесы праздновали еще православные праздники, держали посты, обычаи поминовенія и т. д., а кабардинскіе черкесы въ 1732 году были въ своей массѣ православными, только ихъ князья и уздени были магометанами. Черкесы не имѣли муллъ и мечетей еще въ началѣ 19-го ст. и держали посты христіанскіе и воскресные дни. Конечно, это было христіанство примитивное, вѣротерпимое, которое какъ нельзя близко подходило къ вѣрованіямъ неискушенныхъ въ церковной жизни казачьихъ эмигрантовъ.

Казачьи эмигранты, осѣвши на Кубани, приняли организованное войсковое устройство, по типу Великаго Войска Донского и стали называться **Великимъ Войскомъ Кубанскимъ.** Городки ихъ были разбросаны по рѣкѣ до самаго моря, а промыслы и уходы, вмѣстѣ съ зимовниками простирались до р. Еи по Черноморскимъ степямъ и рѣкамъ и по рыболовнымъ угодьямъ азовскаго побережья. Кромѣ охоты, рыболовства и добычничества, кубанскіе казаки занимались добычей нефти изъ колодцевъ около ихъ поселеній и ключей на Таманскомъ полуостровѣ.

Они были обязаны войсковой службой хану крымскому, выставляли во время войнъ свои полки и пользовались такимъ почетомъ и уваженіемъ у хана, что онъ имѣлъ у себя казачій кубанскій конвой.

За это Войско было освобождено отъ всѣхъ иныхъ податей и повинностей и получало отъ хана жалованье, провіантъ, артиллерію и огнестрѣльные припасы.

Войсковой центръ находился на Каракубанскомъ островѣ, носившемъ названіе **Казачьяго острова** и послѣ ухода кубанцевъ въ Турцію, въ періодъ обслѣдованія этихъ земель запорожскими черноморцами.

Каракубанскій рукавъ начинается въ 20-ти верстахъ выше Копыла и соединяется въ 10-ти верстахъ ниже истока изъ Кубани р. Курки, образуя островъ длиной въ 76 верстъ и шириной отъ 9—12 верстъ, отъ него идетъ Казачій Ерикъ, соединяющійся съ Черной протокой, по которымъ выходили кубанцы въ Азовское море.

Островъ самъ возвышенный, изобильный кормомъ, звѣрьемъ и дичью, являлся стратегическимъ ключемъ ко всему кубанскому низу и Закубанью, что оцѣнивали не только русскіе въ 18—19-омъ ст., но и турки, имѣвшіе тамъ въ Копыльскомъ укрѣпленіи сераскира для наблюденія за полунезависимыми черкесами.

Событія 1708—9 г.г. на Дону и Запорожьи послѣ возстаній атамана Булавина и гетмана Мазепы значительно пополнили составъ Великаго Войска Кубанскаго.

Сподвижникъ Булавина атаманъ Игнатъ Будьянъ (Некраса) привелъ на Кубань съ Дона нѣсколько тысячъ казаковъ съ ихъ семьями. Годъ спустя ушли подъ ханское покровительство и Запорожцы, избравшіе въ 1710 г., по смерти Мазепы, гетманомъ выдающагося политика и ученаго, б. генеральнаго писаря Филипа Орлика.

Съ извѣстіемъ объ избраніи Орлика ѣздила къ кубанцамъ делегація во главѣ съ генеральнымъ есауломъ Григоріемъ Герцикомъ (сынъ Полтавскаго полковника).

Великое же Войско Кубанское выслало отъ себя въ Бендеры депутацію во главѣ съ сыномъ Игната Некрасы — Степаномъ для подравленія новаго гетмана Орлика.

Кубанцы и Запорожцы находились въ самой тѣсной связи между собою, вмѣстѣ ходили на войны, вмѣстѣ усмиряли бунтовавшихъ черкесовъ и часто казаки одного Войска оставались совсѣмъ въ Войскѣ другомъ, занимая даже высокія должности.

У кубанцевъ остался б. войсковой писарь Коша Запорожскаго Иванъ, а запорожецъ Яковъ былъ у нихъ въ 1759 году Войсковымъ толмачемъ (переводчикомъ). Кубанскіе казаки относились очень непримиримо къ царской власти и всѣ попытки склонить ихъ къ возвращенію были совершенно безплодны.

Центромъ ихъ стала крѣпость Анапа, которую заселили казаки, разбивъ ее на такое же число станицъ, какъ и Черкасскъ на Дону, съ тѣми же самыми названіями.

Войск. Кругъ утвердилъ выработанный Атаман. Некрасой порядокъ службы и организаціи военнаго, административнаго и религіознаго управленія. Порядокъ этотъ соблюдался твердо до самого конца Войсковой организаціи до 1864 года.

Самъ Игнатъ Будьянъ (Некраса по прозвищу) пользовался такимъ авторитетомъ, что былъ безсмѣннымъ Атаманомъ до самой своей смерти. Погибъ онъ 92 лѣтъ отъ роду, при штурмѣ Анапы войсками фельдмаршала Гудовича.

Вмѣстѣ съ родомъ Некрасы въ Войскѣ пользовались большимъ авторитетомъ старая донская родовая «аристократія»: Булаховы, Евсѣевы, Мазепины, Гоголи, Чижики, Солтаны — коренные донцы и ушедшая къ донцамъ польская шляхта.

Войско обязалось выставлять на случай войны 25 пятисотенныхъ полковъ всего 12.500 казаковъ и оборонять край конно, пѣшо и водно отъ непріятеля. Взамѣнъ оно имѣло почти абсолютную независимость и значительное вознагражденіе отъ хана и султана.

Долгое время Войско старалось отбить Донъ и донскихъ казаковъ отъ Московскаго царя.

Кубанцы служили проводниками при набѣгахъ крымцевъ на русскія поселенія, разсылали своихъ эмиссаровъ по Дону и казачьимъ землямъ, сводя и уговаривая уходить на Кубань недовольныхъ.

Докторъ правъ, Полковникъ Федоровъ

Чья сила, того и воля

КАЗАЧЬЯ СЛАВА ЗА ОКЕАНОМЪ

За годы тяжкаго изгнанія, гдѣ только казаки не показали себя. Во всѣхъ уголкахъ земного шара — знаютъ казака. Въ Соединенныхъ Штатахъ, въ одномъ изъ большихъ цирковъ, подвизается небольшая группа джигитовъ подъ командой Подъесаула С. Г. Селина, въ составѣ: его жены — ирландки и кубанцевъ: Терентія Глобы, е.Дениса Зеленскаго и Ивана Корнилова. Эта маленькая группа, каждый годъ объѣзжаетъ съ циркомъ десятки тысячъ километровъ, посѣщаетъ сотни городовъ, изумляя американцевъ своею лихостью и оглашая «чужую сторонушку» широкой казачьей пѣсней.

Группа организовалась тамъ вскорѣ послѣ ликвидаціи «группы Проценко». И каждый годъ, окончивъ «турнэ по странѣ долларовъ» — группа останавливается на отдыхъ, во время котораго «обмундировывается». Въ свободное время, музыкальная казачья пѣсня, смягчаетъ тоску о Той, — Которая. «разлилась и вдоль, и ширь...»

... О Тебѣ здѣсь вспоминаючи
Пѣсни дружно мы поемъ...
. . . .
Бьютъ челомъ Тебѣ родимая...
. . . .

Бьемъ челомъ Ей изъ-за океана, бьемъ челомъ Ей со всѣхъ концовъ, и вѣримъ, что чело Ея — Кубанцы еще освѣтятъ.

П. Нитяга

СНИМОКЪ НА ОБЛОЖКѢ:

Командиры сотенъ 1-го Таманскаго полка въ с. Каши, у г. Асхабада Закасп. обл. въ 1905 г. Слѣва направо: Есаулы — Перетяпко, Перевозовскій, Ширай Поночевнычй, Титусъ, Подъесаулъ Ткачевъ и полковой Казначей Подъесаулъ Рыштога.

СБОРНИКЪ «КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО», ВЪ СВОЕМЪ ИСТОРИКО - ЛИТЕРАТУРНОМЪ ВОЙСКОВОМЪ НАПРАВЛЕНІИ И ИЛЛЮСТРАЦІИ, — ПРИ ДОБРОМЪ ЖЕЛАНІИ КУБАНЦЕВЪ. — МОЖЕТЪ СТАТЬ ДОСТОЯНІЕМЪ ВСЕГО КУБАНСКАГО КАЗАЧЕСТВА

Le Gérant . A. Malakhoff. Imp. BASILE, 1, villa Chauvelot. Paris 15e.

КЪ КУБАНСКОМУ КАЗАЧЕСТВУ

Общество Ревнителей Кубани, имѣющее свой центръ въ Парижѣ, задалось цѣлью — въ своемъ журналѣ

«КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО»

историко - литературнымъ матеріаломъ, историческими и характерными снимкам, гравюрами, рисунками — воскрешать въ памяти родныхъ казаковъ былое нашей Кубани-Матери, освѣщая и воспѣвая Ее родную нашу Кубань-Отчизну, наше дорогое намъ, растерзанное, обезкровленное и распятое на крестѣ Кубанское Казачество, наше славное и незамѣнимое ничѣмъ Кубанское Казачье Войско, — распятое, но еще живое и въ мукахъ нечеловѣческихъ страданій — горющаго «Жить».

Ко всѣмъ Кубанскимъ Казакамъ — отъ высокихъ до рядовыхъ ранговъ, отъ ученыхъ до землеробовъ, отъ богатыхъ до «сіромы», отъ Вольныхъ до Имперскихъ Казаковъ — нашъ призывной голосъ — кто живетъ мыслью о Родинѣ, кто не ушелъ въ житейское море обывательщины и безразличія, кому дорогъ путь «Туда», къ роднымъ Казачьимъ берегамъ — принять живое участіе въ нашемъ стремленіи.

Присылайте намъ характерные бытовые и историческіе Войсковые снимки, гравюры, портреты, картины, рисунки . . .

Пишите статьи, замѣтки, воспоминанія, описанія, боевые эпизоды Кубанскихъ Казаковъ . . .

Пишите на чемъ попало и какъ попало. За бѣдностью — пишите кровью и на сахарной бумагѣ, лишь былъ бы въ писанномъ смыслъ, душа, Казачій взлетъ, пѣснь и тоска, плачъ и жартъ, лишь бился бъ пульсъ жизни и болѣзни по нашему милому и загубленному Казачеству Кубанскому . . .

Пишите . . .

Все будетъ принято, просмотрѣно, использовано и возвращено съ благодарностью.

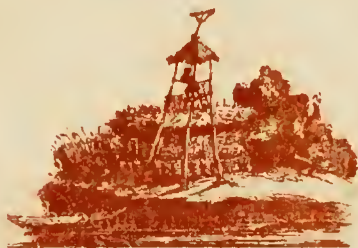
Въ добрый часъ — Родные Кубанцы — отзовитесь!

Редакціонная Коллегія и Правленіе

Общества Ревнителей Кубани:

Полковникъ И. В. Бѣлый
Подъесаулъ А. Н. Толбатовскій
Подъесаулъ Е. М. Якименко
Предсѣдатель Полковникъ Ѳ. И. Елисѣевъ

Настоящій сборникъ выпущенъ при участіи Союза Кубанскихъ писателей и журналистовъ

КЪ КУБАНСКОМУ КАЗАЧЕСТВУ

Первый трудъ вознагражденъ полностью: Кубанцы отозвались горячо на нашъ зовъ и мы вольготно выпускаемъ этотъ второй свой сборникъ пѣснопѣній родному Войску, родной нашей Кубани - Матери и замѣтнымъ Ея сынамъ - казакамъ, въ нашихъ возможностяхъ освѣщая историческія событія, лаская и воскрешая свою Казачью отчизну со всею сыновьею любовью къ Ней, со всею сыновьею преданностью Ей...

Къ радости нашей -- матеріаломъ Кубанцы подбодрили съ разныхъ мѣстъ, и мы не смогли вмѣстить всего, даже и обѣщаннаго. А отсюда выводъ: Вновь напрячь распространеніе его, спѣшно произвести разсчеты и, тогда — къ Свѣтлой Святой Пасхи -- будетъ выпущенъ № 3-й.

Въ добрый часъ, Козаче — нажми и... распространи.

Правленіе и Редакціонная Коллегія Общества Ревнителей Кубани:

Полковникъ И. В. Бѣлый
Подъесаулъ А. П. Толбатовскій
Подъесаулъ Е. М. Якименко
Инженеръ В. С. Мащенко
Предсѣдатель — Полковникъ Ѳ. И. Елисѣевъ

ЦѢНА НОМЕРА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ:

1. Во Франціи — 3 фр. 50 с.
   Выписывать отъ Правленія.
2. На Балканахъ — 5 дин.
   Выписывать черезъ Кубанскую Канцелярію отъ Полковника Соломахина Belgrad, Nemanina 20.
3. Въ Чехословакіи — 4 кроны
   Выписывать отъ Полковника Федорова
   Praha 14, Nusle-Udoli, Jaromirova 456.
4. Для остальныхъ странъ — 20 центовъ — 5 фр.

«LES COSAQUES DU KOUBAN»
JOURNAL ILLUSTRÉ HISTORIQUE ET LITÉRAIRE
10, rue des Cordilieres — PARIS XIII

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СБОРНИКЪ

№ 3 **Май 1932 г.**

ИЗДАТЕЛЬ: Общество Ревнителей Кубани
РЕДАКТОРЪ: Коллегія Кубанскихъ Казаковъ

Пластуны 1854—55 г.

Изъ колл. Л.-Гв. Атаман. п-ка
Подъесаула Семенченкова.

Настоящій Сборникъ выходитъ при участіи Союза Кубанскихъ писателей и журналистовъ

КЪ КУБАНСКОМУ КАЗАЧЕСТВУ

Мы морально удовлетворены: сотни братски-нѣжныхъ писемъ, разнообразный матеріалъ на нѣсколько номеровъ впередъ, масса интересныхъ серьезныхъ дорогихъ и незабываемыхъ никогда фотографическихъ снимковъ изъ жизни Войска, изъ жизни прошлаго нашего родного «Казачьяго міра», такъ ярко воскрешающихъ нашу родную Кубань-Отчизну, словно прошедшую предъ нами только «вчера» — пріятною истомою волнуетъ нашъ разумъ, волнуетъ и зоветъ насъ пѣть пѣснь Ей — вновь теперь и еще — Ей, нашей Родинѣ Казачьей...

Молчать нельзя. Если не мы — живые и свободные, — то кто же послѣ насъ и гдѣ же и еще споетъ и скажетъ слово-пѣснь о Ней, объ этой Родинѣ Святой..!

Придите къ намъ друзья и братья и — помогите. Всякій десятокъ лишнихъ франковъ, всякій лишній купленный журналъ и всякое иное активное участіе родныхъ Кубанскихъ казаковъ въ нашей работѣ — только усилитъ наши возможности и ускоритъ выходъ въ свѣтъ новыхъ и еще новыхъ номеровъ, чрезъ кои яркой изрядной радугой пройдетъ вся жизнь Кубани-Матери, вся жизнь и существованіе Кубанскаго Казачества...

Придите..!

Въ этомъ году исполняется 200-лѣтіе существованія 1-го Кубанскаго полка. Нашъ Войсковой Историкъ - писатель и генералъ В. Г. Толстовъ, уже прислалъ намъ трудъ свой объ этомъ гиковомъ и доблестномъ полкѣ, гдѣ ясно четко просто и понятно даетъ исчерпывающія данныя, какъ на крови и слезахъ цѣлой тысячи донскихъ и волжскихъ семействъ казачьихъ, преодолѣвъ всѣ удары судьбы жестокой — осѣлъ прочно на Кубани, окрѣпъ, расцвѣлъ и размножился въ своихъ станицахъ этотъ молодецкій полкъ.

О 1-омъ Линейномъ полкѣ, о его историческихъ конныхъ атакахъ на австрійцевъ въ самомъ началѣ Великой Войны 1914 года — прислалъ обстоятельный матеріалъ коренной Линеецъ и участникъ всѣхъ боевъ - Полковникъ Е. Тихоцкій.

Имѣется обстоятельный очеркъ, на полный отдѣльный номеръ «Исторія Конвоя Русскихъ Императоровъ», въ которомъ Кубанцы находились съ 1811 года по своему Черноморскому Казачьему эскадрону.

Имѣются цѣнныя «воспоминанія» профессора Ѳ. А. Щербины. Накопилось много богатыхъ очерковъ о Кубани Полк. С. А. Федорова, и многихъ др. авторовъ.

Придите - же...

Сборникъ «КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО» въ своемъ историко-литературномъ и иллюстрированномъ направленіи, при добромъ желаніи Кубанцевъ — можетъ стать достояніемъ всего Кубанскаго Казачества.

Правленіе.

ПЛАСТУНЫ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ

Я не буду писать о тѣхъ пластунахъ, нашихъ дѣдахъ и прадѣдахъ, которые прославили имя пластунское въ годину мужественной обороны Севастополя отъ французовъ, турокъ, англичанъ и итальянцевъ въ 1854—55 г. Я лишь скажу вкратцѣ о насъ самихъ, когда мы, ихъ внуки и правнуки, шестьдесятъ лѣтъ спустя, увидѣли славныя мѣста, политыя кровью нашихъ предшественниковъ, весною 1915 г.

❖

Февраль. Снѣгъ Морозы. На Зивинскихъ позиціяхъ хоть и не голодно, но холодно и неуютно. Турки далеко; бездѣльничаемъ и скучаемъ.

Извѣстіе о назначеніи моемъ Начальникомъ сводно-пластунской команды 6-го Е. И. В. баталіона, взбудораживаетъ пулеметчиковъ 2-го, родного, баталіона. Казаки волнуются, протестуютъ, а больше всѣхъ — всегда спокойный и уравновѣшенный урядникъ Остапенко:

— «Къ бригадному пойдемъ; не пустимъ! Што мы сами дѣлать будемъ? Прапорщиковъ намъ даютъ, чи ихъ учить, чи самимъ за ими ходить...»

Протесты не помогли; только то, что бригадный и самого Остапенко со взводомъ назначилъ въ 6-й баталіонъ Казаки довольны: — «ничево; сотникъ заговореный; слово таке знаетъ; пуля ни ево ни казаковъ не береть и тута добре будя».

Черезъ недѣлю, мы, ласкаемые теплыми лучами батумскаго солнца — дышимъ свѣжимъ морскимъ воздухомъ. Формируется 5-й Кавказскій корпусъ. Корпусный смотрь. Подъ бодрящіе звуки музыки, выбрыкиваютъ, танцуютъ пулеметные кони на церемоніальномъ маршѣ. Казаки подтруниваютъ надъ «крупой сѣрой», марширующей въ однихъ гимнастеркахъ, но въ валенкахъ.

— «Съ ними — какъ-разъ турецкую столицу брать...»

Пластуновъ готовятъ «ставить крестъ на святую Софію» — византійскій соборъ, теперь мечеть въ Царьградѣ

Пріѣхалъ экзархъ грузинскій, благословилъ, раздалъ крестики. Страстная недѣля; казакамъ раздали посадочные номера на транспорты; офицеры по топографическимъ картамъ «гуляютъ по улицамъ Константинополя».

Въ пасхальную ночь пришли транспорты за пластунами и въ эту же ночь разогналъ ихъ турецко-нѣмецкій дредноутъ «Гебенъ», а на третій день Пасхи катились уже пластуны «кругаля» по желѣзной дорогѣ въ Севастополь.

Баку, Терекъ, Кубань... Родныя лица, встрѣчи, радость и слезы. Казачьи станицы позади, «минаемъ» Донъ, несемся по Крыму и вскорѣ маршируемъ мимо грознаго 4-го бастіона Севастопольскаго, свидѣтеля былой пластунской славы.

❖

Городъ притихшій, полумертвый. Жителямъ наговорили небылицъ о «дикихъ» пластунахъ; рекомендовали не ходить зря по улицамъ, а по вечерамъ не пускать дивчатъ гулять.

Морское начальство позвало наше начальство; усиленно убѣждало вести себя тихо и всенепремѣнно отдавать честь солдатскимъ офицерамъ.

Казаки малость обидѣлись, но сдержались.

На третій день пластуны завоевали весь городъ: офицеры—центръ, Приморскій, казаки—слободку, корабельную сторону.

Моряки, портовые рабочіе ревновали: пара схватокъ рукопашныхъ, и казаки вышли навсегда побѣ-

дителями. Дивчатами запестрѣлъ городъ: что ни казакъ, то съ дивчиной; затерли старожиловъ.

Въ Дарданеллахъ закипѣлъ бой. Англо - французская эскадра пробивалась въ Мраморное море.. Дессантный корпусъ союзниковъ цѣлился на Галлиполійскій полуостровъ. Пластуны сѣли на пароходы.

6-й Е. И. В. баталіонъ — на лучшій транспортъ Дальневосточнаго О- ва «Императоръ Николай II».

Чисто, мягко, сытно и вольготно.

— «Такъ воювать, — хоть цѣлую жисть можно, какъ моряки воюютъ. Опять же — потопать, такъ усѣмъ вмѣстѣ, совсѣмъ и съ казармой ихней».

Союзники подзадерживаются; турки упорно бьются, не пускаютъ. Нашъ флотъ, послѣднія недѣли, дѣлаетъ набѣги къ берегамъ Босфора, уничтожаетъ отдѣльныя турецкія суда.

Пластуны 2-го и 8-го баталіоновъ Черноморскаго Казачьяго Войска, отличившіеся при защитѣ Севастополя въ 1854-55 г.г. Слѣва направо: **Сидоръ Бѣлобровъ, Дмитрій Горленко, Подполковникъ** Головинскій (въ буркѣ) — **Командиръ 2-го баталіна, Хорунжій Даниленко, Макаръ Усульга, Андрей Гиденько, урядникъ Иванъ Демяненко и Лука Грещовъ.**

(Рисовалъ съ натуры, въ январѣ 1855 г. въ Севастополѣ. В. Гиммъ)

Сводно - пластунская дивизія изъ Севастополя, Гвардейскій флотскій экипажъ изъ Одессы, и морская пѣхота, — пойдутъ въ головѣ нашего дес санта на берега Анатоліи.

6-й Е. И. В. баталіонъ будетъ первымъ высаживаться на берегъ; мои пулеметчики — первыми сбивать турокъ и закрѣплять берегъ. Вспоминаются запорожскіе и донскіе набѣги на анатолійскіе берега; вспоминается «обкуриваніе пороховымъ дымомъ» стѣнъ Стамбульскихъ нашими прапредками но вспоминается и послѣдній — похоронный салютъ, самимъ себѣ, тонущаго, дырявого отъ пуль понтона, на Дунайской переправѣ въ 1877 году..

— «Ничево... Богъ не выдастъ турокъ не угробить... опять же сотникъ слово такое знаетъ...»

Слышимъ — ѣдетъ Царь поглядѣть на сарыкамышскихъ храбрецовъ и проводить на Царьградъ. За два дня передъ Его пріѣздомъ нашъ флотъ разгромилъ турецкую береговую батарею у Босфора, потопилъ миноносецъ и загналъ турецкій флотъ въ Босфоръ.

16-го апрѣля, къ вечеру, пріѣхалъ царскій поѣздъ; на пристани, около нашего транспорта, онъ остановился.

1-ая Е. И. В. сотня, съ Есауломъ Рубаномъ, держала почетный караулъ.

На другой день, къ 4 часамъ, былъ вызванъ на Царскую пристань весь 6-й Е. И. В. баталіонъ. Высшее начальство суетилось, а мы, малые, какъ всегда — злимъ старшихъ. Моя синяя, расшитая галунами черкеска, не нравится командиру баталіона, полковнику Зинковскому; приказываетъ надѣть другую; одѣваю сѣрую, потрепанную, съ заплатами подъ мышками и рыжую измызганную папаху, бѣлую на царскій смотръ не позволилъ.

Казаки любопытствуютъ; занимаетъ ихъ — «каковъ будетъ Царь «сблизка», видали то вѣдь все по портретамъ.

— «Слушай на краулъ!» Салютуемъ.

Небольшого роста, привѣтливый, съ мягкими сѣрыми глазами и русыми усами и бородкой — полковникъ нашего же баталіона, въ сѣренькой черкескѣ подходитъ и здоровается съ нами.

— «Здравія желаемъ Ваше И. В—во... ура-а-а-а...» несется въ отвѣтъ, и... совсѣмъ не страшно.

Начальство рапортуетъ, Государь обходитъ фронтъ, по обходѣ вызываетъ офицеровъ, и казаковъ, представленныхъ къ наградамъ.

Государь среди пластуновъ въ Севастополѣ въ 1915 году. Правѣе Его — Командиръ 6-го Кубанскаго пластунскаго баталіона, Полковникъ Зинковскій.

Государь съ каждымъ бесѣдуетъ, разспрашиваетъ; толстый - претолстый генералъ Орловъ, начальникъ походной канцеляріи, подаетъ ему ордена и темляки «За храбрость». Награждаемые сіяютъ. Вижу какъ правѣе меня трясется старый подъесаулъ Калаушевъ — дрожитъ рука «подъ-высь», дрожатъ поджилки; — ишь ты, — вотъ то онъ трепетъ...»

Настаетъ и моя очередь. Цифра «2» на погонахъ обращаетъ вниманіе; объясняемъ съ полковникомъ Зинковскимъ — пулеметчики 6-го баталіона остались на Кавказѣ, здѣсь сводные по взводу отъ 2-го, 4-го и 5-го баталіоновъ. Царь вспоминаетъ о 2-мъ баталіонѣ войска Черноморскаго въ Крымскую кампанію, спрашиваетъ о станицѣ, о матери, отцѣ, даетъ первую боевую награду Владиміра съ мечами и бантомъ — первый бой подъ Кирыхомъ, даетъ и красный темлякъ — за второй бой на Араксѣ.

Подходитъ къ батюшкѣ.

— «А батюшкѣ что?» спрашиваетъ у командира. Полк. Зинковскій, съ перваго же момента овладѣвшій царскимъ расположеніемъ находится — «ну, а батюшкамъ крестъ даютъ В. И. В—во».

— «Какой крестъ?» улыбается Государь.

— «Ну извѣстно какой, — золотой» усмѣхается матерой полковникъ.

Генералъ Орловъ запускаетъ руку въ карманъ и вытягиваетъ изъ него коробку. Государь открываетъ ее и даетъ батюшкѣ; батюшка чуть не падаетъ въ обморокъ — золото блещетъ на солнцѣ, обвитое широкой георгіевской лентой.

— «Не заслужилъ, Государь...» отпирается батюшка.

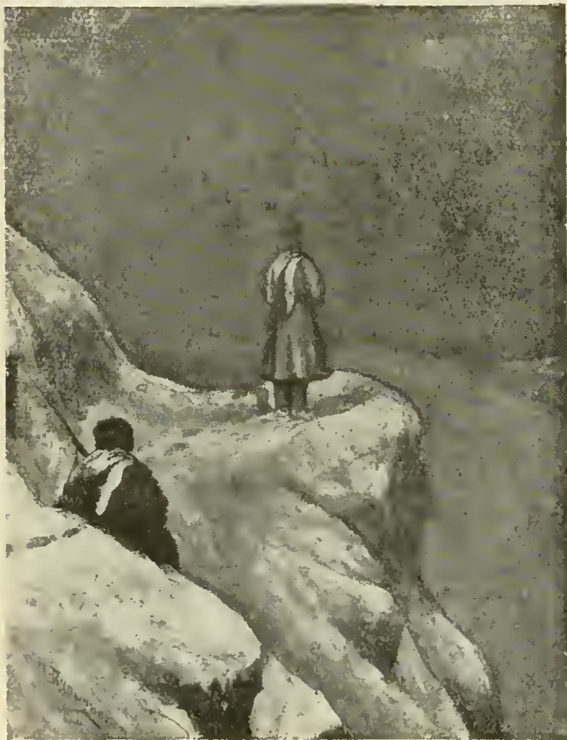
— «Заслужите», вторитъ Императоръ.

Получаетъ свое и докторъ, — милый, веселый армянинъ.

На крайнемъ флангѣ два подхорунжихъ и старшій писарь.

Подхорунжій Конорѣзовъ и Русановъ отличились въ Сарыкамышѣ особенно.

Изъ подхорунжихъ — они становятся прапорщиками.

Пластуны. Часовой и подчасокъ на «Орлиномъ Гнѣздѣ» въ раіонѣ Трапезунда (Турція) — 1916 г. (Зарисовалъ съ натуры Есаулъ Н. Н. Пупынинъ).

— «Баталіонный писарь Чернобровкинъ, 17-ть лѣтъ прослужилъ въ баталіонѣ», говоритъ командиръ.

— «Произвожу тебя въ коллежскіе регистраторы», слышу слова Государя.

Длинной вереницей подходятъ за Георгіевскими наградами казаки; многіе растроганы, цѣлуютъ крестики, на глазахъ слезы — «какъ же и не быть!... съ самимъ Царемъ разговаривалъ!»

Церемоніальный маршъ

Смотръ кончился. Длинными рядами выходимъ съ пристани и идемъ городомъ; шпалеры любопытныхъ стоятъ по улицамъ, кричатъ «ура» новымъ кавалерамъ.

Вечеромъ общій ужинъ. Въ чудной каютъ-кампаніи Императора Николая II сидятъ и новые прапорщики и коллежскій регистраторъ.

Съ утра 18-го, пластуны готовятся къ общему царскому смотру. Батальонъ за батальономъ вытягиваются на полѣ передъ лагеремъ — Куликово поле.

Стоитъ мой родной баталіонъ — 2-й; возлѣ него суетится новый «войсковой» Самойловъ, изъ грековъ, изъ отставки.

— «Подъ знамя слушай на кра—улъ!» — командуетъ С.

Наше старое георгіевское пластунское знамя, на прогнувшемся длинномъ древкѣ, безъ чехла, развернутое, до половины, потрепанное временемъ и непогодами.

«Къ но—гѣ!» — несется команда.

Отъ лагеря показывается маленькая фигура полковника Бирюлькина, командира баталіона.

— «Слушай на кра—улъ!» — раздается опять команда войскового.

На лицахъ пластуновъ недоумѣніе, но лѣсъ штыковъ взметнулся къ небу: команда, какъ команда — блеснули и офицерскія шашки. Даже «Бирюлька» сообразилъ, что войсковой переборщилъ и отчаянно замоталъ руками. Войсковой это понялъ по своему — двигаться на поле.

«Шагомъ маршъ!»

Въ первый и, вѣрно, въ послѣдній разъ въ жизни видѣли мы какъ двигался баталіонъ «развернутымъ фронтомъ», — винтовки «на караулъ» — на сборное мѣсто; впереди всѣхъ шагалъ съ шашкой на плечо новый войсковой.

Мы, лицезрѣвшіе, не удержались отъ дружнаго смѣха; нашъ смѣхъ заставилъ опомниться офицеровъ 2-го баталіона; командиры сотенъ сами по себѣ начали командовать «къ ногѣ», «на плечо» и вытягиваться по-сотенно, а войсковой шагалъ и шагалъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

На обширномъ Куликовомъ полѣ выстроилась длинная предлинная линія войскъ; пластуны на правомъ флангѣ. Къ полудню пріѣхалъ Государь.

Звуки гимна, громовое перекатывающееся ура, долго звучали по полю. Передъ каждымъ баталіономъ Императоръ останавливался и благодарилъ за жертвенную боевую службу. Подойдя къ 3-му баталіону, Государь остановился и сказалъ: «За молодецкую боевую службу 3-го пластунскаго баталіона и въ память сегодняшняго моего смотра — назначаю шефомъ баталіона моего Сына Наслѣдника-Цесаревича Алексѣя Николаевича». Это была награда за особо мужественные бои въ Сарыкамышѣ.

Нѣсколько секундъ ничего не ожидавшій батальонъ молчалъ, и потомъ понеслось дружное громовое «ура».

Обходъ окончился; войска стали перестраиваться къ церемоніальному маршу.

Государь стоялъ на особомъ помостѣ.

— «Какая историческая картина; никогда Севастополь не видалъ еще столькихъ пластуновъ здѣсь» сказалъ онъ министру Двора Фредериксу. Затѣмъ, взглянувъ на стоявшихъ здѣсь офицеровъ, онъ замѣтилъ: «Впрочемъ, вѣдь слава пластуновъ пошла и отсюда, изъ Севастополя, когда они вмѣстѣ съ моряками Черноморскаго флота совершали славныя дѣла. Здѣсь дѣйствовали 2-й, 5-й и 8-й пластунскіе баталіоны».

Офицеры подтвердили, упомянувъ еще, что въ этихъ баталіонахъ было много охотниковъ изъ иныхъ станицъ Войска.

— «Кажется, старшинство пластунскихъ баталіоновъ идетъ наравнѣ со старшинствомъ одного изъ конныхъ полковъ Вашего Войска? Насколько помню, съ Запорожскимъ полкомъ, съ 1782 г.» продолжалъ онъ. Офицеры подтвердили, упомянувъ, что этотъ полкъ имѣетъ знамя пѣшихъ казаковъ, полученное за взятіе острова Березани.

Видно было, что наука, полученная Государемъ, еще Наслѣдникомъ, по труду Ф. А. Щербины «Исторія Куб. К. В.» не забылась.

Перестроеніе закончилось.

Двигались стройныя шеренги пластуновъ, блестя штыками. Нѣкоторые баталіоны шли держа винтовку къ бою — «на руку».

Съ помоста неслись царскія благодарности. Маршъ окончился.

Офицеры густыми кольцами окружили Государя, и вели съ нимъ по-просту разговоры.

— «Ваши пластуны такіе же молодцы какими были въ Севастополѣ и ихъ дѣды» — сказалъ Государь, увидя командира 2-го баталіона полковника Бирюлькина.

— «Какой тамъ» — отвѣтилъ по-просту тотъ — «теперь уже не тѣ казаки, что раньше были. Пластуны - какъ пластуны».

— «Та це брехня, В. И. В.», послышалось сзади «наши козаки и теперь не гірши».

Государь улыбнулся и поддакнулъ, упоминая Сарыкамышскіе упорные бои и пластунскую доблесть на Кавказѣ.

Въ промежуткахъ между разговорами снимались: — сначала офицерскій составъ 6-го баталіона, потомъ офицеры 1-й пластунской бригады, затѣмъ 2-й бригады. Всюду сновалъ, не находившій себѣ мѣста отъ радости ген. Гулыга.

Но особенно героемъ дня чувствовалъ себя командиръ 6-го баталіона полк. Зинковскій, своею простотой и непринужденнымъ обращеніемъ онъ подкупилъ совсѣмъ Государя.

Царь смѣялся и вообще былъ очень доволенъ простотою пластунскою; до моего слуха долетѣла фраза, какъ сказалъ ген. Орловъ, что за всю войну, только два раза Царь былъ веселъ и радостенъ — впервые, когда его встрѣчали русины въ Галиціи и вотъ теперь, среди пластуновъ въ Севастополѣ.

Разговаривая съ Зинковскимъ, Царь спросилъ о жизни пластунской.

— «Да какая наша жизнь» отвѣчалъ тотъ «слава то казачья, а жизнь собачья, всѣмъ даютъ, а пластуновъ обдѣляютъ».

Кавказскій фронтъ. Характерные типы пластуновъ Кубанскихъ бригадъ въ Великую войну 1914-17 г.г.

Царь заинтересовался, «какъ это такъ»? и Зинковскій пояснилъ, что вотъ въ пѣхотныхъ полкахъ всѣ командиры ротъ капитаны, а у насъ, въ мирное время 25 есауловъ на все Войско — 18 баталіоновъ. Тамъ, молъ, штабъ-офицеръ получаетъ 85 руб. столовыхъ, а нашъ «войсковой» — 55. Солдатъ на службѣ одѣтъ въ казенное, а пластунъ въ свое; на войну солдатъ изъ дома рубашку принесетъ — деньги за нее получитъ, а мы и на войнѣ въ своемъ и т. д. и т. п. перечислялъ онъ бѣды пластунскія.

Царь слушалъ и давалъ знакъ флигель-адъютанту, а тотъ все записывалъ въ книжечку. Результатъ былъ скоръ, молніеносенъ — пластуновъ сравняли во всемъ съ пѣхотой и даже обмундированіе стали получать изъ интендантства. Для самого же Зинковскаго — онъ былъ очень плачевенъ: говорили, что ген. Гулыга и Букретовъ страшно злились и чертыхались по адресу Зинковскаго — какъ, молъ, онъ осмѣлился, не доложивши по командѣ, докладывать прямо Государю!

*

Смотръ закончился.

Государь отъѣзжалъ на автомобилѣ — ревъ ура, тучи шапокъ, взвивавшихся къ небу; толпы бѣгущихъ за автомобилемъ воиновъ и штатскихъ — послѣднее мое впечатлѣніе.

Снова пароходъ, но казаки уже въ баракахъ. Ждемъ, когда союзники пробьются въ Дарданеллы и закрѣпятся на Галлиполи. Напряженіе чрезвычайное; флотъ каждый день выходитъ въ море. Пластуны послѣ смотра совсѣмъ герои дня; новые крестики на груди окончательно покоряютъ прекрасныхъ и непрекрасныхъ представительницъ слабаго пола.

Не только офицеры, но и рядовые пластуны въ Севастополѣ всѣ говорили «намъ би тільки за берегъ зачепитися, а тамъ вже насъ турки не виженуть». Офицеры цѣнили очень назначеніе въ эту историческую экспедицію, цѣнили больше, чѣмъ выигрышъ въ 200.000, а пожилой полковникъ, лѣтъ 50, съ высшимъ образованіемъ, оставившій въ станицѣ жену и дѣтей, мало денегъ и ровно никакого имущества добавилъ какъ то: двѣсти тысячъ можно прожить, ну а ту славу, которую получатъ пластуны если войдутъ въ Константинополь — прожить нельзя. Дѣти будутъ говорить всегда — «батько былъ въ войскѣ, которое брало Царьгородъ. А если Богъ приведетъ помереть, такъ дважды не помирать, а вѣдь нѣтъ лучше смерти какъ подъ стѣнами Царяграда».

Пластуны внѣ конкуренціи вездѣ и всюду. Въ наши ряды вливаются и добровольцы — въ мою пулеметную присталъ двѣнадцатилѣтній «хохленокъ» Панасъ — «утікъ зъ дому до козаківъ» и никакихъ. «Якъ не візмете — въ морі вtоплюсь» говоритъ; казаки упросили — «будетъ за конями ходить, на кухни помогать»... Взялъ и не пожалѣлъ; Панасъ отлично помогалъ и былъ коноводомъ въ бояхъ — 12-го мая въ с. Лашки заработалъ Георгіевскую медаль. Прибѣжалъ къ намъ изъ Закавказья, Душета и аптекарскій Казя Троянскій. Юноша-полякъ. Не утерпѣлъ, пошелъ за пластунами и отлично помогалъ намъ въ Галиціи какъ переводчикъ.

Но пластуны время не теряли — готовили своихъ урядниковъ «въ прапора». Обидно было видѣть, какъ школы прапорщиковъ комплектовались недоростками, а наши урядники все были «нижніе чины». Позвалъ я всѣхъ урядниковъ, окончившихъ 2-хъ классное училище, сказалъ имъ слово, подучили малость и послали ихъ въ Севастопольскую гимназію держать экзаменъ на права по образованію II-го разряда, а за ними послали и изъ сотенъ и подхорунжихъ всѣхъ... Выдерживали; потомъ шли въ школы прапорщиковъ и уже на Днѣстрѣ мы видѣли ихъ у себя с блестящими погонами, счастливыхъ и благодарныхъ.

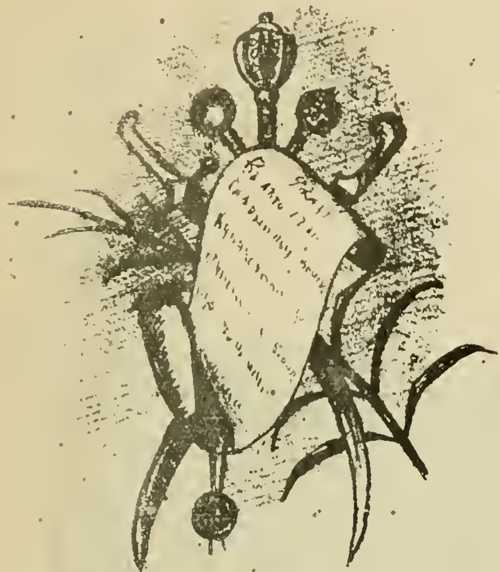
Дессанта не дождались; союзники не прорвались къ Царьграду, но зато на Карпатахъ нѣмцы прорвали русскій фронтъ; «фаланга» Макензена гнала неудержимо армію къ р. Сану; пластуновъ посадили въ поѣзда и быстрѣй курьерскаго погнали на Санъ выручать солдатъ.

Днѣпръ. Волынь. Радзивиловъ. Львовъ. Высадка въ Садовой Вишнѣ и походъ на Яворовъ къ Ярославлю на р. Сожъ; встрѣча съ «фалангой», упорные бои съ гренадерами германской гвардіи и съ гвардіей; пластуны фалангу задержали и стяжали себѣ славу «ударной дивизіи», которая потомъ посылалась по всему фронту, спасая положеніе.

Полковникъ С. Федоровъ.

Оренбургское Казачье Военное училище и Куб. Каз. Войско

Въ 1898 году закрыто было Ставропольское казачье юнкерское училище, — этотъ мѣстный краевой и дорогой разсадникъ г.г. офицеровъ для Кубанскаго и Терскаго Казачьихъ Войскъ, и — для Казачьей молодежи Кавказскихъ Казачьихъ Войскъ съ незаконченнымъ среднимъ образованіемъ, для вольноопредѣляющихся и для заслуженныхъ строевыхъ казаковъ, желающихъ стать офицерами, какъ и для самихъ Войскъ — невольно всталъ вопросъ — Куда теперь?!.

Ярко и опредѣленно обозначился городъ Оренбургъ и въ немъ — Оренбургское Казачье юнкерское училище.

Въ серединѣ 19-го столѣтія, въ городѣ Оренбургѣ, были учреждены Офицерскіе курсы, которые 20 декабря 1868 года преобразовались въ —

«Оренбургское окружное юнкерское училище».

Первоначально училище имѣло два отдѣленія: пѣхотное (рота) и казачье (сотня). Штатъ училища былъ разсчитанъ на 200 юнкеровъ съ двухъ-годичнымъ курсомъ. По окончаніи курса, юнкера выпускались: въ пѣхоту — подпрапорщиками, а въ казачьи части — Оренбургскаго, Уральскаго и Сибирскаго Казачьихъ Войскъ — подхорунжими.

Тѣ и другіе, по прослуженіи въ строю извѣстнаго числа лѣтъ (окончившіе по первому разряду — через годъ, а по второму разряду — по мѣрѣ очищенія вакансій), производились въ офицеры — въ подпоручики и хорунжіе.

После открытія въ г. Казани окружнаго юнкерскаго училища — пѣхотное отдѣленіе въ Оренбургскомъ училищѣ было закрыто. Съ тѣхъ поръ последнее стало чисто Казачьимъ юнкерскимъ училищемъ. Первымъ начальникомъ училища былъ Полковникъ Котовъ. Но особенно яркій слѣдъ въ училищѣ оставилъ Полковникъ В. А. Потто (впослѣдствіи извѣстный военный историкъ), занимавшій должность начальника училища въ теченіи одиннадцати лѣтъ — съ 1870, по 1882 г. Прекрасный администраторъ и высокообразованный военный педагогъ — онъ въ дѣло воспитанія юношества вкладывалъ всю свою душу. Онъ собралъ богатую библіотеку, стѣны училища украшалъ богатѣйшими гравюрами и картинами изъ временъ Кавказской войны, кои были въ училищѣ до послѣднихъ дней существованія училища — до 1919 года.

При немъ были построены — церковь и манежъ.

Въ 1901 году было закрыто казачье отдѣленіе (взводъ) при Иркутскомъ юнкерскомъ училищѣ и, съ этого года, молодые казаки Забайкальскаго, Амурскаго и Уссурійскаго Казачьихъ Войскъ, командировались для полученія военнаго образованія, въ Оренбургское училище.

Такимъ образомъ, ходомъ событій, Оренбургское училище сдѣлалось общеказачьимъ юнкерскимъ училищемъ. Въ немъ были представлены всѣ «Войска», кромѣ Донского, имѣвшаго свое училище въ Новочеркасскѣ. Въ строю сотня юнкеровъ блистала всѣми цвѣтами нарядной радуги: юнкера носили форму одежды — каждый своего Войска и справляли ее на собственный счетъ.

Въ 1901—1902 учебномъ году, какъ и во всѣхъ юнкерскихъ училищахъ, въ Оренбургскомъ казачьемъ былъ введенъ 3-хъ годичный курсъ программы. Съ 1904 года, юнкера изъ училища стали выпускаться въ полки, сразу же, офицерами.

Въ 1902 году, начальникомъ училища былъ назначенъ Генеральнаго штаба Полковникъ М. И. Михѣевъ (донской казакъ). Въ то же время, начальникомъ Новочеркасскаго юнкерскаго училища состоялъ Генеральнаго штаба Полковникъ А. М. Калединъ (впослѣдствіи извѣстный Донской Атаманъ).

Въ 1903 году, вслѣдствіе совмѣстныхъ ходатайствъ обоихъ начальниковъ казачьихъ училищъ, обмундированіе въ училищахъ было принято на счетъ Войскъ, по принадлежности юнкера. При этомъ, въ Оренбургскомъ училищѣ была введена однообразная форма одежды для всѣхъ юнкеровъ, по образцу Оренбургскаго Войска, но съ погонами алаго (а не голубого) цвѣта.

Въ томъ же 1903 году, училищу было Высочайше пожаловано знамя. Церемонію передачи знамени производилъ Наказный Атаманъ Оренбургскаго Казачьяго Войска Генералъ-Лейтенантъ Я. Ф. Барабашъ, въ училищномъ лагерѣ, на горѣ «Маякъ», при весьма торжественной обстановкѣ.

Видъ Оренбургскаго Казачьяго военнаго училища. Вверху — Зимній манежъ для волтижировки. Вдали его — училищная церковь. Внизу — корпусъ зданія. Правая аллея — постоянный выходъ юнкеровъ въ городъ и церковь.

Въ 1907 году, начальникомъ училища былъ назначенъ Генеральнаго штаба Полковникъ К. К. Слесаревъ (терскій казакъ). Онъ оказался впослѣдствіи начальникомъ училища до послѣднихъ дней существованія училища, до 1920 года, который, почти со всѣмъ училищемъ, въ далекихъ дебряхъ Сибири отступающей Арміи Адмирала Колчака, былъ отрѣзанъ и окруженъ красными войсками и попалъ въ плѣнъ къ нимъ.

Въ 1909 году, всѣ окружныя юнкерскія училища, въ томъ числѣ и Оренбургское, были приравнены во всѣхъ правахъ къ военнымъ училищамъ, и всѣ стали называться

«военными училищами»,

а Оренбургское стало оффиціально именоваться

«Оренбургское Казачье училище».

Во время Великой войны, училище давало ускоренные курсы производства въ офицеры.

Въ концѣ 1917 года, послѣ большевицкаго переворота, когда Оренбургское Казачье Войско не признало новой власти и выбрало своимъ Войсковымъ Атаманомъ высокообразованнаго, своего же Оренбургскаго казака, Академика, знаменитаго потомъ Атамана, Полковника А. И. Дутова, бывшаго помощника инспектора классовъ и преподавателя Оренбургскаго училища — красные повели наступленіе на Оренбургъ съ двухъ сторонъ — со стороны г. Самары и со стороны Туркестана. Сотня юнкеровъ принимала самое активное участіе во всѣхъ этихъ бояхъ на подступахъ къ Оренбургу. Его же длинное мрачное казарменное зданіе, служило цитаделью при оборонѣ, гдѣ и помѣщался штабъ Войскового Атамана.

Въ первыхъ числахъ февраля мѣсяца 1918 г., Оренбургъ палъ. Генералъ Слесаревъ увелъ сотню юнкеровъ къ Уральскимъ казакамъ, въ городъ Уральскъ. Училище, какъ и всѣ учрежденія Оренбургскаго Войска, подверглись невиданному разгрому ворвавшихся красныхъ полчищъ, гдѣ было уничтожено все, что такъ долго и кропотливо собиралъ въ училищныя коллекціи Полковникъ Потто и другіе Начальники.

Въ іюлѣ 1918 года, Оренбургскіе казаки освободили свой Войсковой городъ и училище вновь было призвано къ жизни на разрушенныхъ пепелищахъ своихъ, но уже въ январѣ 1919 года, послѣ ожесточенныхъ боевъ, Оренбургъ вновь палъ и училище, въ спѣшномъ порядкѣ, эвакуировалось въ Сибирь. Послѣ цѣлаго ряда скитаній, оно обосновалось въ г. Иркутскѣ, гдѣ и приступило къ занятіямъ, но — не надолго. Въ концѣ 1919 года Сибирскій фронтъ рухнулъ. Въ Иркутскѣ произошло возстаніе мѣстныхъ эсеровъ и большевиковъ.

Училище было окружено красными частями и захвачено полностью... Удалось спастись только нѣсколькимъ юнкерамъ...

Такъ жутко закончило свое существованіе наше родное Оренбургское казачье военно училище.

Итакъ, въ 1898 году, по закрытіи Ставропольскаго юнкерскаго училища, кубанская молодежь, не получившая средняго образованія, невольно взоры свои обратила къ далекому Оренбургу, гдѣ было свое казачье юнкерское училище.

Всѣхъ вакансій въ училищѣ было 120. Наибольшее ихъ число, по праву «первородства», имѣло Оренбургское Войско — 36, затѣмъ Кубанское — 18, и Терское — 12. Остальные Войска — Уральское, Астраханское, Сибирское, Семирѣченское, Забайкальское, Амурское и Уссурійское — имѣли вакансіи пропорціонально своей мощи. Послѣднее имѣло всего лишь одну вакансію.

И вотъ, Кубанское Казачье Войско, первое по величинѣ и могуществу изъ всѣхъ Казачьихъ Войскъ послѣ Донского Войска — оно буквально задыхалось въ этихъ своихъ 18-ти войсковыхъ вакансіяхъ. Наплывъ вольноопредѣляющихся 2-го разряда изъ первоочередныхъ полковъ Войска, и, даже, изъ Пластунскихъ баталіоновъ, настолько былъ великъ, что устанавливался жестокій конкурсъ. Но драма была еще въ томъ, что этотъ конкурсъ опредѣлялся только въ наличіи своихъ Войсковыхъ, Кубанскихъ, вакансій, а не всего училища. Провѣрено и установлено, что юнкера другихъ Войскъ, за малымъ пріѣздомъ, поступали на свои войсковыя вакансіи безпрепятственно и, даже, порою, ихъ не заполняли. Кубанцы же, прибывая въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ ежегодно — никогда не имѣли своихъ свободныхъ вакансій и ждали — когда имъ останутся они — или отъ неприбывшихъ, или отъ невыдержавшихъ вступительныхъ экзаменовъ казаковъ другихъ Войскъ. Но эти чужія свободныя вакансіи зачислялись Кубанцы, уже по общему конкурсу, и училищное начальство потомъ уже хлопотало передъ Кубанскимъ Наказнымъ Атаманомъ о принятіи этихъ новыхъ, дополнительныхъ расходовъ, на Войсковой счетъ. Въ такомъ положеніи, вновь поступившіе юнкера, маялись не меньше мѣсяца — другого, не зная, согласится ли Войсковое Начальство взять на себя лишній расходъ, или, можетъ быть, имъ придется снять мундиръ юнкера и вновь обратиться въ «вольноопредѣляющихся». Столь жуткія переживанія молодой клокочущей стремящейся души — ежегодно испытывали молодые казаки-Кубанцы въ далекомъ чужомъ Оренбургѣ, не имѣя твердаго положенія и болѣя душой, при мысли — «а вдругъ отказъ»!

Въ 1912-омъ году, цѣлый рядъ Кубанскихъ вольноопредѣляющихся, окончившихъ учебныя команды, съ двумя нашивками младшаго урядника и выдержавшихъ вступительный экзаменъ въ среднемъ на 10,5 балловъ — и всѣ они уѣхали назадъ въ свои полки, такъ какъ Войско отказалось взять на себя лишній расходъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, окончивъ свою службу, — ушли эти молодые, воински воспитанные и отлично подготовленные къ строю молодые казаки на льготу и, въ силу горькой нужды — предпочли искать новыхъ путей къ жизни, разъ постигла неудача тамъ, куда они такъ стремились...

Такъ или иначе, но Кубанцы, какъ и Терцы, всегда заполняли чужія вакансіи и вмѣсто 18-ти, ихъ было свыше 30-ти, а терцевъ — до 20-ти человѣкъ. Эти два однородныхъ «войска» вносили рѣзкую и доминирующую струю Кавказскаго Казачества въ стѣны далекаго степного Казачьяго военнаго училища. Живой характеръ, кавказская туземная гиковость, черноморскій юморъ и чарующая музыкальностью пѣснь ихъ, мягкая походка, кавказская лезгинка и казачекъ вприсядку — все это прямо таки выпирало наружу въ стѣнахъ далекой степной школы.

Не въ обиду будь сказано другимъ «войскамъ» — сотня юнкеровъ иныхъ пѣсенъ въ училищѣ и не пѣла, кромѣ Кубанскихъ и, частью, Терскихъ. Это объяснялось — съ одной стороны — богатымъ и разнообразнымъ репертуаромъ пѣсенъ этихъ Войскъ, а, во-вторыхъ — врожденной музыкальностью ихъ сыновъ - казаковъ, составлявшихъ вмѣстѣ добрую половину всей сотни юнкеровъ. Но въ училищѣ, вообще не было никакого антагонизма между войсками и пѣсни Кубанскихъ казаковъ съ удовольствіемъ воспринимались и остальными юнкерами какъ что-то свое родное казачье и общее наше достояніе. Правда, по Войскамъ юнкера разли-

чались въ своихъ привычкахъ и особенностяхъ: кавказцы, въ особенности Черноморцы, были болѣе безпечны, щеголеватѣе, ударяли на строй и въ немъ чаще другихъ брали первенство въ состязаніяхъ; Оренбургцы были болѣе усидчивые въ наукахъ. Рѣзкой войсковой сплоченностью между собой выдѣлялись Забайкальцы, сплошь съ восточнымъ бурятскимъ прорѣзомъ глазъ и Уральцы; послѣдніе были хорошіе наѣздники. Остальные Войска, за малочисленностью, — своей особенностью рѣзко не выдѣлялись.

Разность войскъ характерно обрисовывалась въ часы частнаго праздничнаго чаепитія, послѣ церковной службы, въ училищной столовой. Тогда уже группировались всѣ по своему Войсковому признаку и шумно, по братски, проводили вмѣстѣ часъ - другой, ударяя каждый по войсковымъ «лакомствамъ»: Кубанцы и Терцы — на свиное сало; Уральцы — на рыбу, а всѣ остальные войска — на калмыцкій чай. Еще была одна особенность: большинство Кубанцевъ и Терцевъ, при встрѣчѣ, и въ своемъ обиходѣ — старались, почему - то, говорить по-черноморски. Въ этомъ, какъ бы подчеркивалось извѣстное казакоманство, свой особенный, южно-казачій стиль, казачій аристократизмъ... Кубанцы и Терцы — въ особенности жили дружно между собою: однородность войскъ, даль родины, иной климатъ — суровый и непривѣтливый — бѣдная растительность, чуждая, стѣсняющая тѣло, форма одежды и прочіе контрасты мягкаго теплаго «юга» съ суровымъ «сѣверо-востокомъ» — все это вмѣстѣ взятое — невольно давало ощущать кавказцамъ близость другъ къ другу и что они «не у себя дома», а словно въ командировкѣ, «заграницей».. и каждый изъ нихъ высчитывалъ — сколько же еще дней ему осталось носить эту «шинель»...

Но зато на училищномъ праздникѣ 20-го декабря, который проводился весьма торжественно, помпезно и заканчивался пышнымъ баломъ до утра — Кавказцы проявляли себя по всю. Имъ разрѣшалось быть въ своихъ черкескахъ, нашивъ на нихъ юнкерскія погоны. Этотъ балъ съ трепетомъ ожидали всѣ и въ особенности учащаяся женская молодежь. Этотъ «юнкерскій» балъ былъ лучшимъ во всемъ городѣ, гдѣ стоялъ довольно сильный гарнизонъ и гдѣ было очень много учебныхъ заведеній. Одно ужъ сказать, что въ городѣ было два кадетскихъ корпуса, женскій институтъ, три женскихъ гимназіи, двѣ мужскихъ, реальное училище, епархіальное училище и много другихъ мелкихъ. И вотъ, на немъ то, на этомъ балу, куда собирался весь цвѣтъ гарнизона и городской аристократіи — юнкера - кавказцы, въ цвѣтныхъ своихъ черкескахъ, порою расшитыхъ выше положеннаго, въ чевякахъ, въ папахахъ, затянутые поясами до-нельзя — они были буквально кумиромъ дѣвицъ, завистью мужчинъ, украшеніемъ учили-ща, гвоздемъ вечера... Магически пронизывало шумный балъ слово — «лезгинка»...!» ...«лезгинка..» и, все спѣшило туда, гдѣ кучковались кавказцы. И какъ полагается — въ широкомъ кругу, сидючи «по восточному», или на корточкахъ и, обязателвно подъ,

«горе намъ, Фези къ намъ...»

— выскакивали они въ кругъ съ немилосердно дикими выкриками и профланировавъ по кругу «бѣлымъ лебедемъ» — да потомъ въ срединѣ круга — «на пальцы», «на пальцы...!» О фурорѣ не приходится уже и говорить... все «таяло» кругомъ...

Вообще, юнкера - кавказцы, были въ льстящей модѣ тамъ, въ Оренбургѣ. Насъ даже жители называли «черкесами», заглядывались и, слегка сторонились отъ... боязни: черкесы... дикари...

Никакихъ «цукательныхъ» и принижающихъ достоинство юнкера и человѣка «традицій» въ училищѣ не было. Было одно — это «похороны расписанія уроковъ» выпускнымъ классомъ, передъ началомъ экзаменовъ. И, хотя столь безобидный обычай допускался открыто, но дежурный офицеръ старался все это «не видѣть и не знать». Заключался онъ въ томъ, что изъ дальняго класса, на носилки изъ пикъ клали росписаніе уроковъ и торжественно проносили его по всему помѣщенію, до гимнастическаго зала.. Впереди шелъ «священникъ» съ «поппомъ» и хоръ; за ними «караулъ» съ обнаженными шашками вокругъ носилокъ, а дальше — старшіе классы строемъ... Всѣ остальные юнкера могли только молчаливо присутствовать. Въ гимнастическомъ залѣ, весь старшій классъ выстраивался, росписаніе выносилось на носилкахъ передъ серединой строя и здѣсь одинъ изъ «способныхъ» къ остроумію — читалъ «ему» длинный - предлинный «приговоръ», написанный въ правдиво - юмористическихъ тонахъ, какъ оно это, «росписаніе» въ теченіи цѣлыхъ трехъ лѣтъ издѣвалось надъ юнкерами и портило имъ кровь, принуждая ихъ сидѣть за нудными учебниками и т. д., и т. д. и сколько черезъ него пострадало людей «безъ отпуска» и, въ особенности, за англійскій языкъ. Этотъ остроумный приговоръ возбуждалъ у слушателей вольготно - веселое настроеніе и заканчивался присужденіемъ «его» къ высшей мѣрѣ наказанія — къ публичному сожженію; послѣдния слова покрывались дружными выкриками «ура» и расписаніе, приподнятое на пикахъ (отнюдь не дотрагиваясь до него, изъ брезгливости, руками), торжественно сжигалось. Въ этотъ же день, въ 4 часа дня, идя на обѣдъ, — сотня выстраивалась, какъ всегда, въ проходномъ корридорномъ залѣ; вахмистръ сотни командовалъ «смирно», сотня замирала, оркестръ гремѣлъ торжественный «офицерскій отбой»:

«Полно вздоромъ заниматься,
«Трубачъ труби отбой...»,

и, подъ звуки юнкеровъ-трубачей, сотня бравурно маршировала въ столовую на обѣдъ.

У всѣхъ было на душѣ легко и весело: учебный годъ законченъ, а для выпускного класса — навсегда...

Въ 1912 году, старшій классъ задумалъ ввести «традицію» — чтобы оба младшихъ класса называли бы ихъ «г.г. хорунжими», какъ это было въ сотнѣ Николаевскаго Кавалерійскаго училища.

Узнавъ объ этомъ, командиръ сотни, Есаулъ Бочаровъ (Терскаго Войска), весьма любимый всѣми юнкерами за его умъ, спокойствіе и всегдашнее рѣзко- отеческое наставленіе вмѣсто дисциплинарныхъ взысканій — вызвать въ отдѣльный классъ всѣхъ взводныхъ портупей-юнкеровъ, — Беринцева, Кашрина, (оба оренбуржца), Елисѣева, Ряднину (оба кубанца), вахмистра сотни Вертепова (терецъ) и, какъ всегда, рѣзко-тягуче пронизалъ насъ:

«Вы что это тамъ у меня — а-а-а.?!
Традицію задумали вводить?
Чтобы я больше о ней не слышалъ,
— поняли.?!»

Мы — поняли... а пишущему эти строки, — какъ главному иниціатору — онъ сказалъ еще нѣсколько «теплыхъ» словъ» и, «традицію», — какъ рукой смахнуло...

Между собой юнкера жили дружно, запросто. Заслуженное уваженіе оказывалось всѣми старшему классу, а вообще — это была однородная про-

Характерная группа юнкеровъ училища въ зимней (въ папахѣ) и лѣтней формахъ. Сидятъ: слѣва — **мл. портупей-юнкеръ 1-го взвода, Кубанецъ В. Д. Гамалій, нынѣ Полковникъ, совершившій въ 1915 г. знаменитый конный рейдъ въ Мессопотамію, на соединеніе съ англійскими войсками, во главѣ 1-й сотни 1-го Уманскаго полка, будучи тогда въ чинѣ сотника.** Правѣе его **(✝) Терецъ, юнкеръ Акуловъ. Зарубленъ курдами въ неудачной конной схваткѣ на Кавказскомъ фронтѣ, у Дутаха, въ самомъ началѣ войны, въ 1914 г., въ чинѣ хорунжаго 3-го Волгскаго полка Терскаго Казачьяго Войска..** Стоитъ— **Кабардинецъ - Терецъ (✝) знаменитый Зауръ-бекъ Серебряковъ-Доутоковъ, который въ 1918 году возглавлялъ, въ чинѣ Ротмистра, Кабардинскую конную бригаду и, будучи вытѣсненъ красными со своей территоріи — вывелъ ее въ Баталпашинскій отдѣлъ и въ 1919 году, въ чинѣ Полковника, подъ Царицыномъ, былъ безжалостно зарубленъ красными въ неудачной конной схваткѣ своихъ кабардинцевъ.**

(Снимокъ относится къ 1910 г., въ Оренбургѣ)

Наряду съ этими видными юнкерами училища — съ удовольствіемъ отмѣчаемъ, что знаменитый Войсковой Атаманъ Забайкальскаго Казачьяго Войска Генералъ-Лейтенантъ Семеновъ, является воспитанникомъ Оренбургскаго Казачьяго военнаго училища, которое окончилъ по первому разряду въ 1911 году, будучи юнкеромъ 1-го взвода.

(Ѳ. Е.)

стая братская казачья семья, гдѣ уваженіе дѣлалось только личнымъ качествомъ юнкера и только, такъ какъ ни титулованныхъ, ни богатыхъ, ни нѣженокъ, ни доносчиковъ среди юнкеровъ не было, а всѣ были буквально на 90 процентовъ — дѣти простыхъ казачьихъ земледѣльческихъ семействъ, и, попавъ въ училище, всѣ дорожили своимъ положеніемъ и трудились въ наукахъ откровенно, зная, что ихъ ждетъ впереди.

Поступая въ училище большею частью изъ строевыхъ частей, выпускаемые офицеры изъ Оренбургскаго училища были отлично подготовлены къ строю, а если принять во вниманіе, что многіе до поступленія въ него оканчивали даже учебныя команды въ полкахъ и потомъ еще въ училищѣ 3 года мялись въ сѣдлѣ — легко себѣ представить, какіе изъ нихъ выходили офицеры. И еще эта трехъ-лѣтняя ѣзда на широкомъ вольготномъ плацу, долгій лагерь въ степи — съ мая по августъ — и парфорсная охота по осени — тѣмъ болѣе давали сами по себѣ многое. А зимою, при рыхломъ снѣгѣ — ѣзда всегда заканчивалась джигитовкой, не говоря уже о конномъ ученіи въ хорошую погоду. Рубка бывала каждый день. Кромѣ этого, большинству юнкеровъ 1-го спеціальнаго класса выдавали ежегодно, изъ ремонта, молодыхъ лошадей—«неуковъ», которыхъ они сами выѣзживали и уже на нихъ проводили ученіе цѣлыхъ два года, — до самаго выпуска въ офицеры. Въ лагерѣ же — ширь степи, ежедневныя конныя занятія, полевая съемка въ сѣдлѣ, а затѣмъ — 3-хъ недѣльный походъ по Оренбургской губерніи, гдѣ уже не полагалось никакихъ «конюховъ», а юнкера обязаны были обходиться съ лошадью сами — все это вмѣстѣ взятое, давало каждому юнкеру твердость въ сѣдлѣ, внѣдряло устойчивое понятіе не только въ техникѣ ѣзды, но и въ лошади и вырабатывали въ немъ естественное наѣздничество. Были, конечно, и недостатки: юнкера степныхъ Войскъ были привыкшіе, но насъ, кавказцевъ, не удовлетворяло:

1. Маленькіе, косматые, головастые и тугоуздые степные кони — киргизской породы. Тугоуздость ихъ была настолько велика, что въ лагерѣ, на сотенномъ ученьи, когда сотня переходила въ широкій наметъ, — 4-й взводъ, обычно, «распылялся». Схвативъ пику въ обхватъ, въ зажимъ локтя, а поводья въ обѣ руки, — таскали и въ такомъ положеніи, и какъ хотѣли, эти заносистые маштаки слабосильныхъ юнкеровъ 4-го взвода, пока сотня не останавливалась и они, движимые стаднымъ чувствомъ, сами не вскакивали безудержно въ строй, ломая его.

2. Простыя, грубой отдѣлки, неуклюжія сѣдла и къ нимъ, упряжного сорта ремни.

3. Громадныя тяжеловѣсныя степныя шашки. Вообще, въ снаряженіи и обмундированіи — училище хромало. Здѣсь чувствовалось — и даль его отъ «центра» и — 2-е положеніе, да и само зданіе — бывшія казармы — не ласкало глазъ снаружи. Но училище брало молодую душу юнкера своимъ уютомъ, простотой и сердечностью.

Въ 1913 году, военный министръ генералъ Сухомлиновъ, объѣзжая весь Туркестанъ, проинспектировалъ и Оренбургское училище. Какъ самъ конникъ и спортсмэнъ, онъ невольно остановился на конскомъ составѣ, и видно было, что лошади ему, опредѣленно, не понравились. А смущенная «поза», слегка располнѣвшаго бариноообразнаго Начальника училища Генерала Слесарева, въ долгомъ положеніи «смирно» передъ министромъ, на училищномъ дворѣ, возлѣ конюшенъ, послѣ осмотра лошадей — ясно говорили намъ, юнкерамъ, выглядывавшимъ кучными толпами въ окно со второго этажа, что разговоръ былъ именно о лошадяхъ и не изъ пріятныхъ.

И насъ, кавказцевъ, пріѣзжавшихъ на каникулы къ себѣ въ станицы и сѣдлавшихъ дома своихъ изящныхъ, тонкихъ, нѣжноуздыхъ, поджарыхъ кабардинскихъ лошадей, — явно, тѣ кони, не удовлетворяли. Мы невольно тосковали и думали — эхъ, если бы наши горныя лошади да своя черкеска съ юнкерскими погонами, да и вообще — если бъ свое училище тамъ, на Кавказѣ... И это чувство вполнѣ понятно и законно возникало у Кубанской и Терской юнкерской молодежи.

Не говоря уже объ ограниченности вакансій, какъ главной препонѣ для поступленія туда — это была еще жестокая даль... Четыре дня ѣзды поѣздомъ съ Кавказа до Оренбурга, суровый континентальный климатъ, чуждая обстановка, чуждая форма одежды... И было такъ, что поступавшіе изъ гимназіи, которые дома никогда не носили свою казачью форму одежды — они при выпускѣ въ офицеры одѣвались такъ, что вызывали улыбку со стороны. Конечно, такой офицеръ не могъ же въ умѣньи одѣваться быть примѣромъ и учителемъ казаку въ сотнѣ. Это какъ будто мелочь, — (форма одежды), но она имѣетъ глубокое воспитательное значеніе, и если говорить о Казачествѣ — то, конечно, оно, Казачество, не должно быть ни въ пиджакахъ, ни въ галстукахъ.

Національно политическая партія въ странахъ, для будированія наибольшей гордости и возбужденія пульса, моральной сцѣпки между собой, для героическаго пафоса, — вырабатываютъ однообразную форму одежды, и, конечно, воинственную. Намъ же, казакамъ, остается только сохранить свою родную старую одежду — ее вѣковую стильно - красочную, бодрящую... Для Кавказскихъ казаковъ — Оренбургское училище не являлось въ этомъ отношеніи желаннымъ и — давало минусъ. И еще въ худшемъ положеніи была Кубанская мо-

лодежь, окончившая разныя пѣхотныя училища какъ-то: Тифлисское, Одесское, Чугуевское и другія малоизвѣстныя Кубани.

Насущноость имѣть свое Войсковое военное училище выдвигалось замѣтно; да отчего же его и не имѣть Войску Кубанскому своего собственнаго иль съ Терскимъ Войскомъ совмѣстно? Каждый годъ, изъ разныхъ училищъ, въ Кубанскіе полки и баталіоны пріѣзжало отъ 3 до 5 молодыхъ хорунжихъ (въ каждый полкъ). Всѣхъ же первоочередныхъ полковъ въ Войскѣ было 11, и 6 баталіоновъ, а всего — 17 единицъ, не считая 5 батарей Войска. Слѣдовательно, Войско ежегодно комплектовалось приблизительно 75-ью молодыми офицерами, т.-е. одно Кубанское Войско должно было бы уже имѣть свою собственную сотню юнкеровъ. Необходимость затраты Войсковой суммы вполнѣ окупилась бы не только моральнымъ удовлетвореніемъ и Войсковою горделивостью, но и достойною подготовкою на родной Кубанской территоріи своей Кубанской молодежи, въ достойномъ войсковомъ духѣ и своими же Кубанскими офицерами. И какъ былъ бы великъ наплывъ этой молодежи, въ свой родной и близкій сердцу, стольный городъ Екатеринодаръ — окруженный какъ матка пчельнымъ роемъ своихъ станицъ, богатыхъ, многонаселенныхъ... а отсюда — богатѣйшій выборъ комплектованія и навиду у Войскового Атамана — онъ безусловно былъ бы такъ великъ, такъ возможенъ, такъ желателенъ, такъ необходимъ. Начавшаяся Великая война, эту необходимость ярко выявила, и, уже въ 1915 г., въ Екатеринодарѣ, была открыта школа прапорщиковъ, мощная и солидная, принявшая въ свои объятія заслуженныхъ и боевыхъ вахмистровъ - подхорунжихъ и вольноопредѣляющихся Казачьихъ Войскъ. Чѣмъ бы это закончилось, эта Екатеринодарская школа прапорщиковъ, если бы война завершилась удачно для насъ, — остается теперь только гадать, но неожиданно развернувшіяся событія — захватъ власти большевиками во всей Россіи, а отсюда временная государственная независимость Кубанскаго Края — все это невольно толкнуло на крайнюю необходимость установленія въ Войскѣ своего собственнаго военнаго училища, да еще такого громоздкаго, съ отдѣлами: пластунскимъ, коннымъ, артиллерійскимъ и техническимъ. Кстати, юнкера Кубанскаго Войска, главнымъ образомъ Николаевскаго кавалерійскаго и другихъ училищъ, послѣ разгрома большевиками ихъ училищъ на мѣстахъ, прибывшіе къ себѣ на родину, не знали куда имъ дѣваться и какъ закончить свое начатое военное образованіе. И вышло такъ, какъ говоритъ русская пословица: не было бы счастья, да несчастье помогло... Потребовалось цѣлое разрушеніе Великой страны, чтобы Кубанское Казачье Войско возымѣло бы право и возможность создать свое собственное Кубанское военное училище, которое, къ сожалѣнію, пріютилось тогда гдѣ-то на окраинѣ города, — сѣро и незамѣтно, а красные, занявъ Екатеринодаръ — свое красное кавалерійское училище — сразу же помѣстили въ лучшемъ и нарядномъ зданіи во всемъ городѣ, — въ прекрасномъ, благородной архитектуры, зданіи Войскового Маріинскаго женскаго Института... Тѣ рубанули смѣло и — сплеча. Къ тому же — Войсковая гордость и достоинство, не были проявлены до конца: Кубанское военное училище принципіально и для доподлинности казачьяго пафоса — должно было бы носить шефство своего Войскового Атамана.

Въ Донскомъ Войскѣ, все это, и другое многое, выходитъ какъ то выпуклѣе, опредѣленнѣе, красочнѣе...

«Кубанское Войсковое Атаманское военное училище» — звучало бы для сердецъ Кубанскихъ казаковъ, — проникновеннѣе.

Земно кланяюсь былому, далекому и милому: родному и разрушенному «красными» — Оренбургскому Казачьему военному училищу, которое за время своего существованія выпустило не одну сотню юнкеровъ - Кубанцевъ въ офицеры — но долженъ открыто сказать, что при всѣхъ возможныхъ варіантахъ возрожденія Россіи — Кубанскому Войску не придется командировать въ такую даль своихъ сыновъ... Мы приложимъ всѣ свои силы къ тому, чтобы Кубанское Войско сохранило бы на своей территоріи свое Войсковое военное училище.

Дѣло будущаго Войскового Атамана и правительства, —какъ провести и закрѣпить этотъ необходимый вопросъ для Войска, но дѣло строевой подготовки и дѣло внѣдренія въ молодыя казачьи души Войсковой Гордости и Казачьяго Пафоса, — сдѣлаемъ мы — кадровые офицеры.

Оренбургскаго Казачьяго военнаго училища,
выпуска 1913 года,
взводный портупей-юнкеръ Ѳ. Елисѣевъ.

„Битва казаковъ съ черкесами“

Ш.

(Воспоминанія)

Представьте себѣ самую обыкновенную степную рѣчку, при тихой погодѣ съ неподвижно стоящею водою, благодаря длинной гати, задерживавшей воду на уровнѣ двухъ спусковъ мостовъ для стока лишней воды. По сѣверному, слегка повышенному отъ рѣки склону, расположены правильно въ три улицы, уютныя бѣлыя хаты съ огромными дворами и незатѣйливыми, на нихъ постройками. Всюду, куда только, можетъ проникнуть глазъ, по улицамъ, виднѣются около хатъ палисадники и цвѣтущія въ нихъ растенія, а въ большинствѣ сады и вишневые садочки. По срединѣ же станицы рѣзко выдѣляется обширная площадь, съ небольшою церковью, тщательно крашеною бѣлою краскою и еще тщательнѣе размалеванною ярко зеленымъ цвѣтомъ по карнизамъ и куполамъ. Вокругъ церкви въ рѣшетку, вся изъ зеленыхъ столбиковъ въ перемежку съ бѣлыми, опоясанныхъ зеленою лентою, а внутри ограды молодой вишнякъ и сливы, окаймляющіе съ трехъ сторонъ зданіе церкви. Это церковный садъ, который мы, дѣти, называли садочкомъ.

Настоящіе сады съ густымъ вишнякомъ, рослыми сливами, раскидистыми яблонями, большими грушами, могучими тополями и кудрявыми вербами, тѣснятся у рѣки по дворамъ, расположеннымъ ниже береговой улицы и примыкающимъ къ самой рѣкѣ. Заманчивыя это для дѣтей мѣста, какъ по своимъ соблазнительнымъ плодамъ, такъ и по густой и высокой растительности изъ коноплн, болиголовы, лопуховъ, куги и камыша. Хорошо играть здѣсь въ прятки или въ «овець і вовка». Юркнешь въ сокровенную поросль — и слѣдъ твой простылъ. Куда тамъ найти волку даже глупую овцу!

А тамъ, на верхушкахъ вербъ и тополей, цѣлыя полчища грачей, галокъ и воронъ! И такъ они всегда громко кричатъ и живо напоминаютъ о себѣ, столько тамъ гнѣздъ, что, бывало, сердце бьется при одной мысли о возможности взобраться на самую верхушку тополя и наложить «повный картузъ» грачиныхъ яицъ изъ чернѣющихъ въ вѣтвяхъ гнѣздъ или забрать изъ гнѣзда маленькихъ пищащихъ галчатъ. Сильно было у меня это желаніе, но признаюсь откровенно, что ни разу не касилась моя рука ни яицъ, ни птенчиковъ, и не потому, что рисковано было взбирать ся на верхушки большихъ деревьевъ, а какъ то брала охота, а рука не налегала.

Сады въ свою очередь оттѣняются широкою степною рѣчкою, съ тихою - тихою и блещущею отъ солнца, какъ огромное зеркало, или слегка дрожащею, какъ расплавленный металлъ, водною поверхностью, когда бываетъ свѣтло и безвѣтренно, въ особенности утрами и передъ вечеромъ. Когда же бушуетъ вѣтеръ и зеркальная поверхность превращается въ мутную сѣроватую жидкость, тогда по поверхности ходятъ волны большія, сѣрыя и шумящія, точно онѣ гоняются одна за другою съ оскаленными зубами въ видѣ бѣлѣющихъ на нихъ гребчей и стараются сѣсть, поглотить одна другую. Мои сверстники, деревянковскіе казачата, были того мнѣнія, что «ґо річка сердиться на вітер та скале зуби».

Къ противоположному берегу рѣки прилегаетъ въ одномъ мѣстѣ высокій и тонкій камышъ, перемежающійся сначала съ зеленымъ лознякомъ, дальше совершенно исчезающій въ старомъ саду при хуторѣ вдовы есаула Притули. О! Это былъ завѣтный для меня уголокъ, попасть въ который я всегда мечталъ, сидя на противоположномъ берегу рѣки. Если бы только, думалось мнѣ, старый Шень рыболовъ взялъ меня въ каюкъ, на которомъ онъ ѣздилъ на ту сторону рѣки «трусить рыбу в вентерях і кошах», то я нарѣзалъ бы цѣлый пукъ наилучшаго камыша для себя и пріятелей и мы на-

дѣлали бы изъ него чудесныхъ верховыхъ лошадей, ружьевъ и шашекъ.

Но сегодня поразительная тишина въ станицѣ. И галки съ грачами молчатъ, и вороны не каркаютъ, и стараго Шеня не видно на рѣкѣ, и на улицѣ никто не показывается. Всѣ и все точно спятъ. Въ станичномъ правленіи ямщики и десятники, въ лавкахъ — лавочники, въ кабакѣ — кабатчики — всѣ смирно сидятъ по своимъ мѣстамъ вялые и безжизненные. Жарко, невыносимо жарко и душно. Станичное населеніе почти все въ степи.

И вотъ, среди этой дремотной обстановки, я съ гурьбой казачатъ несусь по пыльной улицѣ. Это, изволите ли видѣть, войско, составленное изъ вольныхъ казаковъ, изъ которыхъ одни бросили порученныхъ имъ для присмотра телятъ, другіе — гусей, третьи — свиней, а четвертые, какъ истые запорожцы, бѣжали съ мѣстъ осѣдлости — препро-

ПРОФЕССОРЪ ѲЕДОРЪ АНДРЕЕВИЧЪ
ЩЕРБИНА

Популярно-извѣстный Кубанскій Историкъ, писатель и общественно-политическій дѣятель. Сынъ казака-священника, родился 13—26 февраля 1849 г. въ станицѣ Новодеревянконской, Ейскаго отдѣла.

Редакція съ прискорбіемъ отмѣчаетъ, что ей не удалось получить ко времени выпуска настоящаго сборника обстоятельныя біографическія данныя о маститомъ юбилярѣ и его 60-лѣтней литературной и общественно-политической дѣятельности и о многихъ трудахъ, выпущенныхъ въ свѣтъ за столь долгій періодъ неустанной работы.

тивныхъ въ лѣтнюю пору хатъ, въ которыхъ только потому нужно торчать, чтобы не забрались въ нихъ цыгане.

Я впереди войска, потому что состою его командиромъ. Подо мною превосходная лошадь, самая толстая и длинная камышина, которую привезъ мнѣ съ того берега старый Шень; въ рукахъ плетка изъ хорошо скрученной веревки, за спиною на перевязи ружье, великолѣпная вишневая палка, которую, къ моему горю, Юминъ Коржъ, драчунъ и забіяка, нанявшійся къ намъ на срокъ, предательски превратили потомъ въ чубукъ къ трубкѣ; слѣва, сбоку, на ниткѣ, болталась шашка изъ камыша, спереди у ременнаго пояса торчалъ камышевый кинжалъ, а сзади къ тому же поясу прикрѣпленъ цѣлый пукъ мочалы. Это — хвостъ. Когда бѣжишь верхомъ на камышѣ, то оно болтается, какъ настоящій лошадиный хвостъ.

И все войско также на коняхъ и также основательно вооружено, какъ и командиръ; у каждаго казака, кромѣ того, торчало вверхъ ратище изъ длинной камышины, прикрѣпленной къ поясу и къ лѣвой рукѣ. Только у меня офицера, да у трубача Панасенка нѣтъ ратища; намъ, по нашимъ военнымъ правиламъ, не полагалось этого оружія. За то у меня и трубача красовались на плечахъ бумажные эполеты и мнѣ казалось, что они настоящіе серебрянные, а у знаменоносца Савки Віхря къ пикѣ была привязана красная тряпка. Это — знамя. «Отрядъ стой» — командую я, въ совершенствѣ подражая маленькому ростомъ, но шустрому уряднику нашей станицы, обучавшему «малолітків», очередныхъ молодыхъ казаковъ, пѣшему и конному строю на церковной площади.

И у казаковъ сразу остановились лошади, какъ вкопанныя въ землю.

Я внимательно смотрю вдоль по улицѣ и на церковную площадь. Кажется кто-то скрывается въ проулкѣ. Это навѣрное черкесы. Надо принять мѣры, послать лазутчиковъ. Но тутъ, какъ на грѣхъ, мой конь взбѣленился. Изъ всей мочи дергаю я за нитяную уздечку и стегаю его плетью, но конь не унимается. Онъ вертится взадъ и впередъ возлѣ отряда, брыкается, приподнимая нѣсколько разъ вверхъ заднюю часть камышины, топочетъ ногами и храпитъ. Я въ совершенствѣ продѣлывалъ эти «выкрутасы» и буквально задыхался; потъ пробралъ меня всего, съ головы до пятокъ и крупными каплями катился по лицу, а лошадь все сильнѣе и сильнѣе бѣсилась...

Отрядъ, покорный командѣ, стоялъ безъ движенія. По всему было замѣтно, какъ казаки живо интерессовались, какъ командиръ раздѣлывалъ своего скакуна. На лицахъ суровыхъ воиновъ такъ и свѣтилось одобрительное выраженіе «от так! так! Гарненько лупцюйте чортяку! Нехай слухаэться пана командира!» И многимъ хотѣлось проучить и своихъ коней, но дисциплина не позволяла этого. Вдругъ во всеуслышаніе раздался чей то голосокъ: «смотли, смотли, як у пана командила лозчулдовалася плоклята коняка! Иш, иш, як бликаэться!»

Мой конь мгновенно присмирѣлъ.

«Хто сміэ у фронті балакать?» — грозно кричу я обратившись къ отряду и самъ чувствую, какъ у меня закипѣлъ начальническій гнѣвъ.

Въ отрядѣ мертвое молчаніе, а я дико, какъ разсвирѣпѣвшій полковникъ на генеральномъ смотру, вращаю глазами.

«Під арешт!» — раздается мое грозное приказаніе.

И самый крошечный въ моемъ отрядѣ казакъ Ивась Омельченко, возсѣдающій верхомъ на самой тоненькой камышинкѣ, безъ шапки, съ бѣлесоватой всклокоченною головенкою, плохо вооруженный и еще плоше одѣтый, босой, безъ штанонъ, въ одной полуизодранной рубашенкѣ, медленно выѣзжаетъ изъ строя, насупившись и всхлыпывая...

Вдругъ вдали показались черкесы.

«Ивась Омельченко во фронтъ маршъ!» — командую я.

Обрадованный Ивась живо преобразился, сдѣлалъ поворотъ назадъ, топоча во всю мочь отъ удовольствія маленькими ножками, и даже его тощая лошадь при этомъ случаѣ зафыркала и лягнула. Что подѣлаешь? Ни одной смирной лошади во всемъ отрядѣ не было.

«Отр-ряд стрр-ройся! Жив-во!» — снова раздается моя команда.

Всѣ лошади затопали ногами и стали ржать, точно имъ удержу не было.

«Мар-ршъ!» кричу я, что называется не своимъ голосомъ, стегаю своего присмирѣвшаго коня нагайкою и — сломя голову, скачу впередъ.

За мной вихремъ несется весь отрядъ. Пыль столбомъ взвилась подъ топотомъ босыхъ ногъ скачущихъ казаковъ и ерзающихъ камышинокъ. Слышно было, какъ сопѣли и задыхались всадники. У кого то треснула отъ неосторжной ѣзды камышинка, у трубача Панасенка оборвалась одна эполета и болталась по воздуху, у малорослаго Ивася Омельченка показался подъ носомъ длинный бѣлый червякъ, но бравому казаку некогда было съ нимъ справиться. Всѣ были воодушевлены и скакали съ явнымъ намѣреніемъ сокрушить врага. Ой, плохо, очень плохо придется черкесамъ.

Вдали по улицѣ поднялся столбъ пыли и показались какія то фигуры. Это дѣйствительно были черкесы. Они галдѣли и выкрикивали что-то на непонятномъ языкѣ. Извѣстно нехристи и бусурманы! Такъ же какъ и мы, они были на коняхъ и въ вооруженіи изъ камышевыхъ матеріаловъ.

Оба войска — казачье и черкесское, мчались од-

но противъ другого. Разстояніе между ними съ каждой минутой уменьшалось. Со стороны любо было смотрѣть на беззавѣтную удаль казаковъ и черкесовъ. По всему видно было, что быть ужасной битвѣ. Еще минута и непріятели будутъ лицомъ къ лицу.

Въ это время со стороны казаковъ послышались учащенные выстрѣлы: бухъ! бухъ! бубухъ! бацъ! бацъ! бабацъ! Джи! джи! — каждый по своему стрѣлялъ изъ ружья, хотя самыя ружья и висѣли у казаковъ за плечами, но каждый непремѣнно пустилъ изъ открытаго рта нѣсколько пуль въ непріятеля.

Черкесы не стрѣляли, но одни изъ нихъ неистово вопили: «Алла! Алла!», а а другіе почему то по собачьи лаяли «гамъ! гамъ! гавъ! гавъ! гававъ!» и даже рычали. Трудно было предположить, чтобы это былъ черкесскій языкъ, но на иномъ языкѣ тѣ черкесы, которые летѣли на казаковъ, не умѣли изъясняться.

Въ то время, какъ дикій казакъ Цыбуля выводилъ сиплымъ, но громкимъ голосомъ: «гу, ггу, гугу!» изображая и голосомъ и своею особою съ толстыми губами нѣчто вродѣ пушки, а трубачъ Панасенко во все горло наигрывалъ наступательный маршъ: «тру, тру, трутуту!» казаки и черкесы сблизились и сцѣпились.

Пальба прекратилась, но за то шумъ, неистовые крики, точно бурный потокъ стремительной горной рѣчки, гудѣли, клокотали и стонами носились, оглашая воздухъ.

Я сразу почувствовалъ, какъ мой ретивый конь лишился превосходнаго мочальнаго хвоста и — увы! — виновникомъ этого несчастья былъ не озвѣрѣвшій черкесъ, а своей же неуклюжій пушкарь Цыбуля, который, бывало, если ужъ наступитъ своими клешнями на что нибудь, то не выпуститъ изъ-подъ нихъ ни мочальнаго хвоста, ни болтающейся веревочки. Лишившись лучшаго изъ всей аммуниціи украшенія, я очутился сзади отряда. Лично мнѣ не съ кѣмъ было драться. По нашимъ военнымъ правиламъ требовалось, чтобы начальникъ дрался непремѣнно съ начальникомъ, а подначальные съ подначальными. Черкесскій же начальникъ, какъ въ воду канулъ. Тутъ можно было подозрѣвать военную хитрость.

Только занявши у своего отряда удобную позицію, я получилъ возможность взглянуть, какъ слѣдуетъ, на ряды непріятеля и, взглянувши внимательно на черкесовъ, я пришелъ въ изумленіе. Всѣ черкесы оказались съ черными пречерными рожами, точь въ точь, какъ негры или эфіопы, нарисованные на картинкахъ, чего раньше въ горячахъ я не замѣтилъ. Черкесы, видимо, не пожалѣли сажи для раскрашиванія своихъ физіономій. Но разсчитанная на устрашеніе противниковъ раскраска физіономій ни мало не устрашила казаковъ.

Начался бой. Казаки и черкесы вплотную приблизились другъ къ другу, гремѣли камышевымъ оружіемъ, усиленно топотали ногами на одномъ мѣстѣ и еще усиленнѣе старались перекричать одинъ другого. «Яманъ! Яманъ!» — горлали казаки. «Твоя чушка! Твоя собак!» — ревѣли въ отвѣтъ имъ черкесы. Роли какъ бы перемѣнились и казаки ругались на черкесскомъ, а черкесы на русскомъ языкѣ. Одинъ лишь черкесъ Пимоненко старался изобразить своею особою настоящаго азіата и, наступая на урядника Сырыцю, настойчиво вопилъ: «якши з місця! якши з місця!» и хотя якши означало хорошо, а никакъ не прочь съ мѣста, но Сырыця по своему понялъ врага и задорно выкрикивалъ: «а дулі, яман, не хочешь?» и тыкалъ ему дулю. Въ общемъ получалось такое впечатлѣніе, какъ будто-бы казаки и черкесы исполняли на своихъ ретивыхъ коняхъ какой-то военный танецъ.

Но вотъ изъ заднихъ рядовъ черкесскаго отряда выскочилъ ихъ коноводъ Яцько Страженко. Онъ показалъ мнѣ свой языкъ и скорчилъ препротивную рожу. Я плюнулъ отъ негодованія въ его сторону, но ловко попалъ плевкомъ въ затылокъ своему же уряднику Васылю Сырыці. Яцько между тѣмъ началъ гарцевать на лошади сзади черкесскаго отряда. Я послѣдовалъ его примѣру. Кони наши храпѣли и ржали, мы подпрыгивали насколько было можно, вверхъ, крутили головами, заставляли камышинки брыкать и продѣлывали всевозможные военные артикулы въ такомъ родѣ. Вдругъ Яцько стремительно бросился на нашего знаменосца Вихря и, съ ловкостью истаго черкеса, сломалъ у него пику и оборвалъ знамя.

Тутъ уже я не выдержалъ и прямо ринулся на Яцька. Помилуйте! Онъ, нехристь этакій, коснулся нашего знамени! Вѣдь это оскорбленіе нашей военной чести. Я рѣшилъ жестоко наказать дерзкаго горца, но горецъ, ловкій и юркій наѣздникъ, пустился вокругъ обоихъ отрядовъ своего и казачьяго, дѣлая прекомичные прыжки и все время дразня меня высунутымъ языкомъ, а я, олицетворенное мщеніе за поруганную казачью честь, изъ силъ выбивался, чотбы догнать и проучить дерзкаго наѣздника: но, очевидно, наѣздникъ былъ на настоящемъ «кабардинцѣ», за которымъ трудно было угнаться на простой казачьей лошади.

Наша скачка въ перегонки послужила общимъ сигналомъ для болѣе энергичныхъ дѣйствій и казаки сцѣпились съ черкесами въ рукопашную. Затрещали подъ всадниками кони, начали ломаться пики, сабли и ружья и на первыхъ порахъ круто пришлось одному камышу: пострадали кони и поломалось оружіе. Но чѣмъ больше слышалось камышеваго треска, тѣмъ сильнѣе разгорались страсти. Шустрый черкесъ Максимъ Пьявка ухитрился схватить сзади за туловище длинноногаго знаменос-

ца казака Савку Вихря да такъ и повисъ на немъ. Напрасно Вихорь пытался сбросить противника, таская его за собою. Послѣдній вцѣпился, какъ клещъ въ своего соперника, й не выпускалъ его изъ своихъ цѣпкихъ рукъ. Урядникъ Сырыця повергъ на землю черкеса Пимоненка и усердно отсчитывалъ ладонью шлепки по тому мѣсту непріятельской фигуры, которое предназначалось у храбрыхъ воиновъ для прикрѣпленія лошадинаго хвоста, приговаривая при каждомъ шлепкѣ: «ось тобі якиш з місця, ось тобі якиш з місця!» чѣмъ, конечно придалъ совершенно иное значеніе слову «якши». Пушкарь Цыбуля возился разомъ съ двумя черкесами, при чемъ одинъ черкесъ кричалъ уже на чистомъ украинскомъ языкѣ: «пусты, Цыбуля! пусти, чертяка!», а другой плакалъ и въ этомъ случаѣ, кажется, по настоящему, какъ плачутъ и черкеся.

Наконецъ, и мнѣ удалось настичь своего противника. Моя лошадь хотя и не могла соперничать въ быстротѣ бѣга съ черкесскимъ скакуномъ, но казалась выносливѣе и, что называется, загоняла черкесскаго скакуна. Нагнавши черкесскаго вожака, я, въ горячахъ, пихнулъ его камышевой шашкой прямо въ щеку. Ударъ вышелъ удачный — отъ праваго глаза до подбородка во всю щеку образовался порѣзъ и показалась кровь. Но разгоряченный Яцько ничего не замѣчалъ и, вцѣпившись въ меня, какъ кошка, щипалъ, царапалъ и толкалъ меня, куда попало. Тогда и я пустилъ въ ходъ излюбленный въ нашей фехтовальной практикѣ пріемъ: цапнулъ Яцька зубами за носъ и въ азартѣ укусилъ его такъ больно, что свирѣпый черкесъ заоралъ благимъ матомъ. Я невольно выпустилъ изъ рукъ своего болѣе слабаго противника, противникъ, замѣтивши, что у него сочится со щеки кровь, окончательно растерялся и пошатываясь направился въ сторону отъ побоища, громко выкрикивая: «ой! ой-ой, кров тече!». Выходило нѣсколько не по черкесски и я это чувствовалъ, ибо и самъ началъ всхлипывать, до того мнѣ было жаль несчастнаго Яцька.

Сраженіе между тѣмъ пришло къ концу. Кто кого побилъ, трудно было сказать — но съ обѣихъ сторонъ были «убитые и раненые» какъ полагалось въ военныхъ дѣлахъ. «Убитые» лежали въ пыли по улицѣ въ растяжку съ раскинутыми руками и посмѣивались себѣ подъ носъ, избравши съ начала боя благую часть — лежать, не принимая участія въ бою, а «раненые» и даже вышедшіе изъ борьбы безъ ранъ въ гнѣвѣ грозили своимъ противникамъ кулаками и ругались да перекорялись

Подъ заборомъ сидѣлъ нашъ храбрый Ивас Омельченко и заливался горючими слезами. «Ой мамочка буде бить! Ой, мамочка буде быть!» — повторялъ онъ безпрестанно, держа въ рукахъ единственный свой костюмъ — разорванную въ боѣ рубаху.

Три черкеса и три казака, отбѣжавши на приличное разстояніе въ разныя стороны, пускали другъ въ друга комки земли, при чемъ и черкесы и казаки не успѣли еше хорошенько стереть съ лица — одни сажи а другіе слезъ.

— «А у вас с голоду свині цілий день кувікають і кури пізно несуться, бо ви їх не голуэте» — укорялъ черкесъ казака.

— «А ваша свиня поросятко своэ зіла» — отвѣчалъ казакъ.

— «А у твоэі мамки припічок покулупався и долівка не мазана!» — продолжалъ черкесъ посылать казаку укоры, слышанные имъ во время ссоры взрослыхъ женщинъ и грозилъ издали кулаками.

— «А наш рябко покусав вашу кудлату собаку!» — парировалъ въ отвѣтъ противникъ и, повидимому, твердо былъ убѣжденъ въ томъ, что чувствительно уязвитъ черкесское самолюбіе.

Знаменосецъ Савка Вихорь, стоявшій рядомъ со мною и безсознательно толкавшій меня спиною, забывши правила военной дисциплины, ругалъ черкеса Пьявку довольно неприличными словами и грозилъ побить его.

Въ отвѣтъ на это Пьявка, благоразумно удравши отъ противника на приличное разстояніе, кривляясь и прыгая на одной ногѣ, на-распѣвъ тянулъ: «Савка булавка на собакъ гавка! Савка булавка на собакъ гавка!»

Самъ я печально провожалъ глазами медленно удалявшагося по улицѣ Яцька и не чаялъ, что и надо мною собиралась гроза. На мою бѣду битва казаковъ съ черкесами происходила вблизи нашего двора. Моя мать только что заснула въ кладовой, закрывши ставни и выгнавши предварительно мухъ изъ этого прохладнаго помѣщенія; но наши неистовые крики разбудили ее. Она вышла изъ кладовой во дворъ, что бы узнать, что означаютъ эти крики. Какъ разъ въ тотъ моментъ мимо нашего двора плелся голосившій коноводъ черкесовъ. Мать, увидѣвши окровавленнаго Яцька, немедленно потащила его во дворъ къ колодцу, обмыла кровь холодною водою изъ ведра, смыла съ лица сажу, достала кусокъ полотна и перевязала имъ поцарапанную щеку переставшаго плакать Яцька.

— Хто це тебе так шморгонув? — спрашивала моя мать Яцька.

Яцько молчалъ. Увидѣвши, что моя мать возится съ Яцькомъ и онъ пересталъ уже плакать, я подошелъ ближе къ нашему двору.

— Кажи ж, хто тобі щоку порізав, мабудь комишиною? — настаивала моя мать.

Яцько буркнулъ:

— Еге-ж комишиною.

— Та ти не егекай, а скажи, хто тебе покровянив? — продолжала допытываться мать.

— Та то я сам себе... — вралъ Яцько.

Моя мать съ изумленіемъ глядѣла то на Яцька, то на улицу, гдѣ продолжались еще перекоры между казаками и черкесами. Я чуть не разсмѣялся, услышавши отвѣтъ Яцька и зная его плутовскія замашки. Но мать, повидимому, скоро сообразила, какъ произошло пораненіе камышиною и гдѣ слѣдовало искать виновника порѣзанной щеки.

— Брешеш! — сердито оборвала она Яцька. — Признавайся, з ким ти бився й хто тобі пустив кров? А як не скажеш, то я зараз призву сюди твого батю.

При имени бати, прижатый къ стѣнкѣ черкесъ выпалилъ: — Та воно не болить.

— Ну, — настаивала мать, — кажи хто?

Увы! Головорѣзъ черкесъ не выдержалъ дальнѣйшаго напора, чувствуя, что моей матери нельзя «заговорить зубовъ», на что онъ былъ большой мастеръ. Кинувши взглядомъ въ мою сторону, онъ уклончиво прошепталъ, потупя глаза въ землю:

— Та то... то, Федька ненарошне.

— Який Федька? — съ недоумѣніемъ спрашивала мать, хорошо зная, что я и Яцько были закадычными друзьями и никогда не дрались другъ съ другомъ. Я не зналъ, что дѣлать и не безъ волненія замѣтилъ, что черкесы и казаки, увидѣвши, что на нашемъ дворѣ Яцько попалъ въ руки моей матери, стали кучками подходить къ нашему двору, любопытствуя узнать, что тамъ происходитъ.

Яцько не выдержалъ и прошепталъ: «Федька... Федька в...ваш!».

И вотъ тутъ на глазахъ чуть ли не всѣхъ воиновъ изъ обоихъ отрядовъ, произошелъ неожиданный для меня скандалъ. Моя мать быстро подбѣжала ко мнѣ и, схвативши командира казаковъ за руку, потащила меня во дворъ, награждая за мои военныя доблести шлепками и приговаривая во всеуслышаніе казаковъ и черкесовъ: «ах ти розбойник! ах ти розбойник!».

Профессоръ Ѳ. А. Щербина.

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСЕНКА

(посвящается казачатамъ)

Подожди, не спи, мой милый,
Еще рано спать,
Я хочу тебѣ, мой милый,
Кой что разсказать.
Ты не знаешь, свѣтикъ ясный,
Нашу старину...
Ну, такъ слушай, ненаглядный —
Я сейчасъ начну:
Міръ когда-то содрогнулся,
Началась война
И въ войнѣ, не съ фронта — съ тыла —
Русь побѣждена...
Озвѣрѣвшіе солдаты,
Бросивъ фронтъ, ушли..
Все, чѣмъ Русь была богата —
Грабили и жгли...
А людей... людей-то, Боже,
Гибло на Руси,
Не имѣлъ кто «красной» рожи,
Всѣхъ руби, коси...

Уцѣлѣли въ грязной тинѣ
Честные полки,
Какъ оазисы въ пустынѣ —
Были казаки.
Шли на родину походомъ,
На своихъ коняхъ,
Межъ взбѣсившимся «народомъ» —
Въ селахъ, городахъ.
Не пришлось имъ, по станицамъ...
Долго отдыхать.
Подходила ужъ къ границамъ
«Сѣверная рать».
Храбро, стойко, на границахъ
Бились казаки...
Шли за Край-Родной рубиться
Дѣти, старики...
Врагъ несчетный шелъ толпою,
Сто на казака,
И не вѣдала покою
Сильная рука
Какъ ни сильны были руки,
Но, онѣ однѣ
Утомились въ тяжкой мукѣ
День за днемъ въ огнѣ.
Что творилось въ это время...
Ой! — кошмарный сонъ...
Не подъ силу было бремя —

Слезы, кровь и стонъ...
Ужъ не сполохъ по станицамъ, —
Пожары горятъ,
Все въ смятеньи, даже птицы
Къ небесамъ летятъ.
Заклубилась по дорогѣ
Облаками пыль,
Зашатался весь въ тревогѣ
Степовой ковыль.
Бросивъ гнѣзда вѣковыя,
Казаки пошли,
И знамена Войсковыя
Надъ собой несли.
Отъ Родныхъ Сѣдыхъ Кургановъ,
Дѣдовскихъ могилъ,
Съ помутнѣвшимъ взоръ туманомъ
Правнукъ уходилъ.
Поклоняся всѣмъ станицамъ,
Атаманы шли,
И дружины за границу,
За собой вели...
Сколько горькой тяжкой доли
Пережили мы,
Дай-то, Богъ, такой юдоли
Не видали-бъ вы...
Разсказать бы можно много...
Все ли ты слыхалъ?
За тяжелую дорогу,
Что казакъ видалъ?
Спи, соколикъ, только «сказки»
Свято береги...
Знай во снѣ, закрывши глазки,
Гдѣ твои враги...

Есаулъ Е. Булавинъ.

С. Америка.

А. С. ФЕДОРОВЪ (Лантухъ)

(ПОЛКОВНИКЪ, ДОКТОРЪ ПРАВЪ, ИНЖЕНЕРЪ-ЭКОНОМИСТЪ)

(Къ двадцатилѣтію журналистической дѣятельности)

Сергѣй Алексѣевичъ Федоровъ (Лантухъ) родился 13-го января 1891 года въ станицѣ Лабинской, гдѣ отецъ его былъ начальникомъ мѣстной команды. Родъ его числится по станицѣ Расшеватской, въ которой, по преданіямъ, прадѣдъ былъ первымъ атаманомъ, единственно грамотнымъ человѣкомъ въ станицѣ.

Все свое дѣтство С. А. проводилъ между казаками, которые были пріятелями и «воспитателями» его.

Въ станицѣ онъ началъ посѣщать начальное училище, но на слѣдующій годъ перешелъ въ 4-е Екатеринодарское городское училище.

Въ 1899 году С. А. поступилъ въ Кубанское Александровское реальное училище, которое окончилъ въ 1908 году. Какъ въ начальныхъ, такъ и въ реальныхъ училищахъ, С. А. учился очень хорошо и изъ года въ годъ переходилъ съ наградами. Уже въ младшихъ классахъ онъ проявилъ склонность къ литературѣ и писалъ дѣтскіе, незатѣйливые стихи.

Другимъ увлеченіемъ его были военныя игры.

Въ 1908 году, по окончаніи реальнаго училища, С. А. поступилъ въ Казанское военное училище.

Здѣсь, въ младшемъ классѣ, юнкера издавали нелегальный рукописный журналъ, въ которомъ С. А. завѣдывалъ отдѣломъ сатиры и юмора, за что, однажды, понесъ наказаніе.

Въ 1910 году С. А. былъ произведенъ въ хорунжіе и вышелъ во 2-й Кубанскій пластунскій баталіонъ, на сослуженіе съ отцомъ.

Черезъ два мѣсяца, онъ былъ командированъ съ сотней въ Военный отдѣлъ Терской области, для борьбы съ абречествомъ и Зелимханомъ, гдѣ на него было возложено веденіе дневника военныхъ дѣйствій. Здѣсь С. А. сблизился съ горцами, завелъ кунаковъ даже среди абрековъ, исходилъ вдоль и поперекъ дебри Кавказа и основательно познакомился съ бытомъ и нравомъ горцевъ; результатомъ этого впослѣдствіи появились его воспоминанія: «По стопамъ Зелимхана».

Черезъ годъ сотня возвратилась въ гор. Душетъ и здѣсь, наблюдая монотонную и неприглядную жизнь пластуновъ, слыша жалобы старыхъ офицеровъ, онъ рискнулъ взять перо въ руки и вылить казачьи горести на страницахъ печати.

Въ 1911 году появился рядъ статей С. А. Федорова въ газетѣ «Инвалидъ» и журналѣ «Развѣдчикъ». Первая статья: «Горе забытыхъ», обратила вниманіе одного изъ немногихъ казачьихъ публицистовъ Подъесаула Калаушина, приславшаго теплое

письмо. Заниматься публицистикой въ то время было не такъ просто: всѣ статьи проходили строгую цензуру и только благожелательное отношеніе начальства спасало отъ преслѣдованій, когда острое перо «Линейца» больно кололо власть имущихъ и когда на писателя нападали опытные, матерые штабные волки. Въ это время С. А. печатался уже въ журналѣ «Офицерская Жизнь» и газетахъ: «Тифлисскій Листокъ», «Кубанскія Областныя Вѣдомости» и «Кавказскій Край», не разъ и очень сильно будоража людъ и добиваясь исправленія несправедливостей надъ казаками, офицерами и ихъ семьями. Пробовалъ онъ свое перо и въ области сатиры и юмора и первое же его произведеніе «Саркисъ подъ надзоромъ» доставило новыхъ враговъ. Начальство его цѣнило за работоспособность и возлагало одновременно необыкновенное множество должностей и обязанностей, не смотря на то, что аттестовало какъ «безпокойнаго и вліяющаго на умонастроеніе офицеровъ»:

Вспыхнула война и въ первомъ же бою С. А. заработалъ орденъ св. Владиміра, а вслѣдъ Анну «За храбрость». Съ пластунами С. А. продѣлалъ всю славную боевую эпопею Сарыкамышъ, Караурганъ и т. д.

Въ 1915 году, совершивъ съ пластунской бригадой всѣ легендарныя операціи пластуновъ въ Галиціи, за что получилъ помимо всѣхъ боевыхъ наградъ, чинъ Подъесаула, онъ былъ вызванъ въ Офицерскую Воздухоплавательную Школу, куда просился еще передъ войною. Кончилъ онъ ее вторымъ и вышелъ въ Морскую Воздухоплавательную роту, гдѣ сформировалъ 1-ю наблюдательную станцаю, съ которой провелъ на Рижскомъ фронтѣ всѣ боевые дни. Окончилъ, а затѣмъ преподавалъ на Морскихъ Воздухоплавательныхъ курсахъ. За свою боевую дѣятельность произведенъ въ чинъ Подполковника со старшинствомъ съ октября 1916 года.

Насталъ Корниловскій переворотъ и большевизмъ. С. А. былъ преданъ суду Революціоннаго Трибунала за контръ-революцію, но былъ оправданъ, такъ какъ было доказано, что режимъ, установленный С. А. по казачьему укладу, очень нравился нижнимъ чинамъ и что до революціи они преподнесли ему кортикъ, а послѣ нея присудили Георгіевскій крестъ съ лаврами.

Видя разруху всего, С. А., по предложенію украинцевъ - воздухоплавателей, организовалъ особый Воздухотрядъ и послѣ борьбы съ большевиками вывелъ его въ Кіевъ.

Въ Кіевѣ принялъ живѣйшее участіе въ борьбѣ съ большевиками, будучи Начальникомъ Штаба Партизанскаго отряда. Работалъ, одновременно по организаціи Воздухчастей и состоялъ слушателемъ консульскаго отдѣленія Ближневосточнаго Института.

Здѣсь онъ, совмѣстно съ посломъ Юго-Восточнаго Союза Ф. Ф. Шапкинымъ отправлялъ людей на Донъ и Кубань для борьбы съ большевиками и переправлялъ вооруженіе и припасы, выкраденные отъ нѣмцевъ.

Въ январѣ 1919 г., возвращаясь въ Войско, С. А. занялся формированіемъ Воздухчастей въ Войскѣ и Доброарміи, принимая участіе въ работахъ ко-

Первый Командиръ Кубанскаго воздухоплавательнаго дивизіона, Полковникъ С. А. Федоровъ (докторъ правъ, инженеръ-экономистъ).

миссіи Рады и военнаго Министерства. Лѣтомъ того же года, несмотря на противодѣйствіе Н—ка штаба Добрарміи Ген. Романовскаго, былъ сформированъ Кубанскій казачій Воздухоплавательный Дивизіонъ, первымъ командиромъ котораго былъ назначенъ онъ — Полковникъ С. А. Федоровъ. Съ нимъ С. А. продѣлалъ «Голодный походъ», Крымскую эпопею, Лемносъ. Въ послѣдніе дни Крыма онъ состоялъ въ качествѣ штабъ-офицера для по-

ученій при Предсѣдателѣ Временнаго Кубанскаго Правительства, Ген. Поповѣ.

Лѣтомъ 1921 г., окончивъ службу по войску, С. А. въ Дубровникѣ занялся физической работой, временами пописывая въ эмигрантской прессѣ, защищая казачьи интересы.

Въ 1922 г. переѣхалъ въ Чехословакію, поступивъ въ Украйнскую Господарскую Академію въ Подебрадахъ. Тамъ было уже нѣсколько кубанцевъ, которые организовали свое землячество, избравъ первымъ старостой С. А. Землячеству пришлось выдержать жестокую борьбу за право своего существованія.

Одной изъ первыхъ научныхъ работъ С. А. было составленіе «Очерка Экономической географіи Кубани», впослѣдствіи напечатаннаго въ Академическомъ журналѣ и выставленнаго въ 1923 г. на Академической выставкѣ въ Подебрадахъ.

Занимаясь наукой, стоя во главѣ организованнаго имъ кооператива, С. А. не оставлялъ въ сторонѣ казачьей жизни и принималъ участіе въ различныхъ эмигрантскихъ журналахъ.

Въ результатѣ длительной работы, имъ былъ написанъ большой трудъ «Казачья Нація», въ теченіи двухъ семестровъ читавшійся на семинарѣ соціологіи въ Академіи.

Одновременно съ прохожденіемъ курса въ Академіи, С. А. вступаетъ на юридическій факультетъ Украинскаго Университета въ Прагѣ, который заканчиваетъ въ 1926 г. съ дипломомъ доктора правъ, а въ 1927 г. совѣтъ профессоровъ утверждаетъ его профессорскимъ стипендіатомъ при кафедрѣ исторіи права. Въ этомъ же году онъ оканчиваетъ Академію по отдѣлу мѣстнаго самоуправленія съ дипломомъ инженера - экономиста и зачисляется на историческое отдѣленіе философскаго факультета въ Прагѣ и на отдѣлъ промышленности въ Академіи, который оканчиваетъ въ слѣдующемъ году, а философскій факультетъ — въ 1931 году.

Всѣ эти годы С. А. ведетъ самую напряженную работу, результаты опубликовываетъ въ журналахъ: «Казачій Путь», «Путь Казачества», «Казачій Сполохъ», «Кубанскія Думки», «Кубань», «Вольное Казачество», «Казачье Дѣло», «Родимый Край», «Кубанское Казачество», «Кавказскій Казакъ», «Кубанская Старина и Современность», «Россія», «Записки Украин. Господ. Акад.» и др. русскихъ, украинскихъ, чешскихъ и иныхъ журналахъ и газетахъ въ Чехословакіи и за-границей. Статьями его интересуются, въ Америкѣ переводятъ на иностранные языки; на Чешскомъ Карловомъ Университетѣ онъ читаетъ доклады о Казачествѣ.

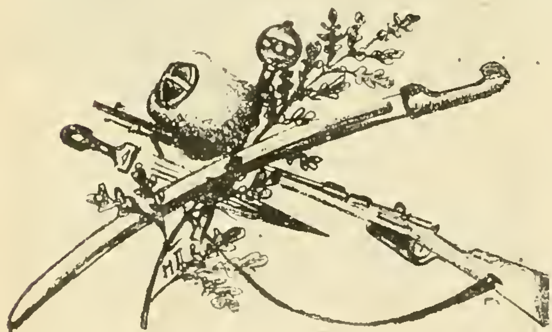
Находя единомышленниковъ, побуждая ихъ къ работѣ, самъ специализируясь по казачьимъ вопросамъ, С. А. организовываетъ «Общество Изученія Казачества», во главѣ котораго становится профессоръ Ф. А. Щербина.

Въ области литературной его работа проявляется въ принятіи дѣятельнаго участія въ организаціи «Союза Кубанскихъ писателей и журналистовъ», гдѣ имъ проводится мысль: «мы лишь грибница казачья; наша задача подготовить плодоносную почву, которая дастъ болѣе молодые всходы талантливыхъ казаковъ писателей и ученыхъ, для которыхъ будетъ Казачество — превыше всего. Для себя намъ ничего не нужно. Все для Казачества и Кубани».

Такимъ застаетъ его 1931 годъ — двадцатый годъ его журналистической дѣятельности. Образованный офицеръ, военный душой и тѣломъ до сего дня, воспитатель казачьей массы на военной службѣ, онъ при измѣнившейся обстановкѣ, въ тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ, находитъ въ себѣ силы и энергію окончить нѣсколько высшихъ учебныхъ заведеній и неутомимо работать въ области научной и журналистической, причемъ вся его дѣятельность пропитана искренней и беззавѣтной любовью къ Казачеству и желаніемъ величія Его.

Правленіе.

ЗА ЧЕСТЬ КУБАНИ...

Вотъ и Новороссійскъ. На рейдѣ, коптя огромной черной трубой, покачивается «Керчь» — эскадренный миноносецъ краснаго флота. Въ городѣ, увѣшанные красными лентами, конные матросы, съ бѣшенствомъ въ глазахъ, сгоняютъ народъ на вокзалъ — въ походъ на непокорную казачью столицу — Екатеринодаръ.

Петя сбросилъ сѣрую фронтовую шинель, скинулъ папаху, и купивъ на толчкѣ рваную штатскую тужурку, обтрепанный картузъ, — темной ночью подался въ Анапу.

Въ Анапѣ было не лучше. Петя пошелъ въ Темрюкъ: пріятель - однокашникъ по школѣ, Герасименко, — навѣрно пріютитъ его. Пріятеля не

было. У Герасименко легкія не въ порядкѣ и врачи направили его въ Нальчикъ. Родня его, приняла Петю радушно, предложила помогать въ хозяйствѣ, слѣдить за виноградомъ. Петя былъ радъ и благодаренъ.

Прошелъ май. Въ Екатеринодарѣ безчинствовалъ Сорокинъ; въ Темрюкѣ — Бѣликовъ; Таманскій Край всколыхнулся.

Своей грубой, красной, жестокой фельдфебельской рукой — Бѣликовъ сильно сдавилъ горло таманскихъ казаковъ и давилъ до тѣхъ поръ, пока у нихъ не проявилось желаніе освободиться отъ этихъ цѣпкихъ красныхъ рукъ.

Есаулъ Гулый, низкій, сухощавый, живой и порывистый, энергичный казакъ, ахтанизовецъ, въ концѣ мая, на каменномъ мосту, верстахъ въ десяти отъ Тамани, остановилъ автомобиль комиссара Бѣликова и убилъ красного вампира. Казаки — Таманцы, Ахтанизовцы, Вышестеблiевцы и Голубинцы поднялись, захватили четыре красныхъ орудія на берегу Керченскаго пролива, смотрѣвшихъ жерлами смертоносными на Керчь и обезоружили красноармейскіе отряды, охранявшіе Тамань. Началось таманское возстаніе. Гулый повелъ казаковъ на Темрюкъ, кишѣвшій разнымъ разнузданнымъ сбродомъ.

Послѣ вступленія украинскихъ гайдамаковъ и германскихъ войскъ въ Крымъ — Темрюкъ наводнили красные отряды. Банды матроса Непомнящаго, удравшіе изъ Керчи, толпы сброда комиссара Луриха — извѣстнаго борца «чемпіона міра» красныя роты темрючанъ, дравшіеся подъ Екатеринодаромъ съ Кубанской Арміей... зачѣмъ воевать въ какихъ то донскихъ степяхъ и калмыцкихъ песчаныхъ пустыняхъ, когда «Родная Кубань» избавлена отъ «бѣлогвардейцевъ». Къ моменту возстанія, въ городѣ было всякаго изувѣрствовавшаго сброда, много больше чѣмъ коренныхъ жителей.

Начальствованіе надъ гарнизономъ принялъ Романенко, маленькій, упругій, подвижной, полковой писарь. Онъ мобилизовалъ всѣхъ, кто только могъ носить оружіе; составилось два внушительныхъ отряда — Крымскій и Таманскій.

Въ городѣ имѣлось семь орудій и Крымскій конный полкъ, сформированный вахмистромъ Кобызевымъ, преимущественно изъ Крымскихъ татаръ. Петя попалъ солдатомъ въ 8-ю роту Крымскаго отряда. Его роту бросили на Старотиторовскую «переправу». — узкую проселочную дорогу между плавень, болотъ и лимановъ. Половина роты была изъ китайцевъ, набранныхъ Непомнящимъ въ Крыму. Оскаливъ зубы, тараща глазами, они шли выручать «родную Кубань», волоча винтовки прикладами по землѣ.

Отрядъ медленно подвигался къ станицѣ на борьбу съ казаками. Петѣ казалось, что онъ плетется въ хвостѣ хунхузскаго отряда, съ китайской границы идущаго на Русь; камышеватыя плавни обращались у него въ рисовыя плантаціи, а трехлинейная винтовка, казалась, допотопнымъ боксерскимъ оружіемъ.

Его мозгъ сверлила безпокойная мысль: кого и за что идемъ убивать? Тянуло спросить и получить отвѣтъ, — но у кого? У китайца?

При этихъ мысляхъ рука судорожно сжимала винтовку, а жало штыка направлялось въ сторону желтокожихъ спинъ.

— Развѣ спросить у того, кто ведетъ? У комиссара - матроса, съ наглымъ лицомъ и жирнымъ затылкомъ, матюкающаго «куркулей» и ругающаго въ «Бога», и «мать», и «небо» и, даже, на восемьдесятъ верстъ выше неба?

Петю охватило какое-то предчувствіе неотвратимой бѣды. Жуть и холодъ воцарились въ его душѣ. Хотѣлось лечь, заткнуть уши, закрыть глаза, не слышать безумныхъ воплей - ругани безумныхъ людей.

Когда показалась станица — затарахтѣли пулеметы, затрещали винтовки, бухнуло орудіе, рой пѣвучихъ шмелей понеслись надъ ихъ головами, — цѣпи залегли.

Петя почувствовалъ какъ въ груди началъ наростать какой-то клубокъ. И желая освободиться отъ этого клубка, ничего не сознавая, ни о чемъ не думая, съ глазами дико устремленными въ широкую, лоснящуюся чернью кожи, комиссарскую спину...

Петя неожиданно вскочилъ, побѣжалъ и, со стономъ дикаго наслажденія — всадилъ длинный трехгранный штыкъ по самую шейку. Комиссаръ дико-дико завылъ, задрыгалъ несуразными ногами и вытянулся. Лежавшій рядомъ китаецъ что-то залопоталъ по-своему, вскинулъ винтовку дуломъ въ упоръ Петинаго виска и хладнокровно выстрѣлилъ..

Петя, судорожно давившій штыкомъ комиссара, — безъ звука опустился на орошенную кровью родную Кубанскую землю...

Когда казаки энергично продвинулись впередъ — они увидѣли необычную группу: надъ пригвожденнымъ штыкомъ къ землѣ комиссаромъ — сидѣлъ молодой, красивый юноша, съ типичнымъ казачьимъ лицомъ. У него зіяла черная рана въ разможженной головѣ, а сильныя крѣпкія руки — судорожно сжимали прикладъ винтовки; большого труда стоило отнять ее у этого казачьяго юноши...

Тѣло Пети перевезли въ станицу.

Похоронили его на курганѣ, надъ кровавымъ яромъ, тамъ, гдѣ Бѣликовъ разстрѣлялъ 36 казаковъ. Полъ станицы пришло отдать послѣдній долгъ неизвѣстному герою и когда рыдающіе звуки послѣдней надгробной пѣсни звали людей къ послѣднему цѣлованію — кто - то неизвѣстный увѣнчалъ Петину грудь малымъ скромнымъ бѣленькимъ крестикомъ на Георгіевской лентѣ — Казачій даръ Казачьему герою...

Хорунжій Н. Гулый.

Инженеръ В. С. Мащенко

(Снятъ 2-го сентября 1931 г., въ Парижѣ, на церемоніи возжженія лампады Неизвѣстному Солдату)

Только всеобъемлющая Казачья натура можетъ вмѣстить въ себѣ столько похвальныхъ чертъ характера и способностей, какое обнаружено въ душѣ этого молодого и пылкаго казачьяго патріота, какимъ проявилъ себя нашъ общій другъ, и цѣнный членъ-ревнитель, Владиміръ Степановичъ Мащенко.

Попавъ въ 1920 году, какъ и всѣ, за границу и пройдя положенный стажъ бѣженскихъ мытарствъ — онъ прибываетъ въ Парижъ, заканчиваетъ свое среднее образованіе въ русской гимназіи и въ 1926 году поступаетъ студентомъ въ Высшую Индустріальную Школу Католическаго Университета въ Лиллѣ (сѣверъ Франціи), заканчиваетъ ее въ 1931 году и 29-го декабря того же года — моложавый, полный силъ и желаній, инженеръ-кубанецъ, выѣзжаетъ въ экваторіальную Африку, во Французское «Конго».

Карьера обезпечена. Но что испытано до этого?! Рабочій на заводѣ, матросъ парусного судна, чертежникъ, слесарь и, наконецъ, — джигитъ.

Являясь по крови на все 100 процентовъ Кубанскимъ коренным казакомъ (сынъ извѣстнаго Кубанскаго врача Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника С. М. Мащенко, казака станицы Динской и по матери — казачки станицы Кисляковской, урожденной Зубовой) — онъ, конечно, не могъ остаться равнодушнымъ къ захватившей всѣхъ «джигитовкѣ» и отдался ей со всѣмъ присущимъ ему пыломъ. Ужъ инженеромъ, мужчиною въ 30 лѣтъ — но какъ гибокъ онъ былъ въ лезгинкѣ, на кинжалахъ, «на пальцахъ» даже по асфальту... Тонкій, гибкій, увертливый, съ хорошими манерами, образованный, веселый и обходительный — онъ былъ украшеніемъ и душою общества. Черкеска и «чинъ» старшаго урядника, заслуженный имъ еще юношею на берегахъ Кубани, казалось, радовали его болѣе, чѣмъ положеніе инженера. Казачество затемняло у него все и стояло на первомъ мѣстѣ. И отъѣзжаючи съ одного изъ Парижскихъ подземныхъ вокзаловъ въ далекое Конго на два контрактовыхъ года — весело и беззаботно махалъ онъ на-прощанье намъ въ воздухѣ своею бѣлою косматою папахою, пока поѣздъ не скрылся въ изгибѣ темноты. Отъѣзжалъ весело, — словно на курортъ. Горе родитъ намъ достойныхъ казаковъ-гражданъ, умѣющихъ раздѣлять — гдѣ кончается французскій инженеръ и начинается Кубанскій казакъ.

Добрый свѣтлый путь мы ему шлемъ средь чернокожихъ въ дебряхъ экваторіальныхъ лѣсныхъ зарослей и, знаемъ, что и тамъ — Кубанское Казачество для него — всего выше.

Полковникъ Елисѣевъ.

Его адресъ: **W. Mastchenko. Société «Alfa». Libreville — Gabon. Afrique. Via Bordeaux.**

Первые Казаки Воздухоплаватели

(Кубанскій Казачій Воздухоплавательный Дивизіонъ)

Старые кадровые казаки - офицеры, очень чувствовали недостатокъ въ Войскѣ своихъ инженерныхъ, техническихъ и вспомогательныхъ войскъ, а также пѣшей артиллеріи въ пластунской бригадѣ. Роль казачества — быть только живою силою на случай войны — глубоко ихъ безпокоила и поэтому они совѣтовали молодежи добывать спеціальныя военныя знанія для того, чтобы впослѣдствіи примѣнить ихъ на пользу Родного Войска. Подъ вліяніемъ старшихъ офицеровъ, еще передъ войной, Сотникъ 2-го Кубанскаго пластунскаго баталіона С. Федоровъ, при объявленіи пріема въ Офицерскую Воздухоплавательную Школу, подалъ рапортъ о командировкѣ въ нее. Война помѣшала этой командировкѣ, но въ 1915 году, на австрійскомъ фронтѣ, изъ Баталіона Его Величества 6-го, были вызваны желающіе офицеры именно въ эту школу. Сотникъ Федоровъ, въ это время бывшій начальникомъ сводно - пулеметной команды этого баталіона, вмѣстѣ съ Хорунжимъ М. Зайченко изъявили свое желаніе быть командированными въ школу и прибыли туда вмѣстѣ съ денщиками — отборнѣйшими казаками, которые должны были контрабандой научиться воздухоплавательнымъ премудростямъ рядовыхъ воиновъ. Одинъ изъ нихъ каз. станицы Бѣлинѣевской Михаилъ Маркинъ окончилъ курсъ учебной команды мирнаго времени.

Казаки учились отлично и Сотникъ Федоровъ, шедшій во главѣ выпуска, взялъ вакансію въ Морскую воздухоплавательную роту, съ цѣлью изучить и морское воздушное искусство. Вначалѣ онъ былъ оставленъ въ команду строющагося дирижабля «Гигантъ», по размѣрамъ превышавшаго Цепеллины, но потомъ постройка была прекращена и казаки уѣхали по частямъ.

Морская рота только формировалась и на казаковъ была возложена задача — сформировать первую наблюдательную станцію. Дѣло было новое вообще, казаки взялись за него по-пластунски, завели казачьи порядки въ отрядѣ, были вызваны строевые казаки пластуны какъ инструктора пулеметнаго дѣла и пѣшаго строя. Отрядъ разбили не по ранжиру, а по областямъ и краямъ и вскорѣ морскіе воздухоплаватели оглашали казачьими пѣснями эстонское побережье и танцевали лезгинку... Казачій режимъ страшно нравился морякамъ, а еще больше, что казаки между собою и съ офицерами не только «говорили», но и «балакали», что сразу привлекло къ нимъ симпатіи взвода украинскаго и эстонско-латышскаго.

Здѣсь же подготавливался подъ шумокъ и казачій кадръ. Первые смотры прошли блестяще. Благодарственные приказы по Морской крѣпости въ Ревелѣ, трехдневный отпускъ и по рублю на брата — были наградою казачьему обученію. Весною же, начальникъ отряда, Подъесаулъ Федоровъ, былъ вызванъ Командующимъ эскадрой и получилъ приказаніе подготовить отрядъ къ плаванію для дессанта на Рижскомъ побережьи: дѣло было совсѣмъ новое; подобная проба была только во время русско - японской войны и кончилась неудачно — воздухоплавательный вспомогательный крейсеръ «Русь» попалъ въ плѣнъ подъ Цусимой къ японцамъ. Казаки и тутъ справились самостоятельно, по ихъ чертежамъ и проэктамъ были приспособлены суда и морской отрядъ вступилъ въ минную дивизію Адмирала Колчака.

Не оставляли первые воздухоплаватели Кубанцы и мысли о пополненіи офицерскаго кадра: въ школѣ и на службѣ они зарекомендовали себя хорошо. Вскорѣ, изъ Дѣйствующей Арміи, прибылъ Подъесаулъ 1-го Лабинскаго полка В.

В. А. Федоровъ на морскіе воздухкурсы, а Хорунжаго 2-го Кубанскаго пластунскаго баталіона Б. П. Еглевскаго въ Офицерскую Воздухшколу въ Петроградѣ. Повторилась прежняя исторія съ денщиками, которые своими знаніями забивали морскихъ унтеръ - офицеровъ.

Старшій пулеметный инструкторъ, Подхорунжій ст. Царской Василь Ивановичъ Остапенко, изъ пулеметныхъ наводчиковъ - приказныхъ, выбившійся на всѣ кресты и медали, подавлялъ всѣхъ спокойствіемъ въ критическіе моменты и поражалъ меткостью огня, отгоняя нападавшіе безперестанно аэро и гидропланы нѣмцевъ, ссаживая ихъ съ одной ленты.

По окончаніи навигаціи, морской отрядъ былъ посланъ на Рижскій фронтъ и оставался тамъ до оставленія Риги русскими войсками въ августѣ 1917 года. Натренировались здѣсь и офицеры, работая безъ отдыха, сами творили воздухтактику боя и достигли такихъ успѣховъ, что отрядъ ставился въ примѣръ остальнымъ частямъ, казаки не 2-мъ Сибирскомъ корпусѣ и XII арміи, въ которыхъ работалъ. Польза пластунской системы работы была колоссальна. Нѣмцы стали пассивными: изъ-за желанія имѣть отрядъ у себя — ссорились войсковые начальники. При отрядѣ проходили курсъ практической стрѣльбы съ аэростата офицеры - артиллеристы и отбывали воздушную практику слушатели воздухкурсовъ и все время, въ непрерывной боевой работѣ, отъ разсвѣта до сумерковъ, а часто и ночью, не зная отдыха и опасности, презирая артиллерійскій огонь и налеты истребителей воздушныхъ змѣевъ, дѣйствовавшихъ противъ морскихъ - казаковъ и химическими средствами.

На составъ отряда сыпались кресты и медали: офицеры повышались въ чинахъ и лѣтомъ 1917 года Подполковникъ Федоровъ получилъ высшее назначеніе надъ всѣми морскими отрядами въ XII арміи.

А казаки потихоньку, по одиночкѣ, прибывали и прибывали въ отрядъ: кадръ былъ подготовленъ на славу. Перебило всѣ планы Корниловское выступленіе и отходъ изъ-подъ Риги. Количества казаковъ испугались, прослышали, что придутъ еще 70, былъ митингъ, почти бунтъ. Указывали на то, что въ 1-омъ отрядѣ нѣтъ до сихъ поръ краснаго знамени, что тамъ не носятъ красныхъ бантовъ, и избили большевиковъ - агитаторовъ, членовъ Армейскаго комитета.

Моряки были вызваны въ Ревельскую крѣпость для обороны ея, а послѣ большевицкаго переворота, старшіе офицеры, были отданы подъ слѣдствіе, а потомъ и судъ трибунала ревкомитета. Подп. Федорова обвиняли въ контръ-революціи, въ разжиганіи національныхъ страстей тѣмъ, что у него «балакали», пѣли казачьи пѣсни и ввели казачьи порядки: что казаки не признавали своимъ начальствомъ комитеты, а только своихъ офицеровъ, всѣ носили черкески, а денщики оставались у офицеровъ.

Морской ревсудъ оправдалъ Подполковника Федорова и тогда имъ, по просьбѣ украинцевъ, былъ выдѣленъ изъ состава морскихъ воздухчастей Особый морской воздухотрядъ, въ который вошли всѣ Кубанцы, жители Украины и многіе офицеры, механики и чиновники.

Въ декабрѣ 1917 года отрядъ этотъ ушелъ въ Кіевъ и расположился въ Кіевскомъ воздухоплавательномъ паркѣ, войдя въ подчиненіе Украинскому правительству. Здѣсь былъ составленъ планъ образованія особаго Кубанскаго отряда, на формированіе котораго далъ согласіе Кубанскій Войсковой штабъ, по докладу Подполковника Федорова, еще въ августѣ на Рижскомъ фронтѣ. Надо было усилить численность казачьяго кадра и подобрать самую лучшую матеріальную часть отряда для вывоза на Кубань. Январьскія событія на Кубани отдалили на значительное время вопросъ о формированіи. Большевики овладѣли желѣзнодорожными узлами и отрѣзали Украину отъ казачьихъ областей.

Подполковникъ Федоровъ прибылъ въ Екатеринодаръ и получилъ инструкціи отъ Кубанскаго Военнаго министра и его помощника ген. Успенскаго, прорвался черезъ фронтъ и прибылъ въ Кіевъ съ инструкціями Кубанскаго правительства. Вскорѣ Кіевъ былъ блокированъ совѣтскими войсками; Кубанцы приняли участіе въ его оборонѣ, а потомъ были въ партизанскихъ отрядахъ, захватили въ свои руки управленіе воздухокругомъ и вмѣстѣ съ б. Инспекторомъ воздухоплаванія Юго-Запад. фронта, донцомъ Полковникомъ П. М. Марковымъ, не допустили эвакуаціи изъ Кіева воздушнаго имущества.

По возвращеніи Украинскаго правительства въ Кіевъ, казаки принялись организовывать воздушныя части Украины: во главѣ сталъ Полк. Марковъ, какъ Инспекторъ воздухоплаванія Кіевскаго района, а потомъ и всей Украины; Подп. Федоровъ командовалъ Кіево-полтавскимъ учебно-кадровымъ воздухдивизіономъ и работалъ въ украинскихъ комиссіяхъ при Главномъ и Генеральномъ штабахъ. Казаки - воздухоплаватели приняли участіе въ организаціи бюро при Послѣ Юго-Восточнаго Союза на Украинѣ, переотправляли въ свои Войска военный матеріалъ, охотниковъ, машины, мастерскія, пока это бюро не было арестовано нѣмцами, а президіумъ его посаженъ въ тюрьму: выручилъ ихъ Донской посолъ ген. Черячукинъ: тѣмъ не менѣе, дѣло было сдѣлано, лучшій матеріалъ былъ «перегнанъ» отъ нѣмцевъ на Донъ.

Загорѣвшаяся на Украинѣ гражданская война между Гетманомъ и Петлюрой, заставила совсѣмъ прекратить работу: казаки съ миссіей по снабженіе Полк. летчика Ткачева убыли на Кубань; по дорогѣ, въ Одессѣ, Полковникъ Марковъ остался и сталъ во главѣ воздухчастей, присоединившихся къ Добрарміи, а Полк. Федоровъ отправился на Кубань, добиваться у Командованія Добрарміи формированія Воздухчастей.

Генералъ Врангель, нуждавшійся въ ихъ работѣ на Царицынскомъ фронтѣ, главное для постояннаго наблюденія за Волгой и совѣтской флотиліей, рѣшительно поддержалъ казачьи желанія, но Начальникъ Штаба Добрарміи ген. Романовскій, еще болѣе рѣшительно возсталъ противъ казачьихъ воздухчастей и Врангеля, приказавъ всѣхъ казаковъ отправить въ пластуны.

Иначе смотрѣло на дѣло Кубанское правительство и Войсковой Атаманъ ген. Филимоновъ. Началась работа по созданію Кубанской Арміи: полк. Федоровъ былъ былъ приглашенъ для работъ въ Комиссіи Рады и военнаго министерства Кубани; Рада утвердила его докладъ: правительство ассигновало суммы и провело штаты. Усиленно старался объ этомъ Начальникъ Кубанскихъ Инженеровъ, ген. С. В. Поповъ, при управленіи котораго была сформирована воздухоплавательная команда. Войсковой штабъ прислалъ штатное укомплектованіе: первый у Кубанцевъ, и единственный у казаковъ, вообще, воздухоплавательный дивизіонъ, можно было развертывать, но не доставало имущества и аэростатовъ, которые находились въ паркахъ и складахъ отбитыхъ большевиками отъ украинцевъ.

Къ лѣту 1919 года въ Екатеринодаръ были стянуты всѣ офицеры и чиновники казаки воздухоплаватели и пополнены спеціалистами, служившими подъ командой кубанцевъ въ морскихъ воздухчастяхъ и въ Кіевѣ.

Послѣ паденія Одесскаго фронта, полк. Марковъ сталъ во главѣ Воздухотдѣла ВСЮР; по соглашенію съ нимъ, кубанцы воздухоплаватели отправляли свои команды вслѣдъ за продвигавшимися впередъ войсками въ тѣ мѣста, гдѣ находилось воздухимущество: казаки захватывали его, сейчасъ же грузили напоѣзда и везли якобы въ склады ВСЮР; въ Таганрогѣ накладныя переадресовывались на складъ въ Георгіевскъ, а фактически все сворачивалось въ Екатеринодаръ. Здѣсь уже былъ вполнѣ укомплектованъ Кубанскій казачій воздухоплавательный дивизіонъ, съ учебнымъ отрядомъ при немъ, и воздухоплавательнымъ паркомъ. Во главѣ былъ поставленъ Военный и Морской воздухоплаватель Полковникъ С. Федоровъ.

Технической частью завѣдывалъ опытный старый спеціалистъ Капитанъ Накида, быв. инспекторъ воздухоплаванія въ Кіевѣ, хозяйственной частью — морс. воздух. Подъесаулъ В. Федоровъ, учебнымъ отрядомъ — Есаулъ Еглевскій, а старшимъ офицеромъ въ немъ — Подъесаулъ А. М. Норманъ, съ цѣлымъ кадромъ опытныхъ

офицеровъ и механиковъ. Въ открытыхъ воздухоплавательномъ и моторномъ урядничьихъ классахъ обучали специалисты казаковъ, имѣвшихъ уже полную подготовку въ 2-хъ классныхъ стан. училищахъ.

Казаки проходили кромѣ специальной и инженерную подготовку. Воздухскладъ былъ наполненъ имуществомъ: изъ Севастополя привезли имущества Черноморской эскадры дирижаблей, въ 1917 году принятаго отъ англичанъ пор. Нормакомъ въ Морской воздухротѣ: не хватало только аэростатовъ, которые были сложены въ Одессѣ подъ охраной Галицкой Арміи, присоединившейся къ Добрарміи и перевязавшей все украинское имущество.

Туда былъ командированъ съ командой Хор. Коротенко, — вывезти аэростаты во что бы то ни стало: онъ выполнилъ заданіе блестяще.

Отрядъ былъ снабженъ и вооруженъ. Учебный отрядъ далъ выпускъ молодыхъ специалистовъ передъ комиссіей, составленной изъ представителей Войск. Штаба, Инжен. управленія, Авіо и воздухдивизіона, ВСЮР, показавшихъ блестящую подготовку. Инспекторскій смотръ, произведенный пом нач. Кубанскихъ инженеровъ генераломъ Франкомъ, доказалъ и строевую ихъ подготовку — дивизіонъ былъ поставленъ образцемъ инженернымъ частямъ Кубанскаго войска, и подготовился къ выступленію на фронтъ. Въ это время на Кубани произошли печальныя событія ноября 1919 года. Генералъ Романовскій по телеграфу потребовалъ отъ Войскового Атамана расформированія дивизіона и отправленія казаковъ въ пластуны, а офицеровъ въ распоряженіе дежурнаго генерала, однако Кубанскій военный министръ, ген. Звягинцевъ, начальникъ инжен. ген. Поповъ были противъ этого, а Войсковой Атаманъ ген. Филимоновъ прямо отвѣтилъ: не для того Войско формировало дивизіонъ, чтобы его расформировывать по требованію Романовскаго.

Полк. Федоровъ былъ вызванъ въ Штабъ ВСЮР и получилъ разносъ отъ Романовскаго, полк. Марковъ былъ вынужденъ уйти съ поста начальника воздухотдѣла ВСЮР, но дивизіонъ остался. Бѣлая армія покатилась отъ Орла: на дивизіонъ были возложены инженерныя задачи, которыя онъ съ успѣхомъ выполнялъ до самаго оставленія Екатеринодара.

Съ оставленіемъ Екатеринодара, покинули его и воздухоплаватели: все имущество съ паркомъ было эвакуировано въ Новороссійскъ, а строевая часть, составивши инженерную воздухоплава - тельную сотню, двинулась въ походъ во главѣ Кубанскаго отряда ген. Морозова.

На пути отряда, дивизіонъ имѣлъ первое столкновеніе съ зелеными подъ стан. Саратовской, гдѣ взялъ въ плѣнъ ихъ дозоръ, а на слѣдующій день выдержалъ упорный бой въ самой станицѣ съ красными войсками, пришедшими черезъ перевалъ изъ Черноморской губерніи. Своего Подхорунжаго и урядника, вмѣстѣ съ 28 убитыми изъ инженернаго отряда, предалъ онъ землѣ въ оградѣ Саратовской станичной церкви, отдавши имъ послѣдній салютъ боевыми патронами: раненыхъ увезли съ собою.

По дорогѣ на Апшеронскую, дивизіонъ, слѣдуя въ арьергардѣ инженернаго отряда, отбивалъ зеленыхъ, подправляя дороги, прокладывая новыя для безконечныхъ обозовъ отходившихъ съ Кубани и докатился до Туапсе, откуда двигался далѣе на Сочи, въ качествѣ головного инженернаго отряда, починяя мосты и дороги, а отъ Сочи до Адлера строя пристани въ мѣстахъ стоянокъ Кубанскаго Войска.

Въ Адлерѣ его захватила безславная сдача Кубанской Арміи Командиръ дивизіона, разбудивъ ночью казаковъ, сообщилъ имъ о договорѣ сдачи, заявивъ, что офицеры рѣшили не сдаваться и предложилъ желающимъ уйти съ ними къ грузинскимъ гранизацъ, попытаться пройти въ Грузію, или попасть на американскіе пароходы для переѣзда въ Крымъ, или уйти просто въ зеленые. Всѣмъ уходящимъ отъ красныхъ было приказано раздать одежду изъ обоза, припасы и по 10.000 рублей на человѣка.

Ночью казаки тронулись изъ Адлера за рѣку: часть ихъ пошла съ Командиромъ на хутора Веселые, большинство ушло въ горы въ зеленые. Обманувъ «букретовскую» заставу, воздухоплаватели пришли къ морю подъ предлогомъ постройки пристани для дивизіи ген. Шкуро: не видя кораблей, они разыскали въ эстонскомъ селеніи два затопленныхъ большихъ баркаса, вытащили ихъ, законопатили и рѣшили вечеромъ отплыть въ Грузію; но послѣ обѣда пришли жданные корабли: воздухоплаватели снова взялись за по - стройку примитивныхъ пристаней и только, когда вечеромъ, всѣ корабли были заполнены - - они послѣдними, оставя обозъ и лошадей, отплыли на маленькій буксирный пароходикъ «Тайфунъ» и отправились въ Крымъ, въ Феодосію, гдѣ ихъ ожидалъ личный составъ воздухпарка, но безъ имущества, оставленнаго въ Новороссійскѣ.

Пополнивши свои ряды, воздухоплаватели присоединились къ Крымскому воздухотряду, въ которомъ впервые были и донцы и приняли участіе въ прорывѣ перешейка на Мелитополь: аэростатъ работалъ на поѣздномъ составѣ, со - вмѣстно съ броневиками и замѣняли одновременно конную развѣдку. Связанный телефономъ со

штабомъ Войскъ. наблюдатель въ корзинѣ аэростата видѣлъ на десятки верстъ движеніе своихъ и красныхъ войскъ и передавалъ виденное начальнику штаба. здѣсь же сидѣвшему у аростата и отмѣчавшему по картѣ.

Подъ командой полк. Зиновьева. воздухоплаватели приняли участіе въ разгромѣ Жлобы подъ Токмакомъ, пригнавшаго нашъ аэростатъ за совѣтскій и напоровшагося на нашу тяжелую пушку; здѣсь они ходили въ атаку и въ преслѣдованіе Жлобы.

Старый опытъ сухопутнаго, морского и берегового наблюденія былъ дополненъ опытомъ работы въ маневренной войнѣ. бронепоѣздами. Воздухоплаватели вырабатывали опять новую тактику. до сихъ поръ неизвѣстную.

Войсковые начальники очень цѣнили аэростатъ, какъ средство постояннаго непрерывнаго наблюденія: воздухпоѣздъ работалъ впереди тяжелыхъ бронепоѣздовъ: за легкими выѣзжалъ и впередъ линій. корректировалъ стрѣльбу по скрытыхъ станціяхъ. мостахъ. красныхъ броневикахъ и войскахъ, часто отбиваясь и отъ аэроплановъ, забрасывавшихъ насъ бомбами и отъ пѣхоты и конницы красныхъ.

Казаки мечтали пріобрѣсти свой аэростатъ; надо было его взять у красныхъ: случай помогъ — у нихъ оторвало и унесло въ море вѣтромъ аэростатъ: казаки его поймали, починили, приспособили и. сформировавъ въ Севастополѣ Доно-Кубанскій казачій воздухотрядъ подъ командой полк. Маркова. отбыли съ нимъ уже не къ Александровску. а къ Перекопу. гдѣ и работали до оставленія Крыма.

Около Джанкоя. ночью. имущество было уничтожено и отрядъ присоединился къ Штабу Кубвоздухдивизіона, находившемуся на транспортѣ «Владиміръ» въ Феодосіи. Донской отрядъ прикомандировался къ Кубдивизіону: казаки первые воздухоплаватели совмѣстно прибыли на о. Лемносъ и тамъ раздѣлились по своимъ корпусамъ.

Выдающаяся организаціонная и жертвенная дѣятельность полк. Маркова была вознаграждена по заслугамъ: Комвоздухдивъ Куб. представилъ его черезъ Кубначинженеровъ въ генералы и достойный этотъ человѣкъ былъ награжденъ чиномъ. который заслужилъ еще на Юго-Западномъ фронтѣ и на Инспекторскихъ постахъ Украины.

Дивизіонъ былъ свернутъ и влитъ въ инженерный кадръ Кубанскаго корпуса. съ которымъ перешли въ Сербію.

Командный составъ его перешелъ на мирныя занятія. Командиръ дивизіона. Н-къ учебнаго отряда. Завхозъ — закончили высшее образованіе: нѣкоторые посвятили себя профессорской дѣятельности — въ Канадѣ. въ Чехіи: старшій офицеръ Есаулъ Нормакъ, окончилъ эстонскую академію ген. штаба и авіошколу, а нынѣ занимаетъ постъ военнаго аташе въ Парижѣ: одинъ изъ офицеровъ, попавшихъ въ плѣнъ къ краснымъ, претерпѣвъ мученія. — нынѣ профессоромъ въ Политехникумѣ въ СССР. Казаки разбросаны повсюду, но еще до сихъ поръ держатъ связь не только со своими бывшими командирами, но и съ тѣми. которые остались на Кубани.

Дастъ Богъ возродится Кубань, будетъ у нея своя техническая сильная Армія и казаки уже не будутъ только живою силою. А ихъ техники будутъ и проводниками культуры не только на службѣ. но и въ мирное время, у себя дома.

Сотникъ *А. Медяникъ*

СОДЕРЖАНІЕ № 1-го СБОРНИКА «КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО»

1. «Войсковой Праздникъ» (историческі яданныя о немъ).
2. «Пластуны» (историческій обзоръ) – Полк. Федорова
3. «Разлилась Ты...» (былинный сказъ) – Вл. Куртана
4. «Церковная жизнь на Кубани со времени переселенія Запорожцевъ и до нашихъ дней» — Прот. Ломака
5. «Ставропольское Казачье юнкерское училище и его значеніе для Кубанскаго Казачьяго Войска» — Ген. Кокунько
6. «1-й Кавказскій полкъ» (краткія историческія данныя) — Полк. Елисѣева
7. «Подвиги дѣдовъ» (гибель Сот. Горбатко съ пластунами) — Подъес. Якименко
8. «Страдная пора на Кубани» — Подъес. Толбатовскаго
9. «Послѣдній взглядъ...» — казака Бідолага
10. «Наша слава, наша гордость» — Елисѣева
11. «Казаки на могилѣ Неизвѣстнаго Солдата въ Парижѣ» — Правленіе

Въ журналѣ 26 характерныхъ Кубанскихъ снимковъ и рисунковъ и карта района Турціи, где прошли боевую страду почти всѣ строевыя части Кубанскаго Войска въ Великую войну 1914-1917 г.г. На обложкѣ Штабъ 1-го Хоперскаго полка

СОДЕРЖАНІЕ № 2-го СБОРНИКА «КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО»

1. «Кубань» — изъ поэмы — Н. Николаева (Члена Гос. Думы отъ неказачьяго населенія Кубанской и Терской областей и Черном. губ.)
2. «Столѣтній юбилей Конвоя Его Величества» — М. С.
3. «Атаманъ Кухаренко» (историческій очеркъ) — С. Лантуха
4. «Встрѣчи» — Полковника С. Макѣева
5. «Лабинцы и послѣдніе дни на Кубани» — Полковника Елисѣева
6. «Казачья пѣсня» — Генерала Толстова
7. «Екатеринодарская военно-фельдшерская школа» — Д-ра Мед. С. М. Мащенко
8. «Рождественское письмо Кошевого Атамана Ивана Сірко» — Подъесаула Еф. Якименко
9. «Великое Войско Кубанское» (Некрасовцы — очеркъ. Къ статьѣ приложенъ четкій портретъ Атамана Игната Некрасова) — Полк. и д-ръ правъ С. Федоорва
10. «Казачья слава за океаномъ» — П. Нитяга

Въ журналѣ 17 характерныхъ Кубанскихъ снимковъ и рисунковъ, 2 кроки боя Лабинцевъ. На обложкѣ Командиры сотенъ 1-го Таманскаго полка въ 1905 г. въ г. Асхабадѣ.

СОДЕРЖАНІЕ № 3-го СБОРНИКА «КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО»

1. «Пластуны въ Севастополѣ» Полковника С. Федорова
2. «Оренбургское Казачье военное училище (историческій очеркъ) и Кубанское Казачье Войско» портупей-юнкера Елисѣева
3. «Битва казаковъ съ черкесами» (воспоминанія) – проф. Ѳ. А. Щербины.
4. «Казачья колыбельная пѣсенка» — Е. Бугавина
5. Полковникъ С. А. Федоровъ (къ 20 лѣтію литературной дѣятельности) — Правленіе
6. «За честь Кубани»... — Хор. Гулаго
7. Инженеръ В. С. Мащенко – Полк Елисѣева
8. Первые казаки воздухоплаватели» – Сотника Мелянико

Цѣна каждаго номера 3 фр. 50 с.
Цѣна трехъ номеровъ 10 фр.
Для заграницы 5 фр.

КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО

«LES COSAQUES DU KOUBAN»

JOURNAL ILLUSTRÉ HISTORIQUE ET LITÉRAIRE

10, rue des Cordilieres PARIS XIIIe

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СБОРНИКЪ

№ 3 | Изданіе непеpіодическое | Май 1932 г.

ИЗДАТЕЛЬ: Общество Ревнителей Кубани

РЕДАКТОРЪ: Коллегія Кубанскихъ Казаковъ

Пластуны 1854—55 г.

Изъ колл. Л.-Гв. Атаман. п-ка Подъесаула Семенченкова.

Настоящій Сборникъ выходитъ при участіи Союза Кубанскихъ писателей и журналистовъ

КЪ КУБАНСКОМУ КАЗАЧЕСТВУ

Мы морально удовлетворены: сотни братски-нѣжныхъ писемъ, разнообразный матеріалъ на нѣсколько номеровъ впередъ, масса интересныхъ серьезныхъ дорогихъ и незабываемыхъ никогда фотографическихъ снимковъ изъ жизни Войска, изъ жизни прошлаго нашего родного «Казачьяго міра», такъ ярко воскрешающихъ нашу родную Кубань-Отчизну, словно прошедшую предъ нами только «вчера» — пріятною истомою волнуетъ нашъ разумъ, волнуетъ и зоветъ насъ пѣть пѣснь Ей — вновь теперь и еще — Ей, нашей Родинѣ Казачьей...

Молчать нельзя. Если не мы — живые и свободные, — то кто же послѣ насъ и гдѣ же и еще споетъ и скажетъ слово-пѣснь о Ней, объ этой Родинѣ Святой..!

Придите къ намъ друзья и братья и — помогите. Всякій десятокъ лишнихъ франковъ, всякій лишній купленный журналъ и всякое иное активное участіе родныхъ Кубанскихъ казаковъ въ нашей работѣ — только усилитъ наши возможности и ускоритъ выходъ въ свѣтъ новыхъ и еще новыхъ номеровъ, чрезъ кои яркой изрядной радугой пройдетъ вся жизнь Кубани-Матери, вся жизнь и существованіе Кубанскаго Казачества...

Придите..!

Въ этомъ году исполняется 200-лѣтіе существованія 1-го Кубанскаго полка. Нашъ Войсковой Историкъ - писатель и генералъ В. Г. Толстовъ, уже прислалъ намъ трудъ свой объ этомъ гиковомъ и доблестномъ полкѣ, гдѣ ясно четко просто и понятно даетъ исчерпывающія данныя, какъ на крови и слезахъ цѣлой тысячи донскихъ и волжскихъ семействъ казачьихъ, преодолѣвъ всѣ удары судьбы жестокой — осѣлъ прочно на Кубани, окрѣпъ, расцвѣлъ и размножился въ своихъ станицахъ этотъ молодецкій полкъ.

О 1-омъ Линейномъ полкѣ, о его историческихъ конныхъ атакахъ на австрійцевъ въ самомъ началѣ Великой Войны 1914 года - прислалъ обстоятельный матеріалъ коренной Линеецъ и участникъ всѣхъ боевъ — Полковникъ Е. Тихоцкій.

Имѣется обстоятельный очеркъ, на полный отдѣльный номеръ «Исторія Конвоя Русскихъ Императоровъ», въ которомъ Кубанцы находились съ 1811 года по своему Черноморскому Казачьему эскадрону.

Имѣются цѣнныя «воспоминанія» профессора Ѳ. А. Щербины. Накопилось много богатыхъ очерковъ о Кубани Полк. С. А. Федорова, и многихъ др. авторовъ.

Придите - же...

Сборникъ «КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО» въ своемъ историко-литературномъ и иллюстрированномъ направленіи, при добромъ желаніи Кубанцевъ — можетъ стать достояніемъ всего Кубанскаго Казачества.

Правленіе.

ПЛАСТУНЫ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ

Я не буду писать о тѣхъ пластунахъ, нашихъ дѣдахъ и прадѣдахъ, которые прославили имя пластунское въ годину мужественной обороны Севастополя отъ французовъ, турокъ, англичанъ и итальянцевъ въ 1854—55 г. Я лишь скажу вкратцѣ о насъ самихъ, когда мы, ихъ внуки и правнуки, шестьдесятъ лѣтъ спустя, увидѣли славныя мѣста, политыя кровью нашихъ предшественниковъ, весною 1915 г.

Февраль. Снѣгъ Морозы. На Зивинскихъ позиціяхъ хоть и не голодно, но холодно и неуютно. Турки далеко; бездѣльничаемъ и скучаемъ.

Извѣстіе о назначеніи моемъ Начальникомъ сводно-пластунской команды 6-го Е. И. В. баталіона, взб-удораживаетъ пулеметчиковъ 2-го, родного, баталіона. Казаки волнуются, протестуютъ, а больше всѣхъ — всегда спокойный и уравновѣшенный урядникъ Остапенко:

— «Къ бригадному пойдемъ; не пустимъ! Што мы сами дѣлать будемъ? Прапорщиковъ намъ даютъ, чи ихъ учить, чи самимъ за ими ходить...»

Протесты не помогли; только то, что бригадный и самого Остапенко со взводомъ назначилъ въ 6-й баталіонъ Казаки довольны: — «ничево; сотникъ заговореный; слово таке знаетъ; пуля ни ево ни казаковъ не беретъ и тута добре будя».

Черезъ недѣлю, мы, ласкаемые теплыми лучами батумскаго солнца — дышимъ свѣжимъ морскимъ воздухомъ. Формируется 5-й Кавказскій корпусъ. Корпусный смотръ. Подъ бодрящіе звуки музыки, выбрыкиваютъ, танцуютъ пулеметные кони на церемоніальномъ маршѣ. Казаки подтруниваютъ надъ «крупой сѣрой», марширующей въ однихъ гимнастеркахъ, но въ валенкахъ.

— «Съ ними — какъ-разъ турецкую столицу брать...»

Пластуновъ готовятъ «ставить крестъ на святую Софію» — византійскій соборъ, теперь мечеть въ Царьградъ

Пріѣхалъ экзархъ грузинскій, благословилъ, раздалъ крестики. Страстная недѣля; казакамъ раздали посадочные номера на транспорты; офицеры по топографическимъ картамъ «гуляютъ по улицамъ Константинополя».

Въ пасхальную ночь пришли транспорты за пластунами и въ эту же ночь разогналъ ихъ турецко-нѣмецкій дредноутъ «Гебенъ», а на третій день Пасхи катились уже пластуны «кругаля» по желѣзной дорогѣ въ Севастополь.

Баку, Терекъ, Кубань... Родныя лица, встрѣчи, радость и слезы. Казачьи станицы позади, «минаемъ» Донъ, несемся по Крыму и вскорѣ маршируемъ мимо грозаго 4-го бастіона Севастопольскаго, свидѣтеля былой пластунской славы.

Городъ притихшій, полумертвый. Жителямъ наговорили небылицъ о «дикихъ» пластунахъ; рекомендовали не ходить зря по улицамъ, а по вечерамъ не пускать дивчатъ гулять.

Морское начальство позвало наше начальство; усиленно убѣждало вести себя тихо и всенепремѣнно отдавать честь солдатскимъ офицерамъ.

Казаки малость обидѣлись, но сдержались.

На третій день пластуны завоевали весь городъ: офицеры—центръ, Приморскій, казаки—слободку, корабельную сторону.

Моряки, портовые рабочіе ревновали: пара схватокъ рукопашныхъ, и казаки вышли навсегда побѣ-

дителями. Дивчатами запестрѣлъ городъ: что ни казакъ, то съ дивчиной; затерли старожиловъ.

⁂

Въ Дарданеллахъ закипѣлъ бой. Англо - французская эскадра пробивалась въ Мраморное море. Дессантный корпусъ союзниковъ цѣлился на Галлиполійскій полуостровъ. Пластуны сѣли на пароходы.

6-й Е. И. В. баталіонъ — на лучшій транспортъ Дальневосточнаго О- ва «Императоръ Николай II».

Чисто, мягко, сытно и вольготно.

— «Такъ воювать, — хоть цѣлую жисть можно, какъ моряки воюють. Опять же — потопать, такъ усѣмъ вмѣстѣ, совсѣмъ и съ казармой ихней».

Союзники подзадерживаются; турки упорно бьются, не пускають Нашъ флотъ, послѣднія недѣли, дѣлаетъ набѣги къ берегамъ Босфора, уничтожаетъ отдѣльныя турецкія суда.

Пластуны 2-го и 8-го баталіоновъ **Черноморскаго Казачьяго Войска, отличившіеся при защитѣ Севастополя въ 1854-55 г.г.** Слѣва направо: **Сидоръ Бѣлобровъ, Дмитрій Горленко, Подполковникъ** Головинскій (въ буркѣ) **Командиръ 2-го баталіна, Хорунжій Даниленко, Макаръ Усульга, Андрей Гиденько, урядникъ Иванъ Демяненко и Лука Грещовъ.**

(Рисовалъ съ натуры, въ январѣ 1855 г., въ Севастополѣ, В. Тиммъ)

Сводно - пластунская дивизія изъ Севастополя, Гвардейскій флотскій экипажъ изъ Одессы, и морская пѣхота, — пойдутъ въ головѣ нашего дессанта на берега Анатоліи.

6-й Е. И. В. баталіонъ будетъ первымъ высаживаться на берегъ; мои пулеметчики — первыми сбивать турокъ и закрѣплять берегъ. Вспоминаютсь запорожскіе и донскіе набѣги на анатолійскіе берега; вспоминается «обкуриваніе пороховымъ дымомъ» стѣнъ Стамбульскихъ нашими прапредками но вспоминается и послѣдній — похоронный салютъ, самимъ себѣ, тонущаго, дырявого отъ пуль понтона, на Дунайской переправѣ въ 1877 году..

— «Ничево... Богъ не выдасть турокъ не угробить... опять же сотникъ слово такое знаетъ...»

Слышимъ — ѣдетъ Царь поглядѣть на сарыкамышскихъ храбрецовъ и проводить на Царьградъ. За два дня передъ Его пріѣздомъ нашъ флотъ разгромилъ турецкую береговую батарею у Босфора, потопилъ миноносецъ и загналъ турецкій флотъ въ Босфоръ.

16-го апрѣля, къ вечеру, пріѣхалъ царскій поѣздъ; на пристани, около нашего транспорта, онъ остановился.

1-ая Е. И. В. сотня, съ Есауломъ Рубаномъ, держала почетный караулъ.

На другой день, къ 4 часамъ, былъ вызванъ на Царскую пристань весь 6-й Е. И. В. баталіонъ. Высшее начальство суетилось, а мы, малые, какъ всегда — злимъ старшихъ. Моя синяя, расшитая галунами черкеска, не нравится командиру баталіона, полковнику Зинковскому; приказываетъ надѣть другую; одѣваю сѣрую, потрепанную, съ заплатами подъ мышками и рыжую измызганную папаху, бѣлую на царскій смотръ не позволилъ.

Казаки любопытствуютъ; занимаетъ ихъ — «каковъ будетъ Царь «сблизка», видали то вѣдь все по портретамъ.

— «Слушай на краулъ!» Салютуемъ.

Небольшого роста, привѣтливый, съ мягкими сѣрыми глазами и русыми усами и бородкой — полковникъ нашего же баталіона, въ сѣренькой черкескѣ подходитъ и здоровается съ нами.

— «Здравія желаемъ Ваше И. В—во... ура-а-а-а...» несется въ отвѣтъ, и... совсѣмъ не страшно.

Начальство рапортуетъ, Государь обходитъ фронтъ, по обходѣ вызываетъ офицеровъ и казаковъ, представленныхъ къ наградамъ.

Государь среди пластуновъ въ Севастополѣ въ 1915 году. Правѣе Его — Командиръ 6-го Кубанскаго пластунскаго баталіона, Полковникъ Зинковскій.

Государь съ каждымъ бесѣдуетъ, разспрашиваетъ; толстый - претолстый генералъ Орловъ, начальникъ походной канцеляріи, подаетъ ему ордена и темляки «За храбрость». Награждаемые сіяютъ. Вижу какъ правѣе меня трясется старый подъесаулъ Калаушевъ — дрожитъ рука «подъ-высь», дрожатъ поджилки; — ишь ты, — вотъ то онъ трепетъ...»

Настаетъ и моя очередь. Цифра «2» на погонахъ обращаетъ вниманіе; объясняемъ съ полковникомъ Зинковскимъ — пулеметчики 6-го баталіона остались на Кавказѣ, здѣсь сводные по взводу отъ 2-го, 4-го и 5-го баталіоновъ. Царь вспоминаетъ о 2-мъ баталіонѣ войска Черноморскаго въ Крымскую кампанію, спрашиваетъ о станицѣ, о матери, отцѣ, даетъ первую боевую награду Владиміра съ мечами и бантомъ — первый бой подъ Кирыхомъ, даетъ и красный темлякъ — за второй бой на Араксѣ.

Подходитъ къ батюшкѣ.

— «А батюшкѣ что?» — спрашиваетъ у командира. Полк. Зинковскій, съ перваго же момента овладѣвшій царскимъ расположеніемъ находится — «ну, а батюшкамъ крестъ даютъ В. И. В—во».

— «Какой крестъ?» улыбается Государь.

— «Ну извѣстно какой, — золотой» усмѣхается матерой полковникъ.

Генералъ Орловъ запускаетъ руку въ карманъ и вытягиваетъ изъ него коробку. Государь открываетъ ее и даетъ батюшкѣ; батюшка чуть не падаетъ въ обморокъ — золото блещетъ на солнцѣ, обвитое широкой георгіевской лентой.

— «Не заслужилъ, Государь...» отпирается батюшча.

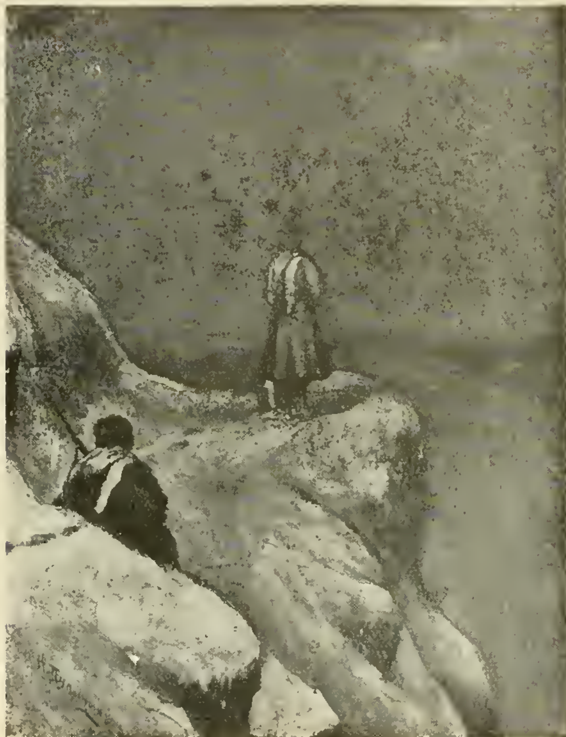
— «Заслужите», вторитъ Императоръ.

Получаетъ свое и докторъ, — милый, веселый армянинъ.

На крайнемъ флангѣ два подхорунжихъ и старшій писарь.

Подхорунжій Конорѣзовъ и Русановъ отличились въ Сарыкамышѣ особенно.

Изъ подхорунжихъ они становятся прапорщиками.

Пластуны. Часовой и подчасокъ на «Орлиномъ Гнѣздѣ» въ раіонѣ Трапезунда (Турція) — 1916 г.
(Зарисовалъ съ натуры Есаулъ Н. Н. Пупынинъ).

— «Баталіонный писарь Чернобровкинъ, 17-ть лѣтъ прослужилъ въ баталіонѣ», говоритъ командиръ.

— «Произвожу тебя въ коллежскіе регистраторы», слышу слова Государя.

Длинной вереницей подходятъ за Георгіевскими наградами казаки; многіе растроганы, цѣлуютъ крестики, на глазахъ слезы — «какъ же и не быть!.. съ самимъ Царемъ разговаривалъ!»

*

Церемоніальный маршъ

Смотръ кончился. Длинными рядами выходимъ съ пристани и идемъ городомъ; шпалеры любопытныхъ стоятъ по улицамъ, кричатъ «ура» новымъ кавалерамъ.

Вечеромъ общій ужинъ. Въ чудной каютъ-кампаніи Императора Николая II сидятъ и новые прапорщики и коллежскій регистраторъ.

***

Съ утра 18-го, пластуны готовятся къ общему царскому смотру. Батальонъ за батальономъ вытягиваются на полѣ передъ лагеремъ — Куликово поле.

Стоитъ мой родной баталіонъ — 2-й; возлѣ него суетится новый «войсковой» Самойловъ, изъ грековъ, изъ отставки.

— «Подъ знамя слушай на кра—улъ!» — командуетъ С.

Наше старое георгіевское пластунское знамя, на прогнувшемся длинномъ древкѣ, безъ чехла, развернутое, до половины, потрепанное временемъ и непогодами.

«Къ ногѣ!» — несется команда.

Отъ лагеря показывается маленькая фигура полковника Бирюлькина, командира баталіона.

— «Слушай на кра—улъ!» — раздается опять команда войскового.

На лицахъ пластуновъ недоумѣніе, но лѣсъ штыковъ взметнулся къ небу: команда, какъ команда — блеснули и офицерскія шашки. Даже «Бирюлька» сообразилъ, что войсковой переборщилъ и отчаянно замоталъ руками. Войсковой это понялъ по своему — двигаться на поле.

— «Шагомъ маршъ!»

Въ первый и, вѣрно, въ послѣдній разъ въ жизни видѣли мы какъ двигался баталіонъ «развернутымъ фронтомъ»,—винтовки «на караулъ»—на сборное мѣсто; впереди всѣхъ шагалъ съ шашкой на плечо новый войсковой.

Мы, лицезрѣвшіе, не удержались отъ дружнаго смѣха; нашъ смѣхъ заставилъ опомниться офицеровъ 2-го баталіона; командиры сотенъ сами по себѣ начали командовать «къ ногѣ», «на плечо» и вытягиваться по-сотенно, а войсковой шагалъ и шагалъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

На обширномъ Куликовомъ полѣ выстроилась длинная предлинная линія войскъ; пластуны на правомъ флангѣ. Къ полудню пріѣхалъ Государь.

Звуки гимна, громовое перекатывающееся ура, долго звучали по полю. Передъ каждымъ баталіономъ Императоръ останавливался и благодарилъ за жертвенную боевую службу. Подойдя къ 3-му баталіону, Государь остановился и сказалъ: «За молодецкую боевую службу 3-го пластунскаго баталіона и въ память сегодняшняго моего смотра — назначаю шефомъ баталіона моего Сына Наслѣдника-Цесаревича Алексѣя Николаевича». Это была награда за особо мужественные бои въ Сарыкамышѣ.

Нѣсколько секундъ ничего не ожидавшій баталіонъ молчалъ, и потомъ понеслось дружное громовое «ура».

Обходъ окончился; войска стали перестраиваться къ церемоніальному маршу.

Государь стоялъ на особомъ помостѣ.

— «Какая историческая картина; никогда Севастополь не видалъ еще стольких пластуновъ здѣсь» сказалъ онъ министру Двора Фредериксу. Затѣмъ, взглянувъ на стоявшихъ здѣсь офицеровъ, онъ замѣтилъ: «Впрочемъ, вѣдь слава пластуновъ пошла и отсюда, изъ Севастополя, когда они вмѣстѣ съ моряками Черноморскаго флота совершали славныя дѣла. Здѣсь дѣйствовали 2-й, 5-й и 8-й пластунскіе баталіоны».

Офицеры подтвердили, упомянувъ еще, что въ этихъ баталіонахъ было много охотниковъ изъ иныхъ станицъ Войска.

— «Кажется, старшинство пластунскихъ баталіоновъ идетъ наравнѣ со старшинствомъ одного изъ конныхъ полковъ Вашего Войска? Насколько помню, съ Запорожскимъ полкомъ, съ 1782 г.» — продолжалъ онъ. Офицеры подтвердили, упомянувъ, что этотъ полкъ имѣетъ знамя пѣшихъ казаковъ, полученное за взятіе острова Березани.

Видно было, что наука, полученная Государемъ, еще Наслѣдникомъ, по труду Ф. А. Щербины «Исторія Куб. К. В.» не забылась.

Перестроеніе закончилось.

Двигались стройныя шеренги пластуновъ, блестя штыками. Нѣкоторые баталіоны шли держа винтовку къ бою — «на руку».

Съ помоста неслись царскія благодарности. Маршъ окончился.

Офицеры густыми кольцами окружили Государя, и вели съ нимъ по-просту разговоры.

— «Ваши пластуны такіе же молодцы какими были въ Севастополѣ и ихъ дѣды» — сказалъ Государь, увидя командира 2-го баталіона полковника Бирюлькина.

— «Какой тамъ» — отвѣтилъ по-просту тотъ «теперь уже не тѣ казаки, что раньше были. Пластуны - какъ пластуны».

— «Та це брехня, В. И. В.», послышалось сзади «наши козаки и теперь не гірши».

Государь улыбнулся и поддакнулъ, упоминая Сарыкамышскіе упорные бои и пластунскую доблесть на Кавказѣ.

Въ промежуткахъ между разговорами снимались: — сначала офицерскій составъ 6-го баталіона, потомъ офицеры 1-й пластунской бригады, затѣмъ 2-й бригады. Всюду сновалъ, не находившій себѣ мѣста отъ радости ген. Гулыга.

Но особенно героемъ дня чувствовалъ себя командиръ 6-го баталіона полк. Зинковскій, своею простотой и непринужденнымъ обращеніемъ онъ подкупилъ совсѣмъ Государя.

Царь смѣялся и вообще былъ очень доволенъ простотою пластунскою; до моего слуха долетѣла фраза, какъ сказалъ ген. Орловъ, что за всю войну, только два раза Царь былъ веселъ и радостенъ — впервые, когда его встрѣчали русины въ Галиціи и вотъ теперь, среди пластуновъ въ Севастополѣ.

Разговаривая с Зинковскимъ, Царь спросилъ о жизни пластунской.

— «Да какая наша жизнь» отвѣчалъ тотъ «слава то казачья, а жизнь собачья, всѣмъ даютъ, а пластуновъ обдѣляютъ».

Кавказскій фронтъ. Характерные типы пластуновъ Кубанскихъ бригадъ въ Великую войну 1914-17 г.г.

Царь заинтересовался, «какъ это такъ»? и Зинковскій пояснилъ, что вотъ въ пѣхотныхъ полкахъ всѣ командиры ротъ капитаны, а у насъ, въ мирное время 25 есауловъ на все Войско — 18 баталіоновъ. Тамъ, молъ, штабъ-офицеръ получаетъ 85 руб. столовыхъ, а нашъ «войсковой» — 55. Солдатъ на службѣ одѣтъ въ казенное, а пластунъ въ свое; на войну солдатъ изъ дома рубашку принесетъ — деньги за нее получитъ, а мы и на войнѣ въ своемъ и т. д. и т. п. перечислялъ онъ бѣды пластунскія.

Царь слушалъ и давалъ знакъ флигель-адъютанту, а тотъ все записывалъ въ книжечку. Результатъ былъ скоръ, молніеносенъ — пластуновъ сравняли во всемъ съ пѣхотой и даже обмундированіе стали получать изъ интендантства. Для самого же Зинковскаго — онъ былъ очень плачевенъ: говорили, что ген. Гулыга и Букретовъ страшно злились и чертыхались по адресу Зинковскаго — какъ, молъ, онъ осмѣлился, не доложивши по командѣ, докладывать прямо Государю!

❦

Смотръ закончился.

Государь отъѣзжалъ на автомобилѣ — ревъ ура, тучи шапокъ, взвивавшихся къ небу; толпы бѣгущихъ за автомобилемъ воиновъ и штатскихъ — послѣднее мое впечатлѣніе.

Снова пароходъ, но казаки уже въ баракахъ. Ждемъ, когда союзники пробьются въ Дарданеллы и закрѣпятся на Галлиполи. Напряженіе чрезвычайное; флотъ каждый день выходитъ въ море. Пластуны послѣ смотра совсѣмъ герои дня; новые крестики на груди окончательно покоряютъ прекрасныхъ и непрекрасныхъ представительницъ слабаго пола.

Не только офицеры, но и рядовые пластуны въ Севастополѣ всѣ говорили «намъ би тільки за берегъ зачепитися, а тамъ вже насъ турки не виженуть». Офицеры цѣнили очень назначеніе въ эту историческую экспедицію, цѣнили больше, чѣмъ выигрышъ въ 200.000, а пожилой полковникъ, лѣтъ 50, съ высшимъ образованіемъ, оставившій въ станицѣ жену и дѣтей, мало денегъ и ровно никакого имущества добавилъ какъ то: двѣсти тысячъ можно прожить, ну а ту славу, которую получатъ пластуны если войдутъ въ Константинополь — прожить нельзя. Дѣти будутъ говорить всегда — «батько былъ въ войскѣ, которое брало Царьгородъ. А если Богъ приведетъ померетъ, такъ дважды не помирать, а вѣдь нѣтъ лучше смерти какъ подъ стѣнами Царяграда».

Пластуны внѣ конкуренціи вездѣ и всюду. Въ наши ряды вливаются и добровольцы — въ мою пулеметную присталъ двѣнадцатилѣтній «хохленокъ» Панасъ — «утікъ зъ дому до козаківъ» и никакихъ. «Якъ не візмете — въ морі втоплюсь» говоритъ; казаки упросили — «будетъ за конями ходить, на кухни помогать»... Взялъ и не пожалѣлъ; Панасъ отлично помогалъ и былъ коноводомъ въ бояхъ — 12-го мая въ с. Лашки заработалъ Георгіевскую медаль. Прибѣжалъ къ намъ изъ Закавказья, Душета и аптекарскій Казя Троянскій. Юноша-полякъ. Не утерпѣлъ, пошелъ за пластунами и отлично помогалъ намъ въ Галиціи какъ переводчикъ.

Но пластуны время не теряли — готовили своихъ урядниковъ «въ прапора». Обидно было видѣть, какъ школы прапорщиковъ комплектовались недоростками, а наши урядники все были «нижніе чины». Позвалъ я всѣхъ урядниковъ, окончившихъ 2-хъ классное училище, сказалъ имъ слово, подучили малость и послали ихъ въ Севастопольскую гимназію держать экзаменъ на права по образованію II-го разряда, а за ними послали и изъ сотенъ и подхорунжихъ всѣхъ... Выдерживали; потомъ шли въ школы прапорщиковъ и уже на Днѣстрѣ мы видѣли ихъ у себя съ блестящими погонами, счастливыхъ и благодарныхъ.

Дессанта не дождались; союзники не прорвались къ Царюграду, но зато на Карпатахъ нѣмцы прорвали русскій фронтъ; «фаланга» Макензена гнала неудержимо армію къ р. Сану; пластуновъ посадили въ поѣзда и быстрѣй курьерскаго погнали на Сань выручать солдатъ.

Днѣпръ. Волынь. Радзивиловъ. Львовъ. Высадка въ Садовой Вишнѣ и походъ на Яворовъ къ Ярославлю на р. Сожъ; встрѣча съ «фалангой», упорные бои съ гренадерами германской гвардіи и съ гвардіей; пластуны фалангу задержали и стяжали себѣ славу «ударной дивизіи», которая потомъ посылалась по всему фронту, спасая положеніе.

Полковникъ С. Федоровъ.

Оренбургское Казачье Военное училище и Куб. Каз. Войско

Въ 1898 году закрыто было Ставропольское казачье юнкерское училище, — этотъ мѣстный краевой и дорогой разсадникъ г.г. офицеровъ для Кубанскаго и Терскаго Казачьихъ Войскъ, и — для Казачьей молодежи Кавказскихъ Казачьихъ Войскъ съ незаконченнымъ среднимъ образованіемъ,, для вольноопредѣляющихся и для заслуженныхъ строевыхъ казаковъ, желающихъ стать офицерами, какъ и для самихъ Войскъ — невольно всталъ вопросъ — Куда теперь?!.

Ярко и опредѣленно обозначился городъ Оренбургъ и въ немъ — Оренбургское Казачье юнкерское училище.

Въ серединѣ 19-го столѣтія, въ городѣ Оренбургѣ, были учреждены Офицерскіе курсы, которые 20 декабря 1868 года преобразовались въ —

«Оренбургское окружное юнкерское училище».

Первоначально училище имѣло два отдѣленія: пѣхотное (рота) и казачье (сотня). Штатъ училища был ъразсчитанъ на 200 юнкеровъ съ двухъгодичнымъ курсомъ. По окончаніи курса, юнкера выпускались: въ пѣхоту — подпрапорщиками, а въ казачьи части — Оренбургскаго, Уральскаго и Сибирскаго Казачьихъ Войскъ — подхорунжими.

Тѣ и другіе, по прослуженіи въ строю извѣстнаго числа лѣтъ (окончившіе по первому разряду — через годъ, а по второму разряду — по мѣрѣ очищенія вакансій), производились въ офицеры — въ подпоручики и хорунжіе.

После открытія въ г. Казани окружнаго юнкерскаго училища — пѣхотное отдѣленіе въ Оренбургскомъ училищѣ было закрыто. Съ тѣхъ поръ послѣднее стало чисто Казачьимъ юнкерскимъ училищемъ. Первымъ начальникомъ училища былъ Полковникъ Котовъ. Но особенно яркій слѣдъ въ училищѣ оставилъ Полковникъ В. А. Потто (впослѣдствіи извѣстный военный историкъ), занимавшій должность начальника училища въ теченіи одиннадцати лѣтъ — съ 1870, по 1882 г. Прекрасный администраторъ и высокообразованный военный педагогъ — онъ въ дѣло воспитанія юношества вкладывалъ всю свою душу. Онъ собралъ богатую библіотеку, стѣны училища украшалъ богатѣйшими гравюрами и картинами изъ временъ Кавказской войны, кои были въ училищѣ до послѣднихъ дней существованія училища — до 1919 года.

При немъ были построены — церковь и манежъ.

Въ 1901 году было закрыто казачье отдѣленіе (взводъ) при Иркутскомъ юнкерскомъ училищѣ и, съ этого года, молодые казаки Забайкальскаго, Амурскаго и Уссурійскаго Казачьихъ Войскъ, командировались для полученія военнаго образованія, въ Оренбургское училище.

Такимъ образомъ, ходомъ событій, Оренбургское училище сдѣлалось общеказачьимъ юнкерскимъ училищемъ. Въ немъ были представлены всѣ «Войска», кромѣ Донского, имѣвшаго свое училище въ Новочеркасскѣ. Въ строю сотня юнкеровъ блистала всѣми цвѣтами нарядной радуги: юнкера носили форму одежды — каждый своего Войска и справляли ее на собственный счетъ.

Въ 1901—1902 учебномъ году, какъ и во всѣхъ юнкерскихъ училищахъ, въ Оренбургскомъ казачьемъ былъ введенъ 3-хъ годичный курсъ программы. Съ 1904 года, юнкера изъ училища стали выпускаться въ полки, сразу же, офицерами.

Въ 1902 году, начальникомъ училища былъ назначенъ Генеральнаго штаба Полковникъ М. И. Михѣевъ (донской казакъ). Въ то же время, начальникомъ Новочеркасскаго юнкерскаго училища состоялъ Генеральнаго штаба Полковникъ А. М. Калединъ (впослѣдствіи извѣстный Донской Атаманъ).

Въ 1903 году, вслѣдствіе совмѣстныхъ ходатайствъ обоихъ начальниковъ казачьихъ училищъ, обмундированіе въ училищахъ было принято на счетъ Войскъ, по принадлежности юнкера. При этомъ, въ Оренбургскомъ училищѣ была введена однообразная форма одежды для всѣхъ юнкеровъ, по образцу Оренбургскаго Войска, но съ погонами алаго (а не голубого) цвѣта.

Въ томъ же 1903 году, училищу было Высочайше пожалованоо знамя. Церемонію передачи знамени производилъ Наказный Атаманъ Оренбургскаго Казачьяго Войска Генералъ-Лейтенантъ Я. Ф. Барабашъ, въ училищномъ лагерѣ, на горѣ «Маякъ», при весьма торжественной обстановкѣ.

Видъ Оренбургскаго Казачьяго военнго училища. Вверху — Зимній манежъ для вольтижировки. Вдали его — училищная церковь. Внизу — корпусъ зданія. Правая аллея — постоянный выходъ юнкеровъ въ городъ и церковь.

Въ 1907 году, начальникомъ училища былъ назначенъ Генеральнаго штаба Полковникъ К. К. Слесаревъ (терскій казакъ). Онъ оказался послѣднимъ начальникомъ училища до послѣднихъ дней существованія училища, до 1920 года, который, почти со всѣмъ училищемъ, въ далекихъ дебряхъ Сибири отступающей Арміи Адмирала Колчака, былъ отрѣзанъ и окруженъ красными войсками и попалъ въ плѣнъ къ нимъ.

Въ 1909 году, всѣ окружныя юнкерскія училища, въ томъ числѣ и Оренбургское, были приравнены во всѣхъ правахъ къ военнымъ училищамъ, и всѣ стали называться

«военными училищами»,

а Оренбургское стало оффиціально именоваться

«Оренбургское Казачье училище»

Во время Великой войны, училище давало ускоренные курсы производства въ офицеры.

Въ концѣ 1917 года, послѣ большевицкаго переворота, когда Оренбургское Казачье Войско не признало новой власти и выбрало своимъ Войсковымъ Атаманомъ высокообразованнаго, своего же Оренбургскаго казака, Академика, знаменитаго потомъ Атамана, Полковника А. И. Дутова, бывшаго помощника инспектора классовъ и преподавателя Оренбургскаго училища — красные повели наступленіе на Оренбургъ съ двухъ сторонъ — со стороны г. Самары и со стороны Туркестана. Сотня юнкеровъ принимала самое активное участіе во всѣхъ этихъ бояхъ на подступахъ къ Оренбургу. Его же длинное мрачное казарменное зданіе, служило цитаделью при оборонѣ, гдѣ и помѣщался штабъ Войскового Атамана.

Въ первыхъ числахъ февраля мѣсяца 1918 г., Оренбургъ палъ. Генералъ Слесаревъ увелъ сотню юнкеровъ къ Уральскимъ казакамъ, въ городъ Уральскъ. Училище, какъ и всѣ учрежденія Оренбургскаго Войска, подверглись невиданному разгрому ворвавшихся красныхъ полчищъ, гдѣ было уничтожено все, что такъ долго и кропотливо собиралъ въ училищныя коллекціи Полковникъ Потто и другіе Начальники.

Въ іюлѣ 1918 года, Оренбургскіе казаки освободили свой Войсковой городъ и училище вновь было призвано къ жизни на разрушенныхъ пепелищахъ своихъ, но уже въ январѣ 1919 года, послѣ ожесточенныхъ боевъ, Оренбургъ вновь палъ и училище, въ спѣшномъ порядкѣ, эвакуировалось въ Сибирь. Послѣ цѣлаго ряда скитаній, оно обосновалось въ г. Иркутскѣ, гдѣ и приступило къ занятіямъ, но — не надолго. Въ концѣ 1919 года Сибирскій фронтъ рухнулъ. Въ Иркутскѣ произошло возстаніе мѣстныхъ эсеровъ и большевиковъ.

Училище было окружено красными частями и захвачено полностью... Удалось спастись только нѣсколькимъ юнкерамъ...

Такъ жутко закончило свое существованіе наше родное Оренбургское казачье военно училище.

Итакъ, въ 1898 году, по закрытіи Ставропольскаго юнкерскаго училища, кубанская молодежь, не получившая средняго образованія, невольно взоры свои обратила къ далекому Оренбургу, гдѣ было свое казачье юнкерское училище.

Всѣхъ вакансій въ училищѣ было 120. Наибольшее ихъ число, по праву «первородства», имѣло Оренбургское Войско — 36, затѣмъ Кубанское — 18, и Терское — 12. Остальные Войска — Уральское, Астраханское, Сибирское, Семирѣченское, Забайкальское, Амурское и Уссурійское имѣли ваканціи пропорціонально своей мощи. Послѣднее имѣло всего лишь одну вакансію.

И вотъ, Кубанское Казачье Войско, первое по величинѣ и могуществу изъ всѣхъ Казачьихъ Войскъ послѣ Донского Войска — оно буквально задыхалось въ этихъ своихъ 18-ти войсковыхъ вакансіяхъ. Наплывъ вольноопредѣляющихся 2-го разряда изъ первоочередныхъ полковъ Войска, и, даже, изъ Пластунскихъ баталіоновъ, настолько былъ великъ, что устанавливался жестокій конкурсъ. Но драма была еще въ томъ, что этотъ конкурсъ опредѣлялся только въ наличіи своихъ Войсковыхъ, Кубанскихъ, вакансій, а не всего училища. Провѣрено и установлено, что юнкера другихъ Войскъ, за малымъ пріѣздомъ, поступали на свои войсковыя вакансіи безпрепятственно и, даже, порою, ихъ не заполняли. Кубанцы же, прибывая въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ ежегодно — никогда не имѣли своихъ свободныхъ вакансій и ждали — когда имъ останутся они или отъ неприбывшихъ, или отъ невыдержавшихъ вступительныхъ экзаменовъ казаковъ другихъ Войскъ. Но эти чужія свободныя вакансіи зачислялись Кубанцы, уже по общему конкурсу, и училищное начальство потомъ уже хлопотало передъ Кубанскимъ Наказнымъ Атаманомъ о принятіи этихъ новыхъ, дополнительныхъ расходовъ, на Войсковой счетъ. Въ такомъ положеніи, вновь поступившіе юнкера, маялись не меньше мѣсяца — другого, не зная, согласится ли Войсковое Начальство взять на себя лишній расходъ, или, можетъ быть, имъ придется снять мундиръ юнкера и вновь обратиться въ «вольноопредѣляющихся». Столь жуткія переживанія молодой клокочущей стремящейся душн — ежегодно испытывали молодые казаки-Кубанцы въ далекомъ чужомъ Оренбургѣ, не имѣя твердаго положенія и болѣя душой, при мысли — «а вдругъ отказъ»!

Въ 1912-омъ году, цѣлый рядъ Кубанскихъ вольноопредѣляющихся, окончившихъ учебныя команды, съ двумя нашивками младшаго урядника и выдержавшихъ вступительный экзаменъ въ среднемъ на 10,5 балловъ — и всѣ они уѣхали назадъ въ свои полки, такъ какъ Войско отказалось взять на себя лишній расходъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, окончивъ свою службу, — ушли эти молодые, воински воспитанные и отлично подготовленные къ строю молодые казаки на льготу и, въ силу горькой нужды — предпочли искать новыхъ путей къ жизни, разъ постигла неудача тамъ, куда они такъ стремились...

Такъ или иначе, но Кубанцы, какъ и Терцы, всегда заполняли чужія вакансіи и вмѣсто 18-ти, ихъ было свыше 30-ти, а терцевъ — до 20-ти человѣкъ. Эти два однородныхъ «войска» вносили рѣзкую и доминирующую струю Кавказскаго Казачества въ стѣны далекаго степного Казачьяго военнаго училища. Живой характеръ, кавказская туземная гиковость, черноморскій юморъ и чарующая музыкальностью пѣснь ихъ, мягкая походка, кавказская лезгинка и казачекъ вприсядку — все это прямо таки выпирало наружу въ стѣнахъ далекой степной школы.

Не въ обиду будь сказано другимъ «войскамъ» — сотня юнкеровъ иныхъ пѣсенъ въ училищѣ и не пѣла, кромѣ Кубанскихъ и, частью, Терскихъ. Это объяснялось — съ одной стороны — богатымъ и разнообразнымъ репертуаромъ пѣсенъ этихъ Войскъ, а, во-вторыхъ - врожденной музыкальностью ихъ сыновъ - казаковъ, составлявшихъ вмѣстѣ добрую половину всей сотни юнкеровъ. Но въ училищѣ, вообще не было никакого антагонизма между войсками и пѣсни Кубанскихъ казаковъ съ удовольствіемъ воспринимались и остальными юнкерами какъ что-то свое родное казачье и общее наше достояніе. Правда, по Войскамъ юнкера разли-

чались въ своихъ привычкахъ и особенностяхъ: кавказцы, въ особенности Черноморцы, были болѣе безпечны, щеголеватѣе, ударяли на строй и въ немъ чаще другихъ брали первенство въ состязаніяхъ; Оренбургцы были болѣе усидчивые въ наукахъ. Рѣзкой войсковой сплоченностью между собой выдѣлялись Забайкальцы, сплошь съ восточнымъ бурятскимъ прорѣзомъ глазъ и Уральцы; послѣдніе были хорошіе наѣздники. Остальные Войска, за малочисленностью, — своей особенностью рѣзко не выдѣлялись.

Разность войскъ характерно обрисовывалась въ часы частнаго праздничнаго чаепитія, послѣ церковной службы, въ училищной столовой. Тогда уже группировались всѣ по своему Войсковому признаку и шумно, по братски, проводили вмѣстѣ часъ - другой, ударяя каждый по войсковымъ «лакомствамъ»: Кубанцы и Терцы — на свиное сало; Уральцы — на рыбу, а всѣ остальные войска — на калмыцкій чай. Еще была одна особенность: большинство Кубанцевъ и Терцевъ, при встрѣчѣ, и въ своемъ обиходѣ — старались, почему - то, говорить по-черноморски. Въ этомъ, какъ бы подчеркивалось извѣстное казакоманство, свой особенный, южно-казачій стиль, казачій аристократизмъ... Кубанцы и Терцы — въ особенности жили дружно между собою: однородность войскъ, даль родины, иной климатъ — суровый и непривѣтливый — бѣдная растительность, чуждая, стѣсняющая тѣло, форма одежды и прочіе контрасты мягкаго теплаго «юга» съ суровымъ «сѣверо-востокомъ» — все это вмѣстѣ взятое — невольно давало ощущать кавказцамъ близость другъ къ другу и что они «не у себя дома», а словно въ командировкѣ, «заграницей»... и каждый изъ нихъ высчитывалъ — сколько же еще дней ему осталось носить эту «шинель»...

Но зато на училищномъ праздникѣ 20-го декабря, который проводился весьма торжественно, помпезно и заканчивался пышнымъ баломъ до утра — Кавказцы проявляли себя во всю. Имъ разрѣшалось быть въ своихъ черкескахъ, нашивъ на нихъ юнкерскія погоны. Этотъ балъ съ трепетомъ ожидали всѣ и въ особенности учащаяся женская молодежь. Этотъ «юнкерскій» балъ былъ лучшимъ во всемъ городѣ, гдѣ стоялъ довольно сильный гарнизонъ и гдѣ было очень много учебныхъ заведеній. Одно ужъ сказать, что въ городѣ было два кадетскихъ корпуса, женскій институтъ, три женскихъ гимназіи, двѣ мужскихъ, реальное училище, епархіальное училище и много другихъ мелкихъ. И вотъ, на немъ то, на этомъ балу, куда собирался весь цвѣтъ гарнизона и городской аристократіи — юнкера - кавказцы, въ цвѣтныхъ своихъ черкескахъ, порою расшитыхъ выше положеннаго, въ чевякахъ, въ папахахъ, затянутые поясами до-нельзя — они были буквально кумиромъ дѣвицъ, завистью мужчинъ, украшеніемъ училища, гвоздемъ вечера... Магически пронизывало шумный балъ слово — «лезгинка»...!» ...«лезгинка..» и, все спѣшило туда, гдѣ кучковались кавказцы. И какъ полагается — въ широкомъ кругу, сидючи «по восточному», или на корточкахъ и, обязательно подъ,

«горе намъ, Фези къ намъ...»

— выскакивали они въ кругъ съ немилосердно дикими выкриками и профланировавъ по кругу «бѣлымъ лебедемъ» — да потомъ въ срединѣ круга — «на пальцы», «на пальцы...!» О фурорѣ не приходится уже и говорить... все «таяло» кругомъ...

Вообще, юнкера - кавказцы, были въ льстящей модѣ тамъ, въ Оренбургѣ. Насъ даже жители называли «черкесами», заглядывались и, слегка сторонились отъ... боязни: черкесы... дикари...

Никакихъ «цукательныхъ» и принижающихъ достоинство юнкера и человѣка «традицій» въ училищѣ не было. Было одно — это «похороны расписанія уроковъ» выпускнымъ классомъ, передъ началомъ экзаменовъ. И, хотя столь безобидный обычай допускался открыто, но дежурный офицеръ старался все это «не видѣть и не знать». Заключался онъ въ томъ, что изъ дальняго класса, на носилки изъ пикъ клали росписаніе уроковъ и торжественно проносили его по всему помѣщенію, до гимнастическаго зала. Впереди шелъ «священникъ» съ «причтомъ» и хоръ; за ними «караулъ» съ обнаженными шашками вокругъ носилокъ, а дальше -- старшіе классы строемъ... Всѣ остальные юнкера могли только молчаливо присутствовать. Въ гимнастическомъ залѣ, весь старшій классъ выстраивался, росписаніе выносилось на носилкахъ передъ серединой строя и здѣсь одинъ изъ «способныхъ» къ остроумію — читалъ «ему» длинный - предлинный «приговоръ», написанный въ правдиво - юмористическихъ тонахъ, какъ оно это, «росписаніе» въ теченіи цѣлыхъ трехъ лѣтъ издѣвалось надъ юнкерами и портило имъ кровь, принуждая ихъ сидѣть за нудными учебниками и т. д., и т. д. и сколько черезъ него пострадало людей «безъ отпуска» и, въ особенности, за англійскій языкъ. Этотъ остроумный приговоръ возбуждалъ у слушателей вольготно - веселое настроеніе и заканчивался присужденіемъ «его» къ высшей мѣрѣ наказанія — къ публичному сожженію; послѣдния слова покрывались дружными выкриками «ура» и расписаніе, приподнятое на пикахъ (отнюдь не дотрагиваясь до него, изъ брезгливости, руками), торжественно сжигалось. Въ этотъ же день, въ 4 часа дня, идя на обѣдъ, — сотня выстраивалась, какъ всегда, въ проходномъ корридорномъ залѣ; вахмистръ сотни командовалъ «смирно», сотня замирала, оркестръ гремѣлъ торжественный «офицерскій отбой»:

«Полно вздоромъ заниматься,
«Трубачъ труби отбой...»,

и, подъ звуки юнкеровъ-трубачей, сотня бравурно маршировала въ столовую на обѣдъ.

У всѣхъ было на душѣ легко и весело: учебный годъ законченъ, а для выпускного класса — навсегда...

Въ 1912 году, старшій классъ задумалъ ввести «традицію» — чтобы оба младшихъ класса называли бы ихъ «г.г. хорунжими», какъ это было въ сотнѣ Николаевскаго Кавалерійскаго училища.

Узнавъ объ этомъ, командиръ сотни, Есаулъ Бочаровъ (Терскаго Войска), весьма любимый всѣми юнкерами за его умъ, спокойствіе и всегдашнее рѣзко- отеческое наставленіе вмѣсто дисциплинарныхъ взысканій — вызвалъ въ отдѣльный классъ всѣхъ взводныхъ портупей-юнкеровъ, — Березнцева, Каширина, (оба оренбуржца), Елисѣева, Ряднину (оба кубанца), вахмистра сотни Вертепова (терецъ) и, какъ всегда, рѣзко-тягуче пронизалъ насъ:

«Вы что это тамъ у меня — а-а-а.?!
Традицію задумали вводить?
Чтобы я больше о ней не слышалъ,
— поняли.?!»

Мы — поняли... а пишущему эти строки. — какъ главному иниціатору — онъ сказалъ еще нѣсколько «теплыхъ» словъ» и, «традицію», — какъ рукой смахнуло...

Между собой юнкера жили дружно, запросто. Заслуженное уваженіе оказывалось всѣми старшему классу, а вообще — это была однородная про-

Характерная группа юнкеровъ училища въ зимней (въ папахѣ) и лѣтней формахъ. Сидятъ: слѣва — **мл. портупей-юнкеръ 1-го взвода, Кубанецъ В. Д. Гамалій, нынѣ Полковникъ, совершившій въ 1915 г. знаменитый конный рейдъ въ Мессопотамію, на соединеніе съ англійскими войсками, во главѣ 1-й сотни 1-го Уманскаго полка, будучи тогда въ чинѣ сотника.** Правѣе его **(†) Терецъ, юнкеръ Акуловъ. Зарубленъ курдами въ неудачной конной схваткѣ на Кавказскомъ фронтѣ, у Дутаха, въ самомъ началѣ войны, въ 1914 г., въ чинѣ хорунжаго 3-го Волгскаго полка Терскаго Казачьяго Войска..** Стоитъ— **Кабардинецъ - Терецъ (†) знаменитый Зауръ-бекъ Серебряковъ-Доутоковъ, который въ 1918 году возглавлялъ, въ чинѣ Ротмистра, Кабардинскую конную бригаду и, будучи вытѣсненъ красными со своей территоріи — вывелъ ее въ Баталпашинскій отдѣлъ и въ 1919 году, въ чинѣ Полковника, подъ Царицыномъ, былъ безжалостно зарубленъ красными въ неудачной конной схваткѣ своихъ кабардинцевъ.**

(Снимокъ относится къ 1910 г., въ Оренбургѣ)

Наряду съ этими видными юнкерами училища — съ удовольствіемъ отмѣчаемъ, что знаменитый Войсковой Атаманъ Забайкальскаго Казачьяго Войска Генералъ-Лейтенантъ Семеновъ, является воспитанникомъ Оренбургскаго Казачьяго военнаго училища, которое окончилъ по первому разряду въ 1911 году, будучи юнкеромъ 1-го взвода.

(Ѳ. Е.)

стая братская казачья семья, гдѣ уваженіе дѣлалось только личнымъ качествомъ юнкера и только, такъ какъ ни титулованныхъ, ни богатыхъ, ни нѣженокъ, ни доносчиковъ среди юнкеровъ не было, а всѣ были буквально на 90 процентовъ — дѣти простыхъ казачьихъ земледѣльческихъ семействъ, и, попавъ въ училище, всѣ дорожили своимъ положеніемъ и трудились въ наукахъ откровенно, зная, что ихъ ждетъ впереди.

Поступая въ училище большею частью изъ строевыхъ частей, выпускаемые офицеры изъ Оренбургскаго училища были отлично подготовлены къ строю, а если принять во вниманіе, что многіе до поступленія въ него оканчивали даже учебныя команды въ полкахъ и потомъ еще въ училищѣ 3 года мялись въ сѣдлѣ — легко себѣ представить, какіе изъ нихъ выходили офицеры. И еще эта трехъ-лѣтняя ѣзда на широкомъ вольготномъ плацу, долгій лагерь въ степи — съ мая по августъ — и парфорсная охота по осени — тѣмъ болѣе давали сами по себѣ многое. А зимою, при рыхломъ снѣгѣ — ѣзда всегда заканчивалсь джигитовкой, не говоря уже о конномъ ученіи въ хорошую погоду. Рубка бывала каждый день. Кромѣ этого, большинству юнкеровъ 1-го спеціальнаго класса выдавали ежегодно, изъ ремонта, молодыхъ лошадей—«неуковъ», которыхъ они сами выѣзживали и уже на нихъ проводили ученіе цѣлыхъ два года, — до самаго выпуска въ офицеры. Въ лагерѣ же — ширь степи, ежедневныя конныя занятія, полевая съемка въ сѣдлѣ, а затѣмъ — 3-хъ недѣльный походъ по Оренбургской губерніи, гдѣ уже не полагалось никакихъ «конюховъ», а юнкера обязаны были обходиться съ лошадью сами — все это вмѣстѣ взятое, давало каждому юнкеру твердость въ сѣдлѣ, внѣдряло устойчивое понятіе не только въ техникѣ ѣзды, но и въ лошади и вырабатывали въ немъ естественное наѣздничество. Были, конечно, и недостатки: юнкера степныхъ Войскъ были привыкшіе, но насъ, кавказцевъ, не удовлетворяло:

1. Маленькіе, косматые, головастые и тугоуздые степные кони — киргизской породы. Тугоуздость ихъ была настолько велика, что въ лагерѣ, на сотенномъ ученьи, когда сотня переходила въ широкій наметъ, — 4-й взводъ, обычно, «распылялся». Схвативъ пику въ обхватъ, въ зажимъ локтя, а поводья въ обѣ руки, — таскали и въ такомъ положеніи, и какъ хотѣли, эти заносистые маштаки слабосильныхъ юнкеровъ 4-го взвода, пока сотня не останавливалась и они, движимые стаднымъ чувствомъ, сами не вскакивали безудержно въ строй, ломая его.

2. Простыя, грубой отдѣлки, неуклюжія сѣдла и къ нимъ, упряжного сорта ремни.

3. Громадныя тяжеловѣсныя степныя шашки. Вообще, въ снаряженіи и обмундированіи — училище хромало. Здѣсь чувствовалось — и даль его отъ «центра» и — 2-е положеніе, да и само зданіе — бывшія казармы — не ласкало глазъ снаружи. Но училище брало молодую душу юнкера своимъ уютомъ, простотой и сердечностью.

Въ 1913 году, военный министръ генералъ Сухомлиновъ, объѣзжая весь Туркестанъ, проинспектировалъ и Оренбургское училище. Какъ самъ конникъ и спортсмэнъ, онъ невольно остановился на конскомъ составѣ, и видно было, что лошади ему, опредѣленно, не понравились. А смущенная «поза», слегка располнѣвшаго бариноообразнаго Начальника училища Генерала Слесарева, въ долгомъ положеніи «смирно» передъ министромъ, на училищномъ дворѣ, возлѣ конюшенъ, послѣ осмотра лошадей — ясно говорили намъ, юнкерамъ, выглядывавшимъ кучными толпами въ окно со второго этажа, что разговоръ былъ именно о лошадяхъ и не изъ пріятныхъ.

И насъ, кавказцевъ, пріѣзжавшихъ на каникулы къ себѣ въ станицы и сѣдлавшихъ дома своихъ изящныхъ, тонкихъ, нѣжноуздыхъ, поджарыхъ кабардинскихъ лошадей, — явно, тѣ кони, не удовлетворяли. Мы невольно тосковали и думали — эхъ, если бы наши горныя лошади да своя черкеска съ юнкерскими погонами, да и вообще — если бъ свое училище тамъ, на Кавказѣ... И это чувство вполнѣ понятно и законно возникало у Кубанской и Терской юнкерской молодежи.

Не говоря уже объ ограниченности вакансій, какъ главной препонѣ для поступленія туда — это была еще жестокая даль... Четыре дня ѣзды поѣздомъ съ Кавказа до Оренбурга, суровый континентальный климатъ, чуждая обстановка, чуждая форма одежды... И было такъ, что поступавшіе изъ гимназіи, которые дома никогда не носили свою казачью форму одежды — они при выпускѣ въ офицеры одѣвались такъ, что вызывали улыбку со стороны. Конечно, такой офицеръ не могъ же въ умѣньи одѣваться быть примѣромъ и учителемъ казаку въ сотнѣ. Это какъ будто мелочь, — (форма одежды), но она имѣетъ глубокое воспитательное значеніе, и если говорить о Казачествѣ — то, конечно, оно, Казачество, не должно быть ни въ пиджакахъ, ни въ галстукахъ.

Національно политическая партія въ странахъ, для будированія наибольшей гордости и возбужденія пульса, моральной сцѣпки между собой, для героическаго пафоса, вырабатываютъ однообразную форму одежды, и, конечно, воинственную. Намъ же, казакамъ, остается только сохранить свою родную старую одежду — ее вѣковую стильно - красочную, бодрящую... Для Кавказскихъ казаковъ — Оренбургское училище не являлось въ этомъ отношеніи желаннымъ и — давало минусъ. И еще въ худшемъ положеніи была Кубанская мо-

лодежь, окончившая разныя пѣхотныя училища какъ-то: Тифлисское, Одесское, Чугуевское и другіе малоизвѣстныя Кубани.

Насущность имѣть свое Войсковое военное училище выдвигалось замѣтно; да отчего же его и не имѣть Войску Кубанскому своего собственнаго иль съ Терскимъ Войскомъ совмѣстно? Каждый годъ, изъ разныхъ училищъ, въ Кубанскіе полки и баталіоны пріѣзжало отъ 3 до 5 молодыхъ хорунжихъ (въ каждый полкъ). Всѣхъ же первоочередныхъ полковъ въ Войскѣ было 11, и 6 баталіоновъ, а всего — 17 единицъ, не считая 5 батарей Войска. Слѣдовательно, Войско ежегодно комплектовалось приблизительно 75-ью молодыми офицерами, т.е. одно Кубанское Войско должно было бы уже имѣть свою собственную сотню юнкеровъ. Необходимость затраты Войсковой суммы вполнѣ окупилась бы не только моральнымъ удовлетвореніемъ и Войсковою горделивостью, но и достойною подготовкою на родной Кубанской территоріи своей Кубанской молодежи, въ достойномъ войсковомъ духѣ и своими же Кубанскими офицерами. И какъ былъ бы великъ наплывъ этой молодежи, въ свой родной и близкій сердцу, стольный городъ Екатеринодаръ — окруженный какъ матка пчельнымъ роемъ своихъ станицъ, богатыхъ, многонаселенныхъ... а отсюда — богатѣйшій выборъ комплектованія и навиду у Войскового Атамана — онъ безусловно былъ бы такъ великъ, такъ возможенъ, такъ желателенъ, такъ необходимъ. Начавшаяся Великая война, эту необходимость ярко выявила, и, уже въ 1915 г., въ Екатеринодарѣ, была открыта школа прапорщиковъ, мощная и солидная, принявшая въ свои объятія заслуженныхъ и боевыхъ вахмистровъ - подхорунжихъ и вольноопредѣляющихся Казачьихъ Войскъ. Чѣмъ бы это закончилось, эта Екатеринодарская школа прапорщиковъ, если бы война завершилась удачно для насъ, — остается теперь только гадать, но неожиданно развернувшіяся событія — захватъ власти большевиками во всей Россіи, а отсюда временная государственная независимость Кубанскаго Края — все это невольно толкнуло на крайнюю необходимость установленія въ Войскѣ своего собственнаго военнаго училища, да еще такого громоздкаго, съ отдѣлами: пластунскимъ, коннымъ, артиллерійскимъ и техническимъ. Кстати, юнкера Кубанскаго Войска, главнымъ образомъ Николаевскаго кавалерійскаго и другихъ училищъ, послѣ разгрома большевиками ихъ училищъ на мѣстахъ, прибывшіе къ себѣ на родину, не знали куда имъ дѣваться и какъ закончить свое начатое военное образованіе. И вышло такъ, какъ говоритъ русская пословица: не было бы счастья, да несчастье помогло... Потребовалось цѣлое разрушеніе Великой страны, чтобы Кубанское Казачье Войско возымѣло бы право и возможность создать свое собственное Кубанское военное училище, которое, къ сожалѣнію, пріютилось тогда гдѣ-то на окраинѣ города, — сѣро и незамѣтно, а красные, занявъ Екатеринодаръ — свое красное кавалерійское училище — сразу же помѣстили въ лучшемъ и нарядномъ зданіи во всемъ городѣ, — въ прекрасномъ, благородной архитектуры, зданіи Войскового Маріинскаго женскаго Института... Тѣ рубанули смѣло и — сплеча. Къ тому же — Войсковая гордость и достоинство, не были проявлены до конца: Кубанское военное училище принципіально и для доподлинности казачьяго пафоса — должно было бы носить шефство своего Войскового Атамана.

Въ Донскомъ Войскѣ, все это, и другое многое, выходитъ какъ то выпуклѣе, опредѣленнѣе, красочнѣе...

«Кубанское Войсковое Атаманское военное училище» — звучало бы для сердецъ Кубанскихъ казаковъ, — проникновеннѣе.

Земно кланяюсь былому, далекому и милому: родному и разрушенному «красными» — Оренбургскому Казачьему военному училищу, которое за время своего существованія выпустило не одну сотню юнкеровъ - Кубанцевъ въ офицеры — но долженъ открыто сказать, что при всѣхъ возможныхъ варіантахъ возрожденія Россіи — Кубанскому Войску не придется командировать въ такую даль своихъ сыновъ... Мы приложимъ всѣ свои силы къ тому, чтобы Кубанское Войско сохранило бы на своей территоріи свое Войсковое военное училище.

Дѣло будущаго Войскового Атамана и правительства, —какъ провести и закрѣпить этотъ необходимый вопросъ для Войска, но дѣло строевой подготовки и дѣло внѣдренія въ молодыя казачьи души Войсковой Гордости и Казачьяго Пафоса, — сдѣлаемъ мы — кадровые офицеры.

Оренбургскаго Казачьяго военнаго училища, выпуска 1913 года,
взводный портупей-юнкеръ Ѳ. Елисѣевъ.

„Битва казаковъ съ черкесами“

Ш.

(Воспоминанія)

Представьте себѣ самую обыкновенную степную рѣчку, при тихой погодѣ съ неподвижно стоящею водою, благодаря длинной гати, задерживавшей воду на уровнѣ двухъ спусковъ мостовъ для стока лишней воды. По сѣверному, слегка повышенному отъ рѣки склону, расположены правильно въ три улицы, уютныя бѣлыя хаты съ огромными дворами и незатѣйливыми на нихъ постройками. Всюду, куда только можетъ проникнуть глазъ, по улицамъ, виднѣются около хатъ палисадники и цвѣтущія въ нихъ растенія, а въ большинствѣ сады и вишневые садочки. По рединѣ же станицы рѣзко выдѣляется обширная площадь, съ небольшою церковью, тщательно крашеною бѣлою краскою и еще тщательнѣе размалеванною ярко зеленымъ цвѣтомъ по карнизамъ и куполамъ. Вокругъ церкви въ рѣшетку, вся изъ зеленыхъ столбиковъ въ перемежку съ бѣлыми, опоясанныхъ зеленою лентою, а внутри ограды молодой вишнякъ и сливы, окаймляющіе съ трехъ сторонъ зданіе церкви. Это церковный садъ, который мы, дѣти, называли садочкомъ.

Настоящіе сады съ густымъ вишнякомъ, рослыми сливами, раскидистыми яблонями, большими грушами, могучими тополями и кудрявыми вербами, тѣснятся у рѣки по дворамъ, расположеннымъ ниже береговой улицы и примыкающимъ къ самой рѣкѣ. Заманчивыя это для дѣтей мѣста, какъ по своимъ соблазнительнымъ плодамъ, такъ и по густой и высокой растительности изъ конопли, болиголовы, лопуховъ, куги и камыша. Хорошо играть здѣсь въ прятки или въ «овець і вовка». Юркнешь въ сокровенную поросль — и слѣдъ твой простылъ. Куда тамъ найти волку даже глупую овцу!

А тамъ, на верхушкахъ вербъ и тополей, цѣлыя полчища грачей, галокъ и воронъ! И такъ они всегда громко кричатъ и живо напоминаютъ о себѣ, столько тамъ гнѣздъ, что, бывало, сердце бьется при одной мысли о возможности взобраться на самую верхушку тополя и наложить «повный картузъ» грачиныхъ яицъ изъ чернѣющихъ въ вѣтвяхъ гнѣздъ или забрать изъ гнѣзда маленькихъ пищащихъ галчатъ. Сильно было у меня это желаніе, но признаюсь откровенно, что ни разу не коснулась моя рука ни яицъ, ни птенчиковъ, и не потому, что рисковано было взбираться на верхушки большихъ деревьевъ, а какъ то брала охота, а рука не налегала.

Сады въ свою очередь оттѣняются широкою степною рѣчкою, съ тихою - тихою и блещущею отъ солнца, какъ огромное зеркало или слегка дрожащею, какъ расплавленный металлъ, водною поверхностью, когда бываетъ свѣтло и безвѣтренно, въ особенности утрами и передъ вечеромъ. Когда же бушуетъ вѣтеръ и зеркальная поверхность превращается въ мутную сѣроватую жидкость, тогда по поверхности ходятъ волны большія, сѣрыя и шумящія, точно онѣ гоняются одна за другою съ оскаленными зубами въ видѣ бѣлѣющихъ на нихъ гребней и стараются сѣсть, поглотить одна другую. Мои сверстники, деревянковскіе казачата, были того мнѣнія, что «то річка сердиться на вітер та скале зуби».

Къ противоположному берегу рѣки прилегаетъ въ одномъ мѣстѣ высокій и тонкій камышъ, перемежающійся сначала съ зеленымъ лознякомъ, дальше совершенно исчезающій въ старомъ саду при хуторѣ вдовы есаула Притули. О! Это былъ завѣтный для меня уголокъ, попасть въ который я всегда мечталъ, сидя на противоположномъ берегу рѣки. Если бы только, думалось мнѣ, старый Шень рыболовъ взялъ меня въ каюкъ, на которомъ онъ ѣздилъ на ту сторону рѣки «трусить рыбу в вентерях і кошах», то я нарѣзалъ бы цѣлый пукъ наилучшаго камыша для себя и пріятелей и мы на-

дѣлали бы изъ него чудесныхъ верховыхъ лошадей, ружьевъ и шашекъ.

Но сегодня поразительная тишина въ станицѣ. И галки съ грачами молчатъ, и вороны не каркаютъ, и стараго Шеня не видно на рѣкѣ, и на улицѣ никто не показывается. Всѣ и все точно спятъ. Въ станичномъ правленіи ямщики и десятники, въ лавкахъ — лавочники, въ кабакѣ — кабатчики — всѣ смирно сидятъ по своимъ мѣстамъ вялые и безжизненные. Жарко, невыносимо жарко и душно. Станичное населеніе почти все въ степи.

И вотъ, среди этой дремотной обстановки, я съ гурьбой казачатъ несусь по пыльной улицѣ. Это, изволите ли видѣть, войско, составленное изъ вольныхъ казаковъ, изъ которыхъ одни бросили порученныхъ имъ для присмотра телятъ, другіе — гусей, третьи — свиней, а четвертые, какъ истые запорожцы, бѣжали съ мѣстъ осѣдлости — препро-

ПРОФЕССОРЪ ѲЕДОРЪ АНДРЕЕВИЧЪ

ЩЕРБИНА

Популярно-извѣстный Кубанскій Историкъ, писатель и общественно-политическій дѣятель. Сынъ казака-священника, родился 13—26 февраля 1849 г. въ станицѣ Новодеревянковской, Ейскаго отдѣла.

Редакція съ прискорбіемъ отмѣчаетъ, что ей не удалось получить ко времени выпуска настоящаго сборника обстоятельныя біографическія данныя о маститомъ юбилярѣ и его 60-лѣтней литературной и общественно-политической дѣятельности и о многихъ трудахъ, выпущенныхъ въ свѣтъ за столь долгій періодъ неустанной работы.

тивныхъ въ лѣтнюю пору хатъ, въ которыхъ только потому нужно торчать, чтобы не забрались въ нихъ цыгане.

Я впереди войска, потому что состою его командиромъ. Подо мною превосходная лошадь, самая толстая и длинная камышина, которую привезъ мнѣ съ того берега старый Шень; въ рукахъ плетка изъ хорошо скрученной веревки, за спиною на перевязи ружье, великолѣпная вишневая палка, которую, къ моему горю, Юминъ Коржъ, драчунъ и забіяка, нанявшійся къ намъ на срокъ, предательски превратили потомъ въ чубукъ къ трубкѣ; слѣва, сбоку, на ниткѣ, болталась шашка изъ камыша, спереди у ременнаго пояса торчалъ камышевый кинжалъ, а сзади къ тому же поясу прикрѣпленъ цѣлый пукъ мочалы. Это — хвостъ. Когда бѣжишь верхомъ на камышѣ, то оно болтается, какъ настоящій лошадиный хвостъ.

И все войско также на коняхъ и также основательно вооружено, какъ и командиръ; у каждаго казака, кромѣ того, торчало вверхъ ратище изъ длинной камышины, прикрѣпленной къ поясу и къ лѣвой рукѣ. Только у меня — офицера, да у трубача Панасенка нѣтъ ратища; намъ, по нашимъ военнымъ правиламъ, не полагалось этого оружія. За то у меня и трубача красовались на плечахъ бумажные эполеты и мнѣ казалось, что они настоящіе серебрянные, а у знаменоносца Савки Віхря къ пикѣ была привязана красная тряпка. Это — знамя. «Отрядъ стой» — командую я, въ совершенствѣ подражая маленькому ростомъ, но шустрому урядннку нашей станицы, обучавшему «малоліткiв», очередныхъ молодыхъ казаковъ, пѣшему и конному строю на церковной площади.

И у казаковъ сразу остановились лошади, какъ вкопанныя въ землю.

Я внимательно смотрю вдоль по улицѣ и на церковную площадь. Кажется кто-то скрывается въ проулкѣ. Это навѣрное черкесы. Надо принять мѣры, послать лазутчиковъ. Но тутъ, какъ на грѣхъ, мой конь взбѣлѣнился. Изъ всей мочи дергаю я за нитяную уздечку н стегаю его плетью, но конь не унимается. Онъ вертится взадъ и впередъ возлѣ отряда, брыкается, приподнимая нѣсколько разъ вверхъ заднюю часть камышины, топочетъ ногами и храпитъ. Я въ совершенствѣ продѣлывалъ эти «выкрутасы» и буквально задыхался; потъ пробралъ меня всего, съ головы до пятокъ и крупными каплями катился по лицу, а лошадь все сильнѣе и сильнѣе бѣсилась...

Отрядъ, покорный командѣ, стоялъ безъ движенія. По всему было замѣтно, какъ казаки живо интересовались, какъ командиръ раздѣлывалъ своего скакуна. На лицахъ суровыхъ воиновъ такъ и свѣтилось одобрительное выраженіе «от так! так! Гарненько лупцюйте чортяку! Нехай слухаэться пана командира!» И многимъ хотѣлось проучить и своихъ коней, но дисциплина не позволяла этого. Вдругъ во всеуслышаніе раздался чей то голосокъ: «смотли, смотли, як у пана командила лозмулдовалася пdоклята коняка! Иш, иш, як бликаэться!»

Мой конь мгновенно присмирѣлъ.

«Хто смiэ у фронтi балакать?» — грозно кричу я обратившись къ отряду и самъ чувствую, какъ у меня закипѣлъ начальническій гнѣвъ.

Въ отрядѣ мертвое молчаніе, а я дико, какъ разсвирѣпѣвшій полковникъ на генеральномъ смотру, вращаю глазами.

«Пiд арешт!» — раздается мое грозное приказаніе.

И самый крошечный въ моемъ отрядѣ казакъ Ивась Омельченко, возсѣдающій верхомъ на самой тоненькой камышинкѣ, безъ шапки, съ бѣлесоватой всклокоченною головенкою, плохо вооруженный и еще хуже одѣтый, босой, безъ штановъ, въ одной полуизодранной рубашенкѣ, медленно выѣзжаетъ изъ строя, насупившись и всхлыпывая...

Вдругъ вдали показались черкесы.

«Ивась Омельченко во фронтъ маршъ!» — командую я.

Обрадованный Ивась живо преобразился, сдѣлалъ поворотъ назадъ, топоча во всю мочь отъ удовольствія маленькими ножками, и даже его тощая лошадь при этомъ случаѣ зафыркала и лягнула. Что подѣлаешь? Ни одной смирной лошади во всемъ отрядѣ не было.

«Отр-ряд стрр-ройся! Жив-во!» — снова раздается моя команда.

Всѣ лошади затопали ногами и стали ржать, точно имъ удержу не было.

«Мар-ршъ!» кричу я, что называется не своимъ голосомъ, стегаю своего присмирѣвшаго коня нагайкою и — сломя голову, — скачу впередъ.

За мной вихремъ несется весь отрядъ. Пыль столбомъ взвилась подъ топотомъ босыхъ ногъ скачущихъ казаковъ и ерзающихъ камышинокъ. Слышно было, какъ сопѣли и задыхались всадники. У кого то треснула отъ неосторожной ѣзды камышинка, у трубача Панасенка оборвалась одна эполета и болталась по воздуху, у малорослаго Ивася Омельченка показался подъ носомъ длинный бѣлый червякъ, но бравому казаку некогда было съ нимъ справиться. Всѣ были воодушевлены и скакали съ явнымъ намѣреніемъ сокрушить врага. Ой, плохо, очень плохо придется черкесамъ.

Вдали по улицѣ поднялся столбъ пыли и показались какія то фигуры. Это дѣйствительно были черкесы. Они галдѣли и выкрикивали что-то на непонятномъ языкѣ. Извѣстно нехристи и бусурманы! Такъ же какъ и мы, они были на коняхъ и въ вооруженіи изъ камышевыхъ матеріаловъ.

Оба войска — казачье и черкесское, мчались од-

но противъ другого. Разстояніе между ними съ каждой минутой уменьшалось. Со стороны любо было смотрѣть на беззавѣтную удаль казаковъ и черкесовъ. По всему видно было, что быть ужасной битвѣ. Еще минута и непріятели будутъ лицомъ къ лицу.

Въ это время со стороны казаковъ послышались учащенные выстрѣлы: бухъ! бухъ! бубухъ! бацъ! бацъ! бабацъ! Джи! джи! — каждый по своему стрѣлялъ изъ ружья, хотя самыя ружья и висѣли у казаковъ за плечами, но каждый непремѣнно пустилъ изъ открытаго рта нѣсколько пуль въ непріятеля.

Черкесы не стрѣляли, но одни изъ нихъ неистово вопили: «Алла! Алла!», а а другіе почему то по собачьи лаяли «гамъ! гамъ! гавъ! гавъ! гававъ!» и даже рычали. Трудно было предположить, чтобы это былъ черкесскій языкъ, но на иномъ языкѣ тѣ черкесы, которые летѣли на казаковъ, не умѣли изъясняться.

Въ то время, какъ дикій казакъ Цыбуля выводилъ сиплымъ, но громкимъ голосомъ: «гу, гу, гугу!» изображая и голосомъ и своею особою съ толстыми губами нѣчто вродѣ пушки, а трубачъ Панасенко во все горло наигрывалъ наступательный маршъ: «тру, тру, трутуту!» казаки и черкесы сблизились и сцѣпились.

Пальба прекратилась, но за то шумъ, неистовые крики, точно бурный потокъ стремительной горной рѣчки, гудѣли, клокотали и стонами носились, оглашая воздухъ.

Я сразу почувствовалъ, какъ мой ретивый конь лишился превосходнаго мочальнаго хвоста и — увы! — виновникомъ этого несчастья былъ не озвѣрѣвшій черкесъ, а своей же неуклюжій пушкарь Цыбуля, который, бывало, если ужъ наступить своими клешнями на что нибудь, то не выпуститъ изъ-подъ нихъ ни мочальнаго хвоста, ни болтающейся веревочки. Лишившись лучшаго изъ всей аммуниціи украшенія, я очутился сзади отряда. Лично мнѣ не съ кѣмъ было драться. По нашимъ военнымъ правиламъ требовалось, чтобы начальникъ дрался непремѣнно съ начальникомъ, а подначальные съ подначальными. Черкесскій же начальникъ, какъ въ воду канулъ. Тутъ можно было подозрѣвать военную хитрость.

Только занявши у своего отряда удобную позицію, я получилъ возможность взглянуть, какъ слѣдуетъ, на ряды непріятеля и, взглянувши внимательно на черкесовъ, я пришелъ въ изумленіе. Всѣ черкесы оказались съ черными пречерными рожами, точь въ точь, какъ негры или эфіопы, нарисованные на картинкахъ, чего раньше въ горячахъ я не замѣтилъ. Черкесы, видимо, не пожалѣли сажи для раскрашиванія своихъ физіономій. Но разсчитанная на устрашеніе противниковъ раскраска физіономій ни мало не устрашила казаковъ.

Начался бой. Казаки и черкесы вплотную приблизились другъ къ другу, гремѣли камышевымъ оружіемъ, усиленно топотали ногами на одномъ мѣстѣ и еще усиленнѣе старались перекричать одинъ другого. «Яманъ! Яманъ!» — горлали казаки. «Твоя чушка! Твоя собак!» — ревѣли въ отвѣтъ имъ черкесы. Роли какъ бы перемѣнились и казаки ругались на черкесскомъ, а черкесы на русскомъ языкѣ. Одинъ лишь черкесъ Пимоненко старался изобразить своею особою настоящаго азіата и, наступая на урядника Сырыцю, настойчиво вопилъ: «якши з місця! якши з місця!» и хотя якши означало хорошо, а никакъ не прочь съ мѣста, но Сырыця по своему понялъ врага и задорно выкрикивалъ: «а дулі, яман, не хочешь?» и тыкалъ ему дулю. Въ общемъ получалось такое впечатлѣніе, какъ будто-бы казаки и черкесы исполняли на своихъ ретивыхъ коняхъ какой-то военный танецъ.

Но вотъ изъ заднихъ рядовъ черкесскаго отряда выскочилъ ихъ коноводъ Яцько Страженко. Онъ показалъ мнѣ свой языкъ и скорчилъ препротивную рожу. Я плюнулъ отъ негодованія въ его сторону, но ловко попалъ плевкомъ въ затылокъ своему же уряднику Васылю Сырыці. Яцько между тѣмъ началъ гарцевать на лошади сзади черкесскаго отряда. Я послѣдовалъ его примѣру. Кони наши храпѣли и ржали, мы подпрыгивали насколько было можно, вверхъ, крутили головами, заставляли камышинки брыкать и продѣлывали всевозможные военные артикулы въ такомъ родѣ. Вдругъ Яцько стремительно бросился на нашего знаменосца Вихря и, съ ловкостью истаго черкеса, сломалъ у него пику и оборвалъ знамя.

Тутъ уже я не выдержалъ и прямо ринулся на Яцька. Помилуйте! Онъ, нехристь этакій, коснулся нашего знамени! Вѣдь это оскорбленіе нашей военной чести. Я рѣшилъ жестоко наказать дерзкаго горца, но горецъ, ловкій и юркій наѣздникъ, пустился вокругъ обоихъ отрядовъ своего и казачьяго, дѣлая прекомичные прыжки и все время дразня меня высунутымъ языкомъ, а я, олицетворенное мщеніе за поруганную казачью честь, изъ силъ выбивался, чтобы догнать и проучить дерзкаго наѣздника: но, очевидно, наѣздникъ былъ на настоящемъ «кабардинцѣ», за которымъ трудно было угнаться на простой казачьей лошади.

Наша скачка въ перегонки послужила общимъ сигналомъ для болѣе энергичныхъ дѣйствій и казаки сцѣпились съ черкесами въ рукопашную. Затрещали подъ всадниками кони, начали ломаться пики, сабли и ружья и на первыхъ порахъ круто пришлось одному камышу: пострадали кони и поломалось оружіе. Но чѣмъ больше слышалось камышеваго треска, тѣмъ сильнѣе разгорались страсти. Шустрый черкесъ Максимъ Пьявка ухитрился схватить сзади за туловище длинноногаго знаменос-

ца казака Савку Вихря да такъ и повисъ на немъ. Напрасно Вихорь пытался сбросить противника, таская его за собою. Послѣдній вцѣпился, какъ клещъ въ своего соперника, и не выпускалъ его изъ своихъ цѣпкихъ рукъ. Урядникъ Сырыця повергъ на землю черкеса Пимоненка и усердно отсчитывалъ ладонью шлепки по тому мѣсту непріятельской фигуры, которое предназначалось у храбрыхъ воиновъ для прикрѣпленія лошадинаго хвоста, приговаривая при каждомъ шлепкѣ: «ось тобі якши з місця, ось тобі якши з місця!» чѣмъ, конечно придалъ совершенно иное значеніе слову «якши». Пушкарь Цыбуля возился разомъ съ двумя черкесами, при чемъ одинъ черкесъ кричалъ уже на чистомъ украинскомъ языкѣ: «пусты, Цыбуля! пусти, ворiяка!», а другой плакалъ и въ этомъ случаѣ, кажется, по настоящему, какъ плачутъ и черкесы.

Наконецъ, и мнѣ удалось настичь своего противника. Моя лошадь хотя и не могла соперничать въ быстротѣ бѣга съ черкесскимъ скакуномъ, но оказалась выносливѣе и, что называется, загоняла черкесскаго скакуна. Нагнавши черкесскаго вожака, я, въ горячахъ, пихнулъ его камышевой шашкой прямо въ щеку. Ударъ вышелъ удачный — отъ праваго глаза до подбородка во всю щеку образовался порѣзъ и показалась кровь. Но разгоряченный Яцько ничего не замѣчалъ и, вцѣпившись въ меня, какъ кошка, щипалъ, царапалъ и толкалъ меня, куда попало. Тогда и я пустилъ въ ходъ излюбленный въ нашей фехтовальной практикѣ пріемъ: цапнулъ Яцька зубами за носъ и въ азартѣ укусилъ его такъ больно, что свирѣпый черкесъ заоралъ благимъ матомъ. Я невольно выпустилъ изъ рукъ своего болѣе слабаго противника, а противникъ, замѣтивши, что у него сочится со щеки кровь, окончательно растерялся и пошатываясь, направился въ сторону отъ побоища, громко выкрикивая: «ой! ой-ой, кров тече!». Выходило нѣсколько не по черкесски и я это чувствовалъ, ибо и самъ началъ всхлипывать, до того мнѣ было жаль несчастнаго Яцька.

Сраженіе между тѣмъ пришло къ концу. Кто кого побилъ, трудно было сказать — но съ обѣихъ сторонъ были «убитые и раненые» какъ полагалось въ военныхъ дѣлахъ. «Убитые» лежали въ пыли по улицѣ въ растяжку съ раскинутыми руками и посмѣивались себѣ подъ носъ, избравши съ начала боя благую часть — лежать, не принимая участія въ бою, а «раненые» и даже вышедшие изъ борьбы безъ ранъ въ гнѣвѣ грозили своимъ противникамъ кулаками и ругались да перекорялись.

Подъ заборомъ сидѣлъ нашъ храбрый Ивась Омельченко и заливался горючими слезами. «Ой, мамочка буде бить! Ой, мамочка буде быть!» — повторялъ онъ безпрестанно, держа въ рукахъ единственный свой костюмъ — разорванную въ боѣ рубаху.

Три черкеса и три казака, отбѣжавши на приличное разстояніе въ разныя стороны, пускали другъ въ друга комки земли, при чемъ и черкесы и казаки не успѣли еще хорошенько стереть съ лица — одни сажи а другіе слезъ.

— «А у вас с голоду свині цілий день кувікають і кури пізно несуться, бо ви їх не годуэте» — укорялъ черкесъ казака.

«А ваша свиня поросятко свеэ зіла» — отвѣчалъ казакъ.

— «А у твоэі мамки припічок покулупався и долівка не мазана!» — продолжалъ черкесъ посылать казаку укоры, слышанные имъ во время ссоры взрослыхъ женщинъ и грозилъ издали кулаками.

— «А наш рябко покусав вашу кудлату собаку!» — парировалъ въ отвѣтъ противникъ и, повидимому, твердо былъ убѣжденъ въ томъ, что чувствительно уязвилъ черкесское самолюбіе.

Знаменосецъ Савка Вихорь, стоявшій рядомъ со мною и безсознательно толкавшій меня спиною, забывши правила военной дисциплины, ругалъ черкеса Пьявку довольно неприличными словами и грозилъ побить его.

Въ отвѣтъ на это Пьявка, благоразумно удравши отъ противника на приличное разстояніе, кривляясь и прыгая на одной ногѣ, на-распѣвъ тянулъ: «Савка булавка на собакъ гавка! Савка булавка на собакъ гавка!»

Самъ я печально провожалъ глазами медленно удалявшагося по улицѣ Яцька и не чаялъ, что и надо мною собиралась гроза. На мою бѣду битва казаковъ съ черкесами происходила вблизи нашего двора. Моя мать только что заснула въ кладовой, закрывши ставни и выгнавши предварительно мухъ изъ этого прохладнаго помѣщенія; но наши неистовые крики разбудили ее. Она вышла изъ кладовой во дворъ, что бы узнать, что означаютъ эти крики. Какъ разъ въ тотъ моментъ мимо нашего двора плелся голосившій коноводъ черкесовъ. Мать, увидѣвши окровавленнаго Яцька, немедленно потащила его во дворъ къ колодцу, обмыла кровь холодною водою изъ ведра, смыла съ лица сажу, достала кусокъ полотна и перевязала имъ поцарапанную щеку переставшаго плакать Яцька.

— Хто це тебе так шморгонув? — спрашивала моя мать Яцька.

Яцько молчалъ. Увидѣвши, что моя мать возится съ Яцькомъ и онъ пересталъ уже плакать, я подошелъ ближе къ нашему двору.

— Кажи ж, хто тобі щоку порізав, мабудь комишиною? — настаивала моя мать.

Яцько буркнулъ:

— Еге-ж комишиною.

— Та ти не егекай, а скажи, хто тебе покровянив? — продолжала допытываться мать.

— Та то я сам себе... — вралъ Яцько.

Моя мать съ изумленіемъ глядѣла то на Яцька, то на улицу, гдѣ продолжались еще перекоры между казаками и черкесами. Я чуть не разсмѣялся, услышавши отвѣтъ Яцька и зная его плутовскія замашки. Но мать, повидимому, скоро сообразила, какъ произошло пораненіе камышиною и гдѣ слѣдовало искать виновника порѣзанной щеки.

— Брешеш! — сердито оборвала она Яцька. — Признавайся, з ким ти бився и хто тобі пустив кров? А як не скажеш, то я зараз призву сюди твого батю.

При имени бати, прижатый къ стѣнкѣ черкесъ выпалилъ: — Та воно не болить.

— Ну, — настаивала мать, — кажи хто?

Увы! Головорѣзъ черкесъ не выдержалъ дальнѣйшаго напора, чувствуя, что моей матери нельзя «заговорить зубовъ», на что онъ былъ большой мастеръ. Кинувши взглядомъ въ мою сторону, онъ уклончиво прошепталъ, потупя глаза въ землю:

— Та то... то Федька ненарошне.

— Який Федька? — съ недоумѣніемъ спрашивала мать, хорошо зная, что я и Яцько были закадычными друзьями и никогда не дрались другъ съ другомъ. Я не зналъ, что дѣлать и не безъ волненія замѣтилъ, что черкесы и казаки, увидѣвши, что на нашемъ дворѣ Яцько попалъ въ руки моей матери, стали кучками подходить къ нашему двору, любопытствуя узнать, что тамъ происходитъ.

Яцько не выдержалъ и прошепталъ: «Федька... Федька в...ваш!».

И вотъ тутъ на глазахъ чуть ли не всѣхъ воиновъ изъ обоихъ отрядовъ, произошелъ неожиданный для меня скандалъ. Моя мать быстро подбѣжала ко мнѣ и, схвативши командира казаковъ за руку, потащила меня во дворъ, награждая за мои военныя доблести шлепками и приговаривая во всеуслышаніе казаковъ и черкесовъ: «ах ти розбойник! ах ти розбойник!».

Профессоръ Ѳ. А. Щербина.

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСЕНКА

(посвящается казачатамъ)

Подожди, не спи, мой милый,
Еще рано спать,
Я хочу тебѣ, мой милый,
Кой что разсказать.
Ты не знаешь, свѣтикъ ясный,
Нашу старину...
Ну, такъ слушай, ненаглядный —
Я сейчасъ начну:
Міръ когда-то содрогнулся,
Началась война
И въ войнѣ, не съ фронта — съ тыла —
Русь побѣждена...
Озвѣрѣвшіе солдаты,
Бросивъ фронтъ, ушли...
Все, чѣмъ Русь была богата —
Грабили и жгли...
А людей... людей-то, Боже,
Гибло на Руси.
Не имѣлъ кто «красной» рожи,
Всѣхъ руби, коси...
Уцѣлѣли въ грязной тинѣ
Честные полки,
Какъ оазисы въ пустынѣ —
Были казаки.
Шли на родину походомъ,
На своихъ коняхъ,
Межъ взбѣсившимся «народомъ» —
Въ селахъ, городахъ.
Не пришлось имъ, по станицамъ...
Долго отдыхать.
Подходила ужъ къ границамъ
«Сѣверная рать».
Храбро, стойко, на границахъ
Бились казаки...
Шли за Край-Родной рубиться
Дѣти, старики...
Врагъ несчетный шелъ толпою,
Сто на казака,
И не вѣдала покою
Сильная рука.
Какъ ни сильны были руки,
Но онѣ однѣ
Утомились въ тяжкой мукѣ
День за днемъ въ огнѣ.
Что творилось въ это время...
Ой! — кошмарный сонъ...
Не подъ силу было бремя —

Слезы, кровь и стонъ...
Ужъ не сполохъ по станицамъ, —
Пожары горятъ,
Все въ смятеньи, даже птицы
Къ небесамъ летятъ.
Заклубилась по дорогѣ
Облаками пыль,
Зашатался весь въ тревогѣ
Степовой ковыль.
Бросивъ гнѣзда вѣковыя,
Казаки пошли,
И знамена Войсковыя
Надъ собой несли.
Отъ Родныхъ Сѣдыхъ Кургановъ,
Дѣдовскихъ могилъ,
Съ помутнѣвшимъ взоръ туманомъ
Правнукъ уходилъ.
Поклоняся всѣмъ станицамъ,
Атаманы шли,
И дружины за границу,
За собой вели...
Сколько горькой тяжкой доли
Пережили мы,
Дай-то, Богъ, такой юдоли
Не видали-бъ вы...
Разсказать бы можно много...
Все ли ты слыхалъ?
За тяжелую дорогу,
Что казакъ видалъ?
Спи, соколикъ, только «сказки»
Свято береги...
Знай во снѣ, закрывши глазки,
Гдѣ твои враги...

Есаулъ Е. Булавинъ.

С. Америка.

А. С. ФЕДОРОВЪ (Лантухъ)

(ПОЛКОВНИКЪ, ДОКТОРЪ ПРАВЪ, ИНЖЕНЕРЪ-ЭКОНОМИСТЪ)

(Къ двадцатилѣтію журналистической дѣятельности)

Сергѣй Алексѣевичъ Федоровъ (Лантухъ) родился 13-го января 1891 года въ станицѣ Лабинской, гдѣ отецъ его былъ начальникомъ мѣстной команды. Родъ его числится по станицѣ Расшеватской, въ которой, по преданіямъ, прадѣдъ былъ первымъ атаманомъ, единственно грамотнымъ человѣкомъ въ станицѣ.

Все свое дѣтство С. А. проводилъ между казаками, которые были пріятелями и «воспитателями» его.

Въ станицѣ онъ началъ посѣщать начальное училище, но на слѣдующій годъ перешелъ въ 4-е Екатеринодарское городское училище.

Въ 1899 году С. А. поступилъ въ Кубанское Александровское реальное училище, которое окончилъ въ 1908 году. Какъ въ начальныхъ, такъ и въ реальныхъ училищахъ, С. А. учился очень хорошо и изъ года въ годъ переходилъ съ наградами. Уже въ младшихъ классахъ онъ проявилъ склонность къ литературѣ и писалъ дѣтскіе, незатѣйливые стихи

Другимъ увлеченіемъ его были военныя игры

Въ 1908 году, по окончаніи реальнаго училища, С. А. поступилъ въ Казанское военное училище.

Здѣсь, въ младшемъ классѣ, юнкера издавали нелегальный рукописный журналъ, въ которомъ С. А. завѣдывалъ отдѣломъ сатиры и юмора, за что, однажды, понесъ наказаніе.

Въ 1910 году С. А. былъ произведенъ въ хорунжіе и вышелъ во 2-й Кубанскій пластунскій баталіонъ, на сослуженіе съ отцомъ.

Черезъ два мѣсяца, онъ былъ командированъ съ сотней въ Военный отдѣлъ Терской области, для борьбы съ абречествомъ и Зелимханомъ, гдѣ на него было возложено веденіе дневника военныхъ дѣйствій. Здѣсь С. А. сблизился съ горцами, завелъ кунаковъ даже среди абрековъ, исходилъ вдоль и поперекъ дебри Кавказа и основательно познакомился съ бытомъ и нравомъ горцевъ; результатомъ этого впослѣдствіи появились его воспоминаня: «По стопамъ Зелимхана».

Черезъ годъ сотня возвратилась въ гор. Душетъ и здѣсь, наблюдая монотонную и непригляднуню жизнь пластуновъ, слыша жалобы старыхъ офицеровъ, онъ рискнулъ взять перо въ руки и вылить казачьи горести на страницахъ печати.

Въ 1911 году появился рядъ статей С. А. Федорова въ газетѣ «Инвалидъ» и журналѣ «Развѣдчикъ». Первая статья: «Горе забытыхъ», обратила вниманіе одного изъ немногихъ казачьихъ публицистовъ Подъесаула Калаушина, приславшаго теплое

письмо. Заниматься публицистикой въ то время было не такъ просто: всѣ статьи проходили строгую цензуру и только благожелательное отношеніе начальства спасало отъ преслѣдованій, когда острое перо «Линейца» больно кололо власть имущихъ и когда на писателя нападали опытные, матерые штабные волки. Въ это время С. А. печатался уже въ журналѣ «Офицерская Жизнь» и газетахъ: «Тифлисскій Листокъ», «Кубанскія Областныя Вѣдомости» и «Кавказскій Край», не разъ и очень сильно будоража людъ и добиваясь исправленія несправедливостей надъ казаками, офицерами и ихъ семьями. Пробовалъ онъ свое перо и въ области сатиры и юмора и первое же его произведеніе «Саркисъ подъ надзоромъ» доставило новыхъ враговъ. Начальство его цѣнило за работоспособность и возлагало одновременно необыкновенное множество должностей и обязанностей, несмотря а то, что аттестовало какъ «безпокойнаго и вліяющаго на умонастроене офицеровъ».

Вспыхнула война и въ первомъ же бою С. А. заработалъ орденъ св. Владиміра, а вслѣдъ — Анну «За храбрость». Съ пластунами С. А. продѣлалъ всю славную осеную эпопею — Сарыкамышъ, Караурганъ и т. д.

Въ 1915 году, совершивъ съ пластунской бригадой всѣ легендарныя операціи пластуновъ въ Галиціи, за что получилъ помимо всѣхъ боевыхъ наградъ, чинъ Подъесаула, онъ былъ вызванъ въ Офицерскую Воздухоплавательную Школу, куда просился еще передъ войною. Кончилъ онъ ее первымъ и вышелъ въ Морскую Воздухоплавательную роту, гдѣ сформировалъ 1-ю наблюдательную станцію съ которой провелъ на Рижскомъ фронтѣ всѣ боевые дни. Окончилъ, а затѣмъ преподавалъ на Морскихъ Воздухоплавательныхъ курсахъ. За свою боевую дѣятельность произведенъ въ чинъ Подполковника со старшинствомъ съ октября 1916 года.

Насталъ Корниловскій переворотъ и большевизмъ. С. А. былъ преданъ суду Революціоннаго Трибунала за контръ-революцію, но былъ оправданъ, такъ какъ было доказано, что режимъ, установленный С. А. по казачьему укладу, очень нравился нижнимъ чинамъ и что до революціи они преподнесли ему кортикъ, а послѣ нея—присудили Георгіевскій крестъ съ лаврами.

Видя разруху всего, С. А., по предложенію украинцевъ - воздухоплавателей, организовалъ особый Воздухотрядъ и послѣ борьбы съ большевиками вывелъ его въ Кіевъ.

Въ Кіевѣ принялъ живѣйшее участіе въ борьбѣ съ большевиками, будучи Начальникомъ Штаба Партизанскаго Отряда. Работалъ одновременно по организаціи Воздухчастей и состоялъ слушателемъ консульскаго отдѣленія Ближневосточнаго Института.

Здѣсь онъ, совмѣстно съ посломъ Юго-Восточнаго Союза Ф. Ф. Шапкинымъ отправлялъ людей на Донъ и Кубань для борьбы съ большевиками и переправлялъ вооруженіе и припасы, выкраденные отъ нѣмцевъ.

Въ январѣ 1919 г., возвращаясь въ Войско, С. А. занялся формированіемъ Воздухчастей въ Войскѣ и Добровармін, принимая участіе въ работахъ ко-

Первый Командиръ Кубанскаго воздухоплавательнаго дивизіона, Полковникъ С. А. Федоровъ (докторъ правъ, инженеръ-экономистъ).

миссіи Рады и военнаго Министерства. Лѣтомъ того же года, несмотря на противодѣйствіе Н—ка штаба Добрарміи Ген. Романовскаго, былъ сформированъ Кубанскій казачій Воздухоплавательный Дивизіонъ, первымъ командиромъ котораго былъ назначенъ онъ — Полковникъ С. А. Федоровъ. Съ нимъ С. А. продѣлалъ «Голодный походъ», Крымскую эпопею, Лемносъ. Въ послѣдніе дни Крыма онъ состоялъ въ качествѣ штабъ-офицера для по-

ученій при Предсѣдателѣ Временнаго Кубанскаго Правительства, Ген. Поповѣ.

Лѣтомъ 1921 г., окончивъ службу по войску, С. А. въ Дубровникѣ занялся физической работой, временами пописывая въ эмигрантской прессѣ, защищая казачьи интересы.

Въ 1922 г. переѣхалъ въ Чехословакію, поступивъ въ Украйнскую Господарскую Академію въ Подебрадахъ. Тамъ было уже нѣсколько кубанцевъ, которые организовали свое землячество, избравъ первымъ старостой С. А. Землячеству пришлось выдержать жестокую борьбу за право своего существованія.

Одной изъ первыхъ научныхъ работъ С. А. было составленіе «Очерка Экономической географіи Кубани», впослѣдствіи напечатаннаго въ Академическомъ журналѣ и выставленнаго въ 1923 г. на Академической выставкѣ въ Подебрадахъ.

Занимаясь наукой, стоя во главѣ организованнаго имъ кооператива, С. А. не оставлялъ въ сторонѣ казачьей жизни и принималъ участіе въ различныхъ эмигрантскихъ журналахъ.

Въ результатѣ длительной работы, имъ былъ написанъ большой трудъ «Казачья Нація», въ теченіи двухъ семестровъ читавшійся на семинарѣ соціологіи въ Академіи.

Одновременно съ прохожденіемъ курса въ Академіи, С. А. вступаетъ на юридическій факультетъ Украинскаго Университета въ Прагѣ, который заканчиваетъ въ 1926 г. съ дипломомъ доктора правъ, а въ 1927 г. совѣтъ профессоровъ утверждаетъ его профессорскимъ стипендіатомъ при кафедрѣ исторіи права. Въ этомъ же году онъ оканчиваетъ Академію по отдѣлу мѣстнаго самоуправленія съ дипломомъ инженера - экономиста и зачисляется на историческое отдѣленіе философскаго факультета въ Прагѣ и на отдѣлъ промышленности въ Академіи, который оканчиваетъ въ слѣдующемъ году, а философскій факультетъ — въ 1931 году.

Всѣ эти годы С. А. ведетъ самую напряженную работу, результаты опубликовываетъ въ журналахъ: «Казачій Путь», «Путь Казачества», «Казачій Сполохъ», «Кубанскія Думки», «Кубань», «Вольное Казачество», «Казачье Дѣло», «Родимый Край», «Кубанское Казачество», «Кавказскій Казакъ», «Кубанская Старина и Современность», «Россія», «Записки Украин. Господ. Акад.» и др. русскихъ, украинскихъ, чешскихъ и иныхъ журналахъ и газетахъ въ Чехословакіи и за-границей. Статьями его интересуются, въ Америкѣ переводятъ на иностранные языки; на Чешскомъ Карловомъ Университетѣ онъ читаетъ доклады о Казачествѣ.

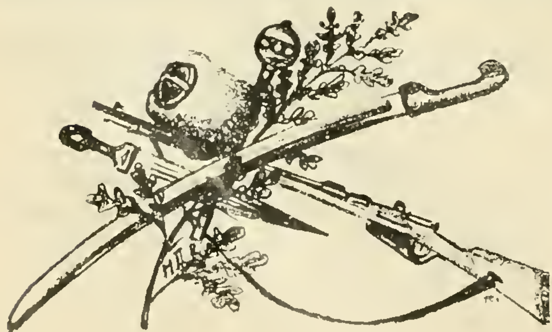
Находя единомышленниковъ, побуждая ихъ къ работѣ, самъ спеціализируясь по казачьимъ вопросамъ, С. А. организовываетъ «Общество Изученія Казачества», во главѣ котораго становится профессоръ Ф. А. Щербина.

Въ области литературной его работа проявляется въ принятіи дѣятельнаго участія въ организаціи «Союза Кубанскихъ писателей и журналистовъ», гдѣ имъ проводится мысль: «мы лишь грибница казачья; наша задача подготовить плодоносную почву, которая дастъ болѣе молодые всходы талантливыхъ казаковъ писателей и ученыхъ, для которыхъ будетъ Казачество — превыше всего. Для себя намъ ничего не нужно. Все для Казачества и Кубани».

Такимъ застаетъ его 1931 годъ — двадцатый годъ его журналистической дѣятельности. Образованный офицеръ, военный душой и тѣломъ до сего дня, воспитатель казачьей массы на военной службѣ, онъ при измѣнившейся обстановкѣ, въ тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ, находитъ въ себѣ силы и энергію окончить нѣсколько высшихъ учебныхъ заведеній и неутомимо работать въ области научной и журналистической, причемъ вся его дѣятельность пропитана искренней и беззавѣтной любовью къ Казачеству и желаніемъ величія Его.

Правленіе.

ЗА ЧЕСТЬ КУБАНИ...

Вотъ и Новороссійскъ. На рейдѣ, коптя огромной черной трубой, покачивается «Керчь» — эскадренный миноносецъ краснаго флота. Въ городѣ, увѣшанные красными лентами, конные матросы, съ бѣшенствомъ въ глазахъ, сгоняютъ народъ на вокзалъ — въ походъ на непокорную казачью столицу — Екатеринодаръ.

Петя сбросилъ сѣрую фронтовую шинель, скинулъ папаху, и купивъ на толчкѣ рваную штатскую тужурку, обтрепанный картузъ, — темной ночью подался въ Анапу.

Въ Анапѣ было не лучше. Петя пошелъ въ Темрюкъ: пріятель - однокашникъ по школѣ, Герасименко, - навѣрно пріютитъ его. Пріятеля не

было. У Герасименко легкія не въ порядкѣ и врачи направили его въ Нальчикъ. Родня его, приняла Петю радушно, предложила помогать въ хозяйствѣ, слѣдить за виноградомъ. Петя былъ радъ и благодаренъ.

Прошелъ май. Въ Екатеринодарѣ безчинствовалъ Сорокинъ; въ Темрюкѣ — Бѣликовъ; Таманскій Край всколыхнулся.

Своей грубой, красной, жестокой фельдфебельской рукой — Бѣликовъ сильно сдавилъ горло таманскихъ казаковъ и давилъ до тѣхъ поръ, пока у нихъ не проявилось желаніе освободиться отъ этихъ цѣпкихъ красныхъ рукъ.

Есаулъ Гулый, низкій, сухощавый, живой и порывистый, энергичный казакъ, ахтанизовецъ, въ концѣ мая, на каменномъ мосту, верстахъ въ десяти отъ Тамани, остановилъ автомобиль комиссара Бѣликова и убилъ краснаго вампира. Казаки - Таманцы, Ахтанизовцы, Вышестеблієвцы и Голубинцы поднялись, захватили четыре красныхъ орудія на берегу Керченскаго пролива, смотрѣвшихъ жерлами смертоносными на Керчь и обезоружили красноармейскіе отряды, охранявшіе Тамань. Началось таманское возстаніе. Гулый повелъ казаковъ на Темрюкъ, кишѣвшій разнымъ разнузданнымъ сбродомъ.

Послѣ вступленія украинскихъ гайдамаковъ и германскихъ войскъ въ Крымъ — Темрюкъ наводнили красные отряды. Банды матроса Непомнящаго, удравшіе изъ Керчи, толпы сброда комиссара Луриха — извѣстнаго борца «чемпіона міра» красныя роты темрючанъ, дравшіеся подъ Екатеринодаромъ съ Кубанской Арміей... зачѣмъ воевать въ какихъ то донскихъ степяхъ и калмыцкихъ песчаныхъ пустыняхъ, когда «Родная Кубань» избавлена отъ «бѣлогвардейцевъ». Къ моменту возстанія, въ городѣ было всякаго изувѣрствовавшаго сброда, много больше чѣмъ коренныхъ жителей.

Начальствованіе надъ гарнизономъ принялъ Романенко, маленькій, упругій, подвижной, полковой писарь. Онъ мобилизовалъ всѣхъ, кто только могъ носить оружіе; составилось два внушительныхъ отряда — Крымскій и Таманскій.

Въ городѣ имѣлось семь орудій и Крымскій конный полкъ, сформированный вахмистромъ Кобызевымъ, преимущественно изъ Крымскихъ татаръ. Петя попалъ солдатомъ въ 8-ю роту Крымскаго отряда. Его роту бросили на Старотиторовскую «переправу» — узкую проселочную дорогу между плавень, болотъ и лимановъ. Половина роты была изъ китайцевъ, набранныхъ Непомнящимъ въ Крымъ. Оскаливъ зубы, тараща глазами, они шли выручать «родную Кубань», волоча винтовки прикладами по землѣ.

Отрядъ медленно подвигался къ станицѣ на борьбу съ казаками. Петѣ казалось, что онъ плетется въ хвостѣ хунхузскаго отряда, съ китайской границы идущаго на Русь; камышеватыя плавни обращались у него въ рисовыя плантаціи, а трехлинейная винтовка, казалась, допотопнымъ боксерскимъ оружіемъ.

Его мозгъ сверлила безпокойная мысль: кого и за что идемъ убивать? Тянуло спросить и получить отвѣтъ, — но у кого? У китайца?

При этихъ мысляхъ рука судорожно сжимала винтовку, а жало штыка направлялось въ сторону желтокожихъ спинъ.

Развѣ спросить у того, кто ведетъ? У комиссара - матроса, съ наглымъ лицомъ и жирнымъ затылкомъ, матюкающаго «куркулей» и ругающаго въ «Бога», и «мать», и «небо» и, даже, на восемьдесятъ верстъ выше неба?

Петю охватило какое-то предчувствіе неотвратимой бѣды. Жуть и холодъ воцарились въ его душѣ. Хотѣлось лечь, заткнуть уши, закрыть глаза, не слышать безумныхъ воплей - ругани безумныхъ людей.

Когда показалась станица — затарахтѣли пулеметы, затрещали винтовки, бухнуло орудіе, рой пѣвучихъ шмелей понеслись надъ ихъ головами, — цѣпи залегли.

Петя почувствовалъ какъ въ груди началъ наростать какой-то клубокъ. И желая освободиться отъ этого клубка, ничего не сознавая, ни о чемъ не думая, съ глазами дико устремленными въ широкую, лоснящуюся чернью кожи, комиссарскую спину...

Петя неожиданно вскочилъ, побѣжалъ и, со стономъ дикаго наслажденія — всадилъ длинный трехгранный штыкъ по самую шейку. Комиссаръ дико-дико завылъ, задрыгалъ несуразными ногами и вытянулся. Лежавшій рядомъ китаецъ что-то залопоталъ по-своему, вскинулъ винтовку дуломъ въ упоръ Петинаго виска и хладнокровно выстрѣлилъ...

Петя, судорожно давившій штыкомъ комиссара, — безъ звука опустился на орошенную кровью родную Кубанскую землю...

Когда казаки энергично продвинулись впередъ — они увидѣли необычную группу: надъ пригвожденнымъ штыкомъ къ землѣ комиссаромъ — сидѣлъ молодой, красивый юноша, съ типичнымъ казачьимъ лицомъ. У него зіяла черная рана въ разможженной головѣ, а сильныя крѣпкія руки - судорожно сжимали прикладъ винтовки; большого труда стоило отнять ее у этого казачьяго юноши...

Тѣло Пети перевезли въ станицу.

Похоронили его на курганѣ, надъ кровавымъ яромъ, тамъ, гдѣ Бѣликовъ разстрѣлялъ 36 казаковъ. Полъ станицы пришло отдать послѣдній долгъ неизвѣстному герою и когда рыдающіе звуки послѣдней надгробной пѣсни звали людей къ послѣднему цѣлованію — кто - то неизвѣстный увѣнчалъ Петину грудь малымъ скромнымъ бѣленькимъ крестикомъ на Георгіевской лентѣ — Казачій даръ Казачьему герою...

Хорунжій Н. Гулый.

Инженеръ В. С. Мащенко

(Снять 2-го сентября 1931 г., въ Парижѣ, на церемоніи вожженія лампады Неизвѣстному Солдату)

Только всеобъемлющая Казачья натура можетъ вмѣстить въ себѣ столько похвальныхъ чертъ характера и способностей, какое обнаружено въ душѣ этого молодого и пылкаго казачьяго патріота, какимъ проявилъ себя нашъ общій другъ, и цѣнный членъ-ревнитель, Владиміръ Степановичъ Мащенко.

Попавъ въ 1920 году, какъ и всѣ, за границу и пройдя положенный стажъ бѣженскихъ мытарствъ — онъ прибываетъ въ Парижъ, заканчиваетъ свое среднее образованіе въ русской гимназіи и въ 1926 году поступаетъ студентомъ въ Высшую Индустріальную Школу Католическаго Университета въ Лиллѣ (сѣверъ Франціи), заканчиваетъ ее въ 1931 году и 29-го декабря того же года — моложавый, полный силъ и желаній, инженеръ-кубанецъ, выѣзжаетъ въ экваторіальную Африку, во Французское «Конго».

Карьера обезпечена. Но что испытано до этого?! Рабочій на заводѣ, матросъ паруснаго судна, чертежникъ, слесарь и, наконецъ, — джигитъ.

Являясь по крови на все 100 процентовъ Кубанскимъ кореннымъ казакомъ (сынъ извѣстнаго Кубанскаго врача Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника С. М. Мащенко, казака станицы Динской и по матери — казачки станицы Кисляковской, урожденной Зубовой) — онъ, конечно, не могъ остаться равнодушнымъ къ захватившей всѣхъ «джигитовкѣ» и отдался ей со всѣмъ присущимъ ему пыломъ. Ужъ инженеромъ, мужчиною въ 30 лѣтъ — но какъ ловокъ онъ былъ въ лезгинкѣ, на кинжалахъ, «на пальцахъ» даже по асфальту. Тонкій, гибкій, увертливый съ хорошими манерами, образованный, веселый и обходительный — онъ былъ украшеніемъ и душою общества. Черкеска и «чинъ» старшаго урядника, заслуженный имъ еще юношею на берегахъ Кубани, казалось, радовали его болѣе, чѣмъ положеніе инженера. Казачество затемняло у него все и стояло на первомъ мѣстѣ. И отъѣзжаючи съ одного изъ Парижскихъ подземныхъ вокзаловъ въ далекое Конго на два контрактовыхъ года — весело и беззаботно махалъ онъ на-прощанье намъ въ воздухѣ своею бѣлою косматою папахою, пока поѣздъ не скрылся въ изгибѣ темноты. Отъѣзжалъ весело, — словно на курортъ. Горе родитъ намъ достойныхъ казаковъ-гражданъ, умѣющихъ раздѣлять — гдѣ кончается французскій инженеръ и начинается Кубанскій казакъ.

Добрый свѣтлый путь мы ему шлемъ средь чернокожихъ въ дебряхъ экваторіальныхъ лѣсныхъ зарослей и, знаемъ, что и тамъ — Кубанское Казачество для него — всего выше.

Полковникъ Елисѣевъ.

Его адресъ: W. Mastchenko. Société «Alfa». Libreville — Gabon. Afrique. Via Bordeaux.

Первые Казаки Воздухоплаватели

(Кубанскій Казачій Воздухоплавательный Дивизіонъ)

Старые кадровые казаки - офицеры, очень чувствовали недостатокъ въ Войскѣ своихъ инженерныхъ, техническихъ и вспомогательныхъ войскъ, а также пѣшей артиллеріи въ пластунской бригадѣ. Роль казачества — быть только живою силою на случай войны — глубоко ихъ безпокоила и поэтому они совѣтовали молодежи добывать спеціальныя военныя знанія для того, чтобы впослѣдствіи примѣнить ихъ на пользу Родного Войска. Подъ вліяніемъ старшихъ офицеровъ, еще передъ войной, Сотникъ 2-го Кубанскаго пластунскаго баталіона С. Федоровъ, при объявленіи пріема въ Офицерскую Воздухоплавательную Школу, подалъ рапортъ о командировкѣ въ нее. Война помѣшала этой командировкѣ, но въ 1915 году, на австрійскомъ фронтѣ, изъ Баталіона Его Величества 6-го, были вызваны желающіе офицеры именно въ эту школу. Сотникъ Федоровъ, въ это время бывшій начальникомъ сводно - пулеметной команды этого баталіона, вмѣстѣ съ Хорунжимъ М. Зайченко изъявили свое желаніе быть командированными въ школу и прибыли туда вмѣстѣ съ денщиками — отборнѣйшими казаками, которые должны были контрабандой научиться воздухоплавательнымъ премудростямъ рядовыхъ воиновъ. Одинъ изъ нихъ каз. станицы Бѣслинѣевской Михаилъ Маркинъ окончилъ курсъ учебной команды мирнаго времени.

Казаки учились отлично и Сотникъ Федоровъ, шедшій во главѣ выпуска, взялъ вакансію въ Морскую воздухоплавательную роту, съ цѣлью изучить и морское воздушное искусство. Вначалѣ онъ былъ оставленъ въ команду строющагося дирижабля «Гигантъ», по размѣрамъ превышавшаго Цепеллины, но потомъ постройка была прекращена и казаки уѣхали по частямъ.

Морская рота только формировалась и на казаковъ была возложена задача — сформировать первую наблюдательную станцію. Дѣло было новое вообще, казаки взялись за него по-пластунски, завели казачьи порядки въ отрядѣ, были вызваны строевые казаки пластуны какъ инструктора пулеметнаго дѣла и пѣшаго строя. Отрядъ разбили не по ранжиру, а по областямъ и краямъ и вскорѣ морскіе воздухоплаватели оглашали казачьими пѣснями эстонское побережье и танцевали лезгинку... Казачій режимъ страшно нравился морякамъ, а еще больше, что казаки между собою и съ офицерами не только «говорили», но и «балакали», что сразу привлекло къ нимъ симпатіи взвода украинскаго и эстонско-латышскаго.

Здѣсь же подготавливался подъ шумокъ и казачій кадръ. Первые смотры прошли блестяще. Благодарственные приказы по Морской крѣпости въ Ревелѣ, трехдневный отпускъ и по рублю на брата — были наградою казачьему обученію. Весною же, начальникъ отряда, Подъесаулъ Федоровъ, былъ вызванъ Командующимъ эскадрой и получилъ приказаніе подготовить отрядъ къ плаванію для дессанта на Рижскомъ побережьи: дѣло было совсѣмъ новое; подобная проба была только во время русско - японской войны и кончилась неудачно — воздухоплавательный вспомогательный крейсеръ «Русь» попалъ въ плѣнъ подъ Цусимой къ японцамъ. Казаки и тутъ справились самостоятельно, по ихъ чертежамъ и проэктамъ были приспособлены суда и морской отрядъ вступилъ въ минную дивизію Адмирала Колчака.

Не оставляли первые воздухоплаватели Кубанцы и мысли о пополненіи офицерскаго кадра; въ школѣ и на службѣ они зарекомендовали себя хорошо. Вскорѣ, изъ Дѣйствующей Арміи, прибылъ Подъесаулъ 1-го Лабинскаго полка В.

В. А. Федоровъ, на морскіе воздухкурсы, а Хорунжаго 2-го Кубанскаго пластунскаго баталіона Б. П. Еглевскаго въ Офицерскую Воздухшколу въ Петроградѣ. Повторилась прежняя исторія съ денщиками, которые своими знаніями забивали морскихъ унтеръ - офицеровъ.

Старшій пулеметный инструкторъ, Подхорунжій ст. Царской Василь Ивановичъ Остапенко, изъ пулеметныхъ наводчиковъ - приказныхъ, выбившійся на всѣ кресты и медали, подавлялъ всѣхъ спокойствіемъ въ критическіе моменты и поражалъ меткостью огня, отгоняя нападавшіе безпрестанно аэро и гидропланы нѣмцевъ, ссаживая ихъ съ одной ленты.

По окончаніи навигаціи, морской отрядъ былъ посланъ на Рижскій фронтъ и оставался тамъ до оставленія Риги русскими войсками въ августѣ 1917 года. Натренировались здѣсь и офицеры, работая безъ отдыха, сами творили воздухтактику боя и достигли такихъ успѣховъ, что отрядъ ставился въ примѣръ остальнымъ частямъ казаки по 2-му Сибирскому корпусу и XII арміи, въ которыхъ работалъ. Польза пластунской системы работы была колоссальна. Нѣмцы стали пассивными; изъ-за желанія имѣть отрядъ у себя — ссорились войсковые начальники. При отрядѣ проходили курсъ практической стрѣльбы съ аэростата офицеры - артиллеристы и отбывали воздушную практику слушатели воздухкурсовъ и все время, въ непрерывной боевой работѣ, отъ разсвѣта до сумерковъ, а часто и ночью, не зная отдыха и опасности, презирая артиллерійскій огонь и налеты истребителей воздушныхъ змѣевъ, дѣйствовавшихъ противъ морскихъ - казаковъ и химическими средствами.

На составъ отряда сыпались кресты и медали; офицеры повышались въ чинахъ и лѣтомъ 1917 года Подполковникъ Федоровъ получилъ высшее назначеніе надъ всѣми морскими отрядами въ XII арміи.

А казаки потихоньку, по одиночкѣ, прибывали и прибывали въ отрядъ: кадръ былъ подготовленъ на славу. Перебило всѣ планы Корниловское выступленіе и отходъ изъ-подъ Риги. Количества казаковъ испугались, прослышали, что придутъ еще 70, былъ митингъ, почти бунтъ. Указывали на то, что въ 1-омъ отрядѣ нѣтъ до сихъ поръ краснаго знамени, что тамъ не носятъ красныхъ бантовъ, и избили большевиковъ - агитаторовъ, членовъ Армейскаго комитета.

Моряки были вызваны въ Ревельскую крѣпость для обороны ея, а послѣ большевицкаго переворота, старшіе офицеры, были отданы подъ слѣдствіе, а потомъ и судъ трибунала ревкомитета. Подп. Федорова обвиняли въ контръ-революціи, въ разжиганіи національныхъ страстей тѣмъ, что у него «балакали», пѣли казачьи пѣсни и ввели казачьи порядки: что казаки не признавали своимъ начальствомъ комитеты, а только своихъ офицеровъ, всѣ носили черкески, а денщики оставались у офицеровъ.

Морской ревсудъ оправдалъ Подполковника Федорова и тогда имъ, по просьбѣ украинцевъ, былъ выдѣленъ изъ состава морскихъ воздухчастей Особый морской воздухотрядъ, въ который вошли всѣ Кубанцы, жители Украины и многіе офицеры, механики и чиновники.

Въ декабрѣ 1917 года отрядъ этотъ ушелъ въ Кіевъ и расположился въ Кіевскомъ воздухоплавательномъ паркѣ, войдя въ подчиненіе Украинскому правительству. Здѣсь былъ составленъ планъ образованія особаго Кубанскаго отряда, на формированіе котораго далъ согласіе Кубанскій Войсковой штабъ, по докладу Подполковника Федорова, еще въ августѣ на Рижскомъ фронтѣ. Надо было усилить численность казачьяго кадра и подобрать самую лучшую матеріальную часть отряда для вывоза на Кубань. Январьскія событія на Кубани отдалили на значительное время вопросъ о формированіи. Большевики овладѣли желѣзнодорожными узлами и отрѣзали Украину отъ казачьихъ областей.

Подполковникъ Федоровъ прибылъ въ Екатеринодаръ и получивъ инструкціи отъ Кубанскаго Военнаго министра и его помощника ген. Успенскаго, прорвался черезъ фронтъ и прибылъ въ Кіевъ съ инструкціями Кубанскаго правительства. Вскорѣ Кіевъ былъ блокированъ совѣтским ивойсками: Кубанцы приняли участіе въ его оборонѣ, потомъ были въ партизанскихъ отрядахъ, захватили въ свои руки управленіе воздухокругомъ и вмѣстѣ съ б. Инспекторомъ воздухоплаванія Юго-Запад. фронта, донцомъ Полковникомъ Н. М. Марковымъ, не допустили эвакуаціи изъ Кіева воздушнаго имущества.

По возвращеніи Украинскаго правительства въ Кіевъ, казаки принялись организовывать воздушныя части Украины; во главѣ сталъ Полк. Марковъ, какъ Инспекторъ воздухоплаванія Кіевскаго района, а потомъ и всей Украины; Подп. Федоровъ командовалъ Кіево-полтавскимъ учебно-кадровымъ воздухдивизіономъ и работалъ въ украинскихъ комиссіяхъ при Главномъ и Генеральномъ штабахъ. Казаки - воздухоплаватели приняли участіе въ организаціи бюро при Послѣ Юго-Восточнаго Союза на Украинѣ, переотправляли въ свои Войска военный матеріалъ, охотниковъ, машины, мастерскія, пока это бюро не было арестовано нѣмцами, а президіумъ его посаженъ въ тюрьму; выручилъ ихъ Донской посолъ ген. Черячукинъ; тѣмъ не менѣе, дѣло было сдѣлано — лучшій матеріалъ былъ «переѣханъ» отъ нѣмцевъ на Донъ.

Загорѣвшаяся на Украинѣ гражданская война между Гетманомъ и Петлюрой, заставила совсѣмъ прекратить работу: казаки съ миссіей по снабженіе Полк. летчика Ткачева убыли на Кубань; по дорогѣ, въ Одессѣ, Полковникъ Марковъ остался и сталъ во главѣ воздухчастей, присоединившихся къ Добрарміи, а Полк. Федоровъ отправился на Кубань, добиваться у Командованія Добрарміи формированія Воздухчастей. Генералъ Врангель, нуждавшійся въ ихъ работѣ на Царицинскомъ фронтѣ, главное для постояннаго наблюденія за Волгой и совѣтской флотиліей, — рѣшительно поддержалъ казачьи желанія, но Начальникъ Штаба Добрарміи ген. Романовскій, еще болѣе рѣшительно возсталъ противъ казачьихъ воздухчастей и Врангеля, приказавъ всѣхъ казаковъ отправить въ пластуны.

Иначе смотрѣло на дѣло Кубанское правительство и Войсковой Атаманъ ген. Филимоновъ. Началась работа по созданію Кубанской Арміи: полк. Федоровъ былъ былъ приглашенъ для работъ въ Комиссіи Рады и военнаго министерства Кубани; Рада утвердила его докладъ; правительство ассигновало суммы и провело штаты. Усиленно старался объ этомъ Начальникъ Кубанскихъ Инженеровъ, ген. С. В. Поповъ, при управленіи котораго была сформирована воздухоплавательная команда. Войсковой штабъ прислалъ штатное укомплектованіе: первый у Кубанцевъ, и единственный у казаковъ, вообще, воздухоплавательный дивизіонъ, можно было развертывать, но не доставало имущества и аэростатовъ, которые находились въ паркахъ и складахъ отбитыхъ большевиками отъ укараинцевъ.

Къ лѣту 1919 года въ Екатеринодаръ были стянуты всѣ офицеры и чиновники казаки воздухоплаватели и пополнены спеціалистами, служившими подъ командой кубанцевъ въ морскихъ воздухчастяхъ и въ Кіевѣ.

Послѣ паденія Одесскаго фронта, полк. Марковъ сталъ во главѣ Воздухотдѣла ВСЮР; по соглашенію съ нимъ, кубанцы воздухоплаватели отправляли свои команды вслѣдъ за продвигавшимися впередъ войсками въ тѣ мѣста, гдѣ находилось воздухимущество; казаки захватывали его, сейчасъ же грузили напоѣзда и везли якобы въ склады ВСЮР; въ Таганрогѣ накладвыя переадресовывались на складъ въ Георгіевскъ, а фактически все сворачивалось въ Екатеринодаръ. Здѣсь уже былъ вполнѣ укомплектованъ Кубанскій казачій воздухоплавательный дивизіонъ, съ учебнымъ отрядомъ при немъ, и воздухоплавательнымъ паркомъ. Во главѣ былъ поставленъ Военный и Морской воздухоплаватель Полковникъ С. Федоровъ.

Технической частью завѣдывалъ опытный старый спеціалистъ Капитанъ Пакида, быв. инспекторъ воздухоплаванія въ Кіевѣ, хозяйственной частью — морс. воздух. Подъесаулъ В. Федоровъ, учебнымъ отрядомъ — Есаулъ Еглевскій, а старшимъ офицеромъ въ немъ — Подъесаулъ А. М. Норманъ, съ цѣлымъ кадромъ опытныхъ

офицеровъ и механиковъ. Въ открытыхъ воздухоплавательномъ и моторномъ урядничьихъ классахъ обучали специалисты казаковъ, имѣвшихъ уже полную подготовку въ 2-хъ классныхъ стан. училищахъ.

Казаки проходили кромѣ специальной и инженерную подготовку. Воздухскладъ былъ наполненъ имуществомъ: изъ Севастополя привезли имущества Черноморской эскадры дирижаблей, въ 1917 году принятаго отъ англичанъ пор. Нормакомъ въ Морской воздухротѣ; не хватало только аэростатовъ, которые были сложены въ Одессѣ подъ охраной Галицкой Арміи, присоединившейся къ Добрармiи и перевзявшей все украинское имущество.

Туда былъ командированъ съ командой Хор. Коротенко, — вывезти аэростаты во что бы то ни стало: онъ выполнилъ заданіе блестяще.

Отрядъ былъ снабженъ и вооруженъ. Учебный отрядъ далъ выпускъ молодыхъ специалистовъ передъ комиссiей, составленной изъ представителей Войск. Штаба, Инжен. управленія, Авіо и воздухдивизіона, ВСЮР, показавшихъ блестящую подготовку. Инспекторскiй смотръ, произведенный пом нач. Кубанскихъ инженеровъ генераломъ Франкомъ, доказалъ и строевую ихъ подготовку — дивизіонъ былъ поставленъ образцемъ инженернымъ частямъ Кубанскаго войска, и подготовился къ выступленію на фронтъ. Въ это время на Кубани произошли печальныя событія ноября 1919 года. Генералъ Романовскiй по телеграфу потребовалъ отъ Войскового Атамана расформированія дивизіона и отправленія казаковъ въ пластуны, а офицеровъ въ распоряженіе дежурнаго генерала, однако Кубанскiй военный министръ, ген. Звягинцевъ, начальникъ инжен. ген. Поповъ были противъ этого, а Войсковой Атаманъ ген. Филимоновъ прямо отвѣтилъ: не для того Войско формировало дивизіонъ, чтобы его расформировывать по требованію Романовскаго.

Полк. Федоровъ былъ вызванъ въ Штабъ ВСЮР и получилъ разносъ отъ Романовскаго, полк. Марковъ былъ вынужденъ уйти съ поста начальника воздухотдѣла ВСЮР, но дивизіонъ остался. Бѣлая армія покатилась отъ Орла; на дивизіонъ были возложены инженерныя задачи, которыя онъ съ успѣхомъ выполнялъ до самаго оставленія Екатеринодара.

Съ оставленіемъ Екатеринодара, покинули его и воздухоплаватели: все имущество съ паркомъ было эвакуировано въ Новороссiйскъ, а строевая часть, составивши инженерную воздухоплавательную сотню, двинулась въ походъ во главѣ Кубанскаго отряда ген. Морозова.

На пути отряда, дивизіонъ имѣлъ первое столкновеніе съ зелеными подъ стан. Саратовской, гдѣ взялъ въ плѣнъ ихъ дозоръ, а на слѣдующiй день выдержалъ упорный бой въ самой станицѣ съ красными войсками, пришедшими черезъ перевалъ изъ Черноморской губерніи. Своего Подхорунжаго и урядника, вмѣстѣ съ 28 убитыми изъ инженернаго отряда, предалъ онъ землѣ въ оградѣ Саратовской станичной церкви, отдавши имъ послѣднiй салютъ боевыми патронами; раненыхъ увезли съ собою.

По дорогѣ на Апшеронскую, дивизіонъ, слѣдуя въ арьергардѣ инженернаго отряда, отбивалъ зеленыхъ, подправляя дороги, прокладывая новыя для безконечныхъ обозовъ отходившихъ съ Кубани и докатился до Туапсе, откуда двигался далѣе на Сочи, въ качествѣ головного инженернаго отряда, починяя мосты и дороги, а отъ Сочи до Адлера — строя пристани въ мѣстахъ стоянокъ Кубанскаго Войска.

Въ Адлерѣ его захватила безславная сдача Кубанской Арміи. Командиръ дивизіона, разбудивъ ночью казаковъ, сообщилъ имъ о договорѣ сдачи, заявивъ, что офицеры рѣшили не сдаваться и предложилъ желающимъ уйти съ ними къ грузинскимъ границамъ, попытаться пройти въ Грузію, или попасть на американскiе пароходы для переѣзда въ Крымъ, или уйти просто въ зеленые. Всѣмъ уходящимъ отъ красныхъ было приказано раздать одежду изъ обоза, припасы и по 10.000 рублей на человѣка.

Ночью казаки тронулись изъ Адлера за рѣку: часть ихъ пошла съ Командиромъ на хутора Веселые, большинство ушло въ горы въ зеленые. Обманувъ «букретовскую» заставу, воздухоплаватели пришли къ морю подъ предлогомъ постройки пристани для дивизіи ген. Шкуро: не видя кораблей, они разыскали въ эстонскомъ селеніи два затопленныхъ большихъ баркаса, вытащили ихъ, законопатили и рѣшили вечеромъ отплыть въ Грузію; но послѣ обѣда пришли жданные корабли: воздухоплаватели снова взялись за постройку примитивныхъ пристаней и только, когда вечеромъ всѣ корабли были заполнены — они послѣдними, оставя обозъ и лошадей, отплыли на маленькiй буксирный пароходикъ «Тайфунъ» и отправились въ Крымъ, въ Феодосію, гдѣ ихъ ожидалъ личный составъ воздухпарка, но безъ имущества, оставленнаго въ Новороссiйскѣ.

Пополнивши свои ряды, воздухоплаватели присоединились къ Крымскому воздухотряду, въ которомъ впервые были и донцы и приняли участіе въ прорывѣ перешейка на Мелитополь: аэростатъ работалъ на поѣздномъ составѣ, совмѣстно съ броневиками и замѣнялъ одновременно конную развѣдку. Связанный телефономъ со

штабомъ Войскъ. наблюдатель въ корзинѣ аэростата видѣлъ на десятки верстъ движеніе своихъ и красныхъ войскъ и передавалъ виденное начальнику штаба. здѣсь же сидѣвшему у аростата и отмѣчавшему по картѣ.

Подъ командой полк. Зиновьева. воздухоплаватели приняли участіе въ разгромѣ Жлобы подъ Токмакомъ. принявшаго нашъ аэростатъ за совѣтскій и напоровшагося на нашу тяжелую пушку; здѣсь они ходили въ атаку и въ преслѣдованіе Жлобы.

Старый опытъ сухопутнаго. морского и берегового наблюденія былъ дополненъ опытомъ работы съ маневренной войнѣ. бронепоѣздами. Воздухоплаватели вырабатывали опять новую тактику, до сихъ поръ неизвѣстную.

Войсковые начальники очень цѣнили аэростатъ, как средство постояннаго непрерывнаго наблюденія: воздухпоѣздъ работалъ впереди тяжелыхъ бронепоѣздовъ: за легкими выѣзжалъ и впередъ линій. корректировалъ стрѣльбу по скрытыхъ станціяхъ. мостахъ. красныхъ броневикахъ и войскахъ. часто отбиваясь и отъ аэроплановъ. забрасывавшихъ насъ бомбами и отъ пѣхоты и конницы красныхъ.

Казаки мечтали пріобрѣсти свой аэростатъ: надо было его взять у красныхъ: случай помогъ — у нихъ оторвало и унесло въ море вѣтромъ аэростатъ: казаки его поймали. починили, приспособили и. сформировавъ въ Севастополѣ Доно-Кубанскій казачій воздухотрядъ подъ командой полк. Маркова. отбыли съ нимъ уже не къ Александровску, а къ Перекопу. гдѣ и работали до оставленія Крыма.

Около Джанкоя. ночью, имущество было уничтожено и отрядъ присоединился къ Штабу Кубвоздухдивизіона. находившемуся на транспортѣ «Владиміръ» въ Феодосіи. Донской отрядъ прикомандировался къ Кубдивизіону: казаки первые воздухоплаватели совмѣстно прибыли на о. Лемносъ и тамъ раздѣлились по своимъ корпусамъ.

Выдающаяся организаціонная и жертвенная дѣятельность полк. Маркова была вознаграждена по заслугамъ: Комвоздухдивъ Куб. представилъ его черезъ Кубначинженеровъ въ генералы и достойный этотъ человѣкъ былъ награжденъ чиномъ. который заслужилъ еще на Юго-Западномъ фронтѣ и на Инспекторскихъ постахъ Украины.

Дивизіонъ былъ свернутъ и влитъ въ инженерный кадръ Кубанскаго корпуса, съ которымъ перешли въ Сербію.

Командный составъ его перешелъ на мирныя занятія. Командиръ дивизіона. Н-къ учебнаго отряда. Завхозъ — закончили высшее образованіе: нѣкоторые посвятили себя профессорской дѣятельности — въ Канадѣ, въ Чехіи; старшій офицеръ Есаулъ Нормакъ, окончилъ эстонскую академію ген. штаба и авіошколу, а нынѣ занимаетъ постъ военнаго аташе въ Парижѣ; одинъ изъ офицеровъ. попавшихъ въ плѣнъ къ краснымъ. претерпѣвъ мученія. — нынѣ профессоромъ въ Политехникумѣ въ СССР. Казаки разбросаны повсюду, но еще до сихъ поръ держатъ связь не только со своими бывшими командирами. но и съ тѣми. которые остались на Кубани.

Дастъ Богъ возродится Кубань, будетъ у нея своя техническая сильная Армія и казаки уже не будутъ только живою силою. А ихъ техники будутъ и проводниками культуры не только на службѣ. но и въ мирное время. у себя дома.

Сотникъ *А. Медяникъ*

СОДЕРЖАНІЕ № 1-го СБОРНИКА «КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО»

1. «Войсковой Праздникъ» (историческі яданныя о немъ).
2. «Пластуны» (историческій обзоръ) — Полк. Федорова
3. «Разлилась Ты...» (былинный сказъ) — Вл. Куртана
4. «Церковная жизнь на Кубани со времени переселенія Запорожцевъ и до нашихъ дней» — Прот. Ломака
5. «Ставропольское Казачье юнкерское училище и его значеніе для Кубанскаго Казачьяго Войска» — Ген. Кокучько
6. «1-й Кавказскій полкъ» (краткія историческія данныя) — Полк. Елисѣева
7. «Подвиги дѣдовъ» (гибель Сот. Горбатко съ пластунами) — Подъес. Якименко
8. «Страдная пора на Кубани» — Подъес. Толбатовскаго
9. «Послѣдній взглядъ...» — казака Бідолага
10. «Наша слава, наша гордость» — Елисѣева
11. «Казаки на могилѣ Неизвѣстнаго Солдата въ Парижѣ» — Правленіе

Въ журналѣ 26 характерныхъ Кубанскихъ снимковъ и рисунковъ и карта района Турціи, гдѣ прошли боевую страду почти всѣ строевыя части Кубанскаго Войска въ Великую войну 1914-1917 г.г. На обложкѣ — Штабъ 1-го Хоперскаго полка

СОДЕРЖАНІЕ № 2-го СБОРНИКА «КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО»

1. «Кубань» — изъ поэмы — Н. Николаева (Члена Гос. Думы отъ неказачьяго населенія Кубанской и Терской областей и Черном. губ.)
2. «Столѣтній юбилей Конвоя Его Величества» — М. С.
3. «Атаманъ Кухаренко» (историческій очеркъ) — С. Лантуха
4. «Встрѣчи» — Полковника С. Макѣева
5. «Лабинцы и послѣдніе дни на Кубани» — Полковника Елисѣева
6. «Казачья пѣсня» — Генерала Толстова
7. «Екатеринодарская военно-фельдшерская школа» — Д-ра Мед. С. М. Мащенко
8. «Рождественское письмо Кошевого Атамана Ивана Сірко» — Подъесаула Еф. Якименко
9. «Великое Войско Кубанское» (Некрасовцы — очеркъ. Къ статьѣ приложенъ четкій портретъ Атамана Игната Некрасова) — Полк. и д-ръ правъ С. Федоорва
10. «Казачья слава за океаномъ» — П. Нитяга

Въ журналѣ 17 характерныхъ Кубанскихъ снимковъ и рисунковъ, 2 кроки боя Лабинцевъ. На обложкѣ Командиры сотенъ 1-го Таманскаго полка въ 1905 г. въ г. Асхабадѣ.

СОДЕРЖАНІЕ № 3-го СБОРНИКА «КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО»

1. «Пластуны въ Севастополѣ» — Полковника С. Федорова
2. «Оренбургское Казачье военное училище (историческій очеркъ) и Кубанское Казачье Войско» — портупей-юнкера Елисѣева
3. «Битва казаковъ съ черкесами» (воспоминанія) — проф. Ѳ. А. Щербины.
4. «Казачья колыбельная пѣсенка» — Е. Булавина
5. Полковникъ С. А. Федоровъ (къ 20 лѣтію литературной дѣятельности) — Правленіе
6. «За честь Кубани»... — Хор. Гулаго
7. Инженеръ В. С. Мащенко — Полк. Елисѣева
8. Первые казаки воздухоплаватели» — Сотника Медяника

Цѣна каждаго номера	3 фр. 50 с.
Цѣна трехъ померовъ	10 фр.
Для заграницы	5 фр.